
**Насонов С.А.
Напутственное слово
председательствующего
в суде присяжных**

ББК 67.411
НЗ1

Книга подготовлена и издана Независимым экспертно-правовым советом по грантам Европейской Комиссии, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и Института «Открытое Общество»

НЗ1   **Насонов С.А.**
Напутственное слово председательствующего в суде присяжных
М.: Р.Валент, 2006. — 304 с.

В книге излагаются актуальные для современного российского правосудия процессуальные проблемы, связанные с напутственным словом председательствующего в суде присяжных, затрагиваются теоретические и практические вопросы. Исследуются исторические модели напутственного слова. Анализируются конкретные практические ситуации, возникающие при рассмотрении дел с участием присяжных, предлагаются способы их разрешения.

Книга предназначена для практикующих юристов: судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников, а также для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и для всех, интересующихся ходом судебной реформы в России.

Содержание данной публикации является предметом ответственности Независимого экспертно-правового совета

© Независимый экспертно-правовой совет, 2006
© Художественное оформление, Мичурина В.П., 2006
© Макет, Афанасьев А.Н., 2005

ISBN 5-93439-189-5

Насонов С.А.

Напутственное слово председательствующего в суде присяжных

Р.Валент
Москва 2006

Содержание:

Предисловие	8
Глава 1. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: понятие, значение, исторические модели	10
1.1. Сущность и значение напутственного слова председательствующего судьи в суде присяжных	10
1.2. Исторические модели напутственного слова председательствующего судьи	30
Глава 2. Напутственное слово председательствующего судьи в суде присяжных по УПК РФ	47
2.1. Виды напутственного слова председательствующего в суде присяжных: сходство и различия	47
2.2. Вступление в напутственном слове председательствующего	51
2.3. Изложение содержания обвинения	55
2.4. Разъяснение уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый	57
2.5. Напоминание исследованных в суде доказательств	63
2.6. Изложение позиций обвинения и защиты	77
2.7. Разъяснение правил оценки доказательств	85
2.8. Разъяснение присяжным порядка совещания, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосования по ответам и вынесения вердикта	98
2.9. Напоминание присяжным заседателям содержания присяги и разъяснение им права признать подсудимого заслуживающим снисхождения	105
2.10. Возражения на напутственное слово, оспаривание напутственного слова в кассационных и надзорных жалобах	108
Заключение	119
Приложение	124
1. Напутственное слово Ф.А. Болдырева по делу М. Бейлиса	124

2. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу М. Жюжан	160
3. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу К. Юханцева ..	172
4. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу В. Засулич	186
5. Напутственное слово Е.Е. Люминарского по делу А. Данилова	197
6. Напутственное слово председательствующего по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова	203
7. Напутственное слово председательствующего по делу М.Н. Масарова	218
8. Напутственное слово председательствующего по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова	240
9. Напутственное слово председательствующего по делу С.Л. Цуханова	253
10. Напутственное слово председательствующего по делу П.В. Агеева	261
11. Инструкции присяжным заседателям в штате Аляска (США)	278
12. Заключение специалиста в области лингвистики о содержании вопросного листа и напутственного слова председательствующего (извлечение)	287
13. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (извлечение)	295
Библиография	300

«Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдуарда Ситона. Я отлично помню Ситона. Суд над ним состоялся в июне 1930 года. Ему было предъявлено обвинение в убийстве престарелой женщины. У него был ловкий защитник, и он сумел произвести хорошее впечатление на присяжных. Тем не менее свидетельские показания полностью подтвердили его виновность. Я построил заключительное слово на этом, и присяжные пришли к выводу, что он виновен. Вынося ему смертный приговор, я действовал в соответствии с их решением».

Агата Кристи. Десять негритят

Предисловие

Суд присяжных заседателей, возрожденный более 10 лет тому назад в Российской Федерации, стал своеобразным символом судебного красноречия. Большинство судебных ораторов прошлого и настоящего получили общественную известность только благодаря своим талантливым выступлениям в суде присяжных. Именно суд присяжных смог создать необходимые условия для появления вошедших в историю судебного красноречия защитительных выступлений Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, Н.П. Карабчевского, обвинительных речей М.Ф. Громницкого и А.Ф. Кони.

На фоне этих ярких и эмоциональных речей, опубликованных в многочисленных изданиях, совершенно незаметным выглядит еще один вид судебной речи, присущей только суду присяжных, — напутственное слово председательствующего судьи. В отличие от речей обвинения и защиты, ему не свойственны изысканные риторические обороты, острота выражений, эмоциональность образов и сравнений. Оно не привлекает такого общественного внимания как речи защитника и обвинителя.

Напутственные слова председательствующих судей за редким исключением не публиковались и не публикуются, до сих пор являясь исключительным достоянием судебных архивов и канцелярий.

Между тем, за внешне не привлекательным образом напутственного слова скрывается самое мощное средство воздействия на присяжных заседателей, *ultima ratio*, самый действенный аргумент, склоняющий чашу весов правосудия в ту или другую сторону.

Общаясь с присяжными заседателями последним перед их удалением в совещательную комнату, разъясняя им нормы права и напоминая обстоятельства дела, председательствующий судья находится в непосредственной близости с едва заметной гранью, перешагнув через которую, он может стать соавтором вердикта присяжных заседателей.

Именно поэтому критика напутственного слова председательствующего до сих пор является почти обязательным элементом большинства кассационных жалоб или представлений, подаваемых на приговор суда присяжных. Необъективность напутственного слова председательствующего судьи является частым основанием отмен как обвинительных, так и оправдательных приговоров, выносимых в российских судах присяжных.

Значительная часть процессуальных проблем и неразрешенных вопросов производства с участием присяжных заседателей также связана с институтом напутственного слова. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» напутственному слову посвящены несколько пунктов, однако они охватывают далеко не все вопросы, возникающие в практике рассмотрения дел судом присяжных.

В предлагаемой работе предпринята попытка рассмотреть в научно-практическом аспекте некоторые проблемные ситуации, связанные с напутственным словом председательствующего судьи.

Работа рассчитана, прежде всего, на адвокатов, осуществляющих защиту в суде присяжных, поскольку именно они чаще всего сталкиваются с проблемными ситуациями, описанными в книге, и нуждаются в практических рекомендациях по их разрешению.

Книга предназначена также для преподавателей, аспирантов, студентов, занимающихся изучением уголовно-процессуального права, а также для широкого круга читателей, интересующихся ходом судебной реформы в России.

В приложении к книге приводятся тексты пяти напутственных слов дореволюционного периода производства в российском суде присяжных, а также пять напутственных слов по уголовным делам, рассмотренным в наши дни.

Необходимо отметить, что работа носит предварительный характер и никоим образом не претендует на окончательность разрешения всех обозначенных в ней проблем судопроизводства. Цель автора — привлечь внимание исследователей и практиков к одному из наиболее проблемных аспектов деятельности необходимого нам «как свет и воздух»* института — суда присяжных.

Автор выражает огромную благодарность всем, кто оказал поддержку и помощь в работе над этой книгой.

С. Насонов

* Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896. С. 1.

Глава 1. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: понятие, значение, исторические модели

1.1. Сущность и значение напутственного слова председательствующего судьи в суде присяжных

После передачи присяжным заседателям вопросного листа и перед удалением присяжных в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий судья обращается к ним с напутственным словом.

Какие задачи решает этот этап судебного разбирательства? Насколько необходимо напутственное слово присяжным заседателям?

Надо сказать, что эти вопросы длительное время были дискуссионными в науке уголовно-процессуального права. В конце XIX — начале XX века в науке разгорелись споры о целесообразности и значимости напутственного слова в суде присяжных.

Как писал В.К. Случевский, защитники этого института приводили в его пользу главным образом «соображения о том, что через посредство его председатель помогает присяжным справиться со своей задачей, сводя в систему и группируя обстоятельства дела... Председатель через заключительное слово приобретает возможность предостеречь присяжных от ошибки и восстановить обстоятельства дела, неправильно изложенные сторонами»*. Н.Н. Розин полагал, что «напутственная речь председателя есть один из необходимых элементов процесса, движущегося при участии присяжных заседателей, так как последние нуждаются в объяснении им многих сторон их деятельности»**. Наиболее горячим сторонником этого процессуального института выступал А.Ф. Кони, который писал, что присяжные заседатели «зачерпываются как бы ковшом из всех слоев населения и, будучи бесконтрольными, безответственными и не обязанными объяснять свое решение судьями, по большей час-

* Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.

** Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1916. С. 461.

ти, не имеют юридического развития и привычки систематически комбинировать представляемые им, в двух совершенно противоположных окрасках, данные. Необходим руководитель, лично не заинтересованный ни морально, ни материально в том или другом исходе дела и могущий спокойно и беспристрастно, не рисуясь и не гонясь за эффектностью изложения, напомнить присяжным существенные обстоятельства, подходящие под признаки того или иного преступления или идущие с ними вразрез. Вместе с тем такой руководитель должен устранить неверное освещение этих обстоятельств обвинителем и защитником, восстановив правильную и столь часто ими нарушаемую «уголовную перспективу». Это надо делать просто и удобопонятно, внимательно оценивая доказательства, не допуская присяжных уклоняться на пути логического мышления в разные закоулки... Это руководство и оказание этой помощи закон возлагает на председателя»*.

Противники же напутственного слова председательствующего судьи указывали, что «возлагаемые в этом отношении на председателя обязанности неисполнимы. Нельзя обязывать председателя излагать обстоятельства дела и выяснять юридическую силу доказательств, запрещая ему вместе с тем излагать собственное мнение о деле... Председателю трудно отрешиться от выражения личного взгляда и не увлечь присяжных в сторону его...»**.

Высказывались и такие суждения, что «нередко заключительная речь председательствующего может быть названа целиком второй обвинительной или защитительной речью»***, поскольку «удержаться в требуемых законом пределах, не пошатнуться в своей речи в ту или другую сторону, другими словами, представить перед присяжными идеально беспристрастный взгляд на дело доступно не многим»****.

Эти дискуссии продолжаются и в настоящее время*****.

Кто же прав в этом концептуальном споре?

* Цит. по: Золотых В. Надо устранить неверное освещение обстоятельств // Российская юстиция.

М.: Юрид. лит., 1996. №1. С. 8.

** Случевский В.К. Указ. соч. С. 578—579.

*** Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России: Судебные очерки / М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1881. С. 339.

**** Там же. С. 337.

***** См. в Приложении, например: Объективность напутственного слова в изложении Кассационной палаты, судей и ученых // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1996. № 1. С. 6—9.

Безусловно, напутственное слово председательствующего — это важный и обязательный этап судебного разбирательства в суде присяжных.

Цель напутствия — помочь присяжным заседателям вынести вердикт, соответствующий закону и тем фактическим обстоятельствам, которые устанавливались в процессе судебного разбирательства и которые присяжные должны признать доказанными или недоказанными в соответствии со своим внутренним убеждением.

Необходимость в произнесении присяжным заседателям напутственного слова, перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта, обусловлена всеми сущностными признаками этой формы судопроизводства.

Сущностные признаки суда присяжных (принципы организации, компетенции, процессуальной деятельности судей факта) оказывают самое непосредственное воздействие на процедуру судебного разбирательства, предопределяя существование специального этапа — напутствия присяжных профессиональным судьей.

Для того чтобы выявить объективную связь сущностных признаков суда присяжных и необходимости произнесения напутственного слова, представляется необходимым кратко проанализировать содержание указанных признаков этой формы судопроизводства в рассматриваемом контексте.

Первым признаком суда присяжных является **разграничение компетенции между профессиональным судьей («коронным судом») и коллегией присяжных заседателей.**

Содержание этого признака суда присяжных очень точно передано средневековой формулой английского общего права: «Ad quaestionem facti respondent juratores, ad quaestionem juris respondent iudices» — «Вопросы факта решают присяжные, вопросы права — судьи» (лат.). Разграничение компетенции судебных коллегий проявилось еще на самом раннем этапе развития этой формы судопроизводства и было обусловлено причиной привлечения присяжных к разрешению вопросов факта в судебных спорах — их лучшей, по сравнению с судьями, осведомленностью о фактических обстоятельствах дела. В то же время судьи лучше знали прецеденты судебной практики и нормативные акты, и с учетом того, что их деятельность носила разъездной характер, единоличное разрешение ими вопросов права обеспечивало единообразие правоприменительной деятельности. Так, первая форма суда присяжных «*assisa*» возникла для

разрешения земельных споров посредством допроса под присягой двенадцати местных землевладельцев («старожилов»), которые лучше остальных знали фактические обстоятельства дела (размер участка, его владельца и т.п.). Единогласное засвидетельствование ими указанных вопросов факта, именовавшееся «*verdictum vicineti*», предопределяло разрешение судьей вопроса о праве на данное землевладение. В дальнейшем коллегия присяжных преобразовалась в «*jurata*», т.е. присяжные стали решать вопросы факта не только на основе личного опыта, но и на основании представленных сторонами доказательств. Перенесение этой формы разрешения дел в уголовный процесс, развитие в нем суда присяжных от розыскного органа до органа правосудия, не изменило изначальной роли присяжных — «свидетельствовать» о фактических обстоятельствах дела в вердикте. Изменилось только обоснование этой роли — право присяжных разрешать вопросы факта стало объясняться не тем, что они являются лучшими свидетелями произошедшего (присяжные стали решать указанные вопросы только на основе представленных сторонами и исследованных в суде доказательств), а тем, что они, обладая житейским опытом и здравым смыслом, способны по своему внутреннему убеждению и совести более глубоко, чем профессиональный судья, подойти к установлению сложных обстоятельств дела.

Российский суд присяжных полностью воспринял указанный сущностный признак этой формы судопроизводства. Он отражен в ст. 334 УПК РФ, где разграничена компетенция коллегии присяжных (разрешение вопросов, предусмотренных п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 229 УПК РФ, а также решение вопроса о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения) и председательствующего судьи (все остальные вопросы).

Этот признак суда присяжных предполагает необходимость произнесения перед «судьями факта» напутственного слова, как некоего «предохранительного механизма» от нарушений в ходе судебного разбирательства изложенных выше положений о разграничении компетенции между присяжными и профессиональным судьей. Именно в форме напутственного слова председательствующий получает эффективную возможность нейтрализовать допущенное сторонами нарушение разграничения компетенции и напомнить присяжным, перед самым удалением в совещательную комнату, что отдельные обстоятельства не должны учитываться ими при вынесении вердикта, т.к. не имеют отношения к функции присяжных.

Интересно, что в кассационной и надзорной практике Верховного суда РФ рассмотренное значение напутственного слова отражается наиболее часто:

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 4 февраля 2004 г. по делу Типикина указывалось следующее:

«Согласно ст. 335, 336 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ. Запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании.

Однако эти требования закона не выполнялись стороной защиты в ходе судебного разбирательства.

Как видно из протокола судебного заседания (и это правильно указано в представлении государственного обвинителя), защитник Типикина неоднократно нарушал требования норм уголовно-процессуального законодательства, что выражалось в том числе в оглашении показаний свидетелей в нарушение требований ст. 281 УПК РФ, в комментировании оглашенных процессуальных документов, в опорочивании доказательств, не признанных судом недопустимыми, и т.п.

Несмотря на неоднократные, систематические нарушения адвокатом требований уголовно-процессуального закона, председательствующий не принял всех необходимых мер, в частности, предусмотренных ч. 2 ст. 258 УПК РФ, для обеспечения порядка в судебном заседании, ограничиваясь каждый раз замечаниями в адрес адвоката.

В напутственном слове председательствующий не напомнил присяжным заседателям о всех противоречащих закону действиях и высказываниях адвоката и обратил их внимание лишь на одно его заявление о якобы имевшем место получении доказательств под незаконным воздействием органов дознания и предварительного следствия.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия считает, что своими действиями адвокат оказал влияние на формирование мнения присяжных заседателей при вынесении ими вердикта.

Поэтому приговор не может быть признан законным, он подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение»*.

Второй признак суда присяжных — **организационная отделенность и независимость в осуществлении судейских функций коллегии присяжных от профессионального судьи, юридическая безответственность присяжных за содержание вердикта и его безмотивность.**

Наряду с разделением компетенции между коллегией присяжных и профессиональным судьей, они организационно отделены и независимы друг от друга. Это проявляется и в различном процессуальном статусе «судей факта» и «судей права», различном порядке наделения их полномочиями, независимости присяжных в оценке доказательств и постановлении вердикта от профессионального судьи, и даже в расположении присяжных в зале судебного заседания за особым барьером, который отделяет их не только от сторон и публики, но и от процессуального единовластия профессионального судьи (председательствующего)**.

Организационная разделенность проявляется и в раздельном вынесении итоговых процессуальных решений в судебном разбирательстве: тайна совещания присяжных распространяется в полной мере и на профессионального судью (так же, как и тайна совещания профессионального судьи — на присяжных заседателей).

Следует подчеркнуть, что организационная разделенность является важнейшей гарантией независимости коллегии присяжных, самостоятельности в осуществлении судейских функций. Этой же цели служат такие процессуальные гарантии, как юридическая безответственность присяжных за содержание вынесенного вердикта, а также его безмотивность.

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2005. № 1. С. 15–16.

** История уголовного процесса свидетельствует, что независимость присяжных от профессиональных судей не являлась сущностным признаком ранних (архаических) форм суда присяжных, а была фактически «завоевана» присяжными в более позднее время. На ранних этапах развития этой формы судопроизводства в Англии, когда присяжные постановляли вердикт на основании своих собственных (свидетельских) познаний, они могли нести ответственность за неверный, с точки зрения коронного суда, вердикт как за лжесвидетельство, т.е. были зависимы от мнения профессиональных судей. Если в результате процедуры «process of attain» вердикт признавался неверным, присяжные, его постановившие, «теряли гражданские права... объявлялись навсегда бесчестными, их земли конфисковались, жен и детей выгоняли из дому... а сами они ввергались в тюрьму» (См. в Приложении...: Гейнце Р. Очерк английского судостроения в связи с судом присяжных. СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1896. С. 73). Однако в 1670 г. знаменитым решением судьи Вогана по делу Бушеля был создан прецедент, закрепивший право присяжных на свободную оценку доказательств, не подлежащую прямому контролю со стороны суда.

Позитивное значение этого сущностного признака суда присяжных состоит в том, что он обеспечивает подлинную (а не декларативную) независимость суда, позволяет присяжным оценивать доказательства по внутреннему убеждению и совести, содействует развитию состязательных начал в уголовном судопроизводстве.

Напутственное слово председательствующего является проявлением этого признака суда присяжных, поскольку, если бы в суде присяжных не было разделения коллегий и независимости присяжных заседателей, то отпала бы необходимость и в рассматриваемом процессуальном институте. Все необходимые разъяснения закона председательствующий давал бы заседателям, находясь совместно с ними в совещательной комнате. Однако это подорвало бы саму концепцию суда присяжных, превратило бы его в декорацию судопроизводства с участием народных представителей. Именно поэтому напутственное слово председательствующего является гарантией рассматриваемого сущностного признака суда присяжных, гарантией независимости «судей факта».

Кроме того, рассматриваемый признак суда присяжных определяет и ряд требований к свойствам напутственного слова председательствующего и, прежде всего, к такому его свойству как обязательность для присяжных заседателей. Насколько присяжные при вынесении вердикта свободны и независимы от положений напутственного слова председательствующего? Могут ли они отступить от разъяснений профессионального судьи? Ответы на эти вопросы представляются весьма неоднозначными и в немалой степени зависят от исторической модели напутственного слова председательствующего судьи*.

Третьим признаком суда присяжных является **формирование коллегии присяжных из лиц, не обладающих профессиональными знаниями норм материального и процессуального права, не имеющих опыта судейской деятельности.**

Формирование коллегии присяжных из лиц, не являющихся профессиональными юристами (и, тем более, судьями), — важный признак этой формы судопроизводства, проявившийся на самом раннем этапе ее развития (от присяжных-свидетелей требовалось знание именно фактических обстоятельств дела, а не правовых норм). Данный признак обусловлен самой идеей исследуемого процессуального института — оптимальным со-

* Более подробно этот вопрос будет рассмотрен во второй параграфе первой главы настоящей работы.

отношением «профессиональных» и «непрофессиональных» начал в отправлении правосудия.

Однако в отличие от остальных сущностных признаков данный признак прямо не закреплен в процессуальном законодательстве, а является обыкновением судейской практики формирования коллегии присяжных. Так, согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20 августа 2004 г. лица, являющиеся «судьей, прокурором, следователем, дознавателем, адвокатом, нотариусом или имеющим специальное звание сотрудником органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, службы судебных приставов, таможенных органов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также лицом, осуществляющим частную детективную деятельность на основе специального разрешения (лицензии)» могут быть освобождены от исполнения обязанностей присяжных в суде только по их заявлению, т.е. при добровольном отказе от своего права. Подобное правило характерно и для других моделей суда присяжных.

Обусловлено это правило тем, что возможность участия в судебном разбирательстве в качестве присяжного является не только «почетной обязанностью», но и правом гражданина, которое не может быть ограничено по признаку профессиональной принадлежности. Данное противоречие «снимается» обычными судебной практики: самоотводом указанных лиц, использованием сторонами права безмотивного отвода и т.д.

В чем же состоит преимущество формирования жюри из лиц, не знакомых с правом и не имеющих до этого опыта судейской деятельности?

Формирование жюри из лиц, не имеющих до этого опыта профессиональной судейской деятельности, исключает саму возможность проявления обвинительного уклона, профессиональных стереотипов в принятии решений. Профессионализм судей наряду со всеми его достоинствами имеет существенный недостаток: очень часто внутреннее убеждение профессионального судьи основано не только (и не столько) на исследованных в судебном заседании доказательствах, но включает в себя «проекцию... представлений, господствующих в профессиональном сообществе»*. На принятие профессиональным судь-

* Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: NOTA BENE, 2000. С. 34.

ей решения всегда оказывают влияние такие элементы его профессионального сознания, как профессиональные мифы, корпоративные стандарты и обыкновения. «Голосом принявшего решение судьи говорит как бы все профессиональное сообщество»*, солидарное в своих «внутренних» убеждениях. Практика показывает, что это единство часто проявляется в «обвинительном уклоне», что объясняется многими объективными и субъективными факторами.

Именно «непрофессионализм» присяжных позволяет им исследовать доказательства без какого бы то ни было обвинительного уклона, как беспристрастным арбитром, позволяет «реально разделить (ментально и юридически) пространства предварительного расследования и судебного зала»**.

С другой стороны, объем компетенции присяжных и характер вопросов, предлагаемых им для разрешения, позволяют утверждать, что присяжные обладают достаточным «профессионализмом» для успешного осуществления своих функций. Основой «профессионализма» присяжных является наличие у них «здорового смысла», позволяющего успешно разрешать самые сложные ситуации уголовных дел. «Здравый смысл» присяжных — это и «житейская психология», которая лежит в основе формирующейся у каждого человека непротиворечивой и связной картины мира, с помощью которой он может быстро ориентироваться в окружающей его реальности (психологический аспект), и совокупность «знаний, взглядов об окружающей действительности, навыков, форм мышления обыкновенного нормального человека, используемых в повседневной практической деятельности»*** (гносеологический аспект). Совершенно верно отмечено в литературе, что основу здравого смысла присяжных составляет именно совокупный потенциал здравого смысла «двенадцати человек, представляющих различные социальные слои общества, их культуру, знающих местные условия жизни, нравы и обычаи людей разных социально-психологических типов»****, что расширяет возможность постижения сущности исследуемого события, поскольку каждый из двенадцати присяжных рассматривает дело под своим определенным углом зрения, что обеспечи-

* Там же.

** Там же. С. 35.

*** Мельник В. Здравый смысл — основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 9.

**** Там же.

вает «стереоскопичность», всесторонность, тщательность восприятия обстоятельств дела. В российской процессуальной литературе многократно отмечалась достаточность здравого смысла и совести присяжных для разрешения сложных дел. Будучи беспомощным при решении теоретических задач, здравый смысл в практических делах многократно превосходит научные формы мысли, поскольку он «основывается на знании не только общего, но и частного, на учете не только общих принципов, но и многообразии конкретного опыта»*.

Рассматриваемый признак суда присяжных в наибольшей степени предопределяет необходимость произнесения председательствующим напутственного слова. Незнакомство присяжных заседателей с нормами материального и процессуального права делает необходимым разъяснение им данных положений председательствующим судьей, перед тем как они удалятся в совещательную комнату.

Особые трудности в уяснении присяжными правовых норм порождает возникающая коллизия между обыденными и официальными (процессуально-правовыми) нормами деятельности и принятия решений. Так, американский психолог Г. Гарфинкель писал, что присяжные заседатели «постоянно сталкиваются с необходимостью выбора между обыденными и правовыми нормами», а их вердикт зависит от того, насколько они усвоили правовые нормы и приняли решение в соответствии с ними**.

Не осознав этой коллизии или неправильно ее разрешив, присяжный может неверно оценить результаты того или иного процессуального действия, утратить объективность.

Так, например, неточное уяснение присяжным принципа презумпции невиновности или конституционного положения о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя, своего супруга и близкого родственника, может привести «судью факта» к неверной оценке отказа подсудимого (либо его супруга или родственника) от дачи показаний, что присяжный может истолковать как косвенное подтверждение вины подсудимого. Неточное (либо неверное) уяснение других аспектов указанного прин-

* Мельник В. Здравый смысл — основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 9.

** Гулевич О.А. Психология в суде присяжных (аналит. обзор): Учеб. пособие для вузов // Рос. гос. гуманит. ун-т. Ин-т психол. им. Л.С. Выготского. М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. (Психология и право). С. 45.

ципа может ввести присяжного в заблуждение относительно распределения бремени доказывания в судебном следствии, истинного значения обвинительного заключения, вступительных речей сторон и т.п. Недопонимание принципа состязательности присяжными может повлечь неверную оценку деятельности сторон и судьи, исказить всю картину судебного следствия.

Необходимость такого инструктирования разделяется и психологами, исследующими суд присяжных: «Когда присяжный... оказывается в пространстве игры, ритуала, отделенном от внешнего мира невидимой чертой, он должен... усвоить правила этой "игры". Не зная их, он будет действовать по привычке. Поэтому очень важно донести до него правовые нормы, которым он должен подчиняться»*.

Без такого разъяснения присяжные не смогут безошибочно оценить доказательства, ответить на поставленные перед ними вопросы.

О важности рассматриваемого значения напутственного слова свидетельствует появление в процессуальной литературе нового взгляда на напутствие председательствующего как на источник права для присяжных заседателей. С. Гришин пишет по этому поводу, что «...для присяжных, незнакомых с законом, реальным источником уголовно-процессуального права являются разъяснения уголовно-процессуального закона, даваемые председательствующим судьей в напутственном слове»**. В целом соглашаясь с позицией автора, отметим лишь то, что напутственное слово в рассматриваемом контексте выступает еще и как источник уголовного и других отраслей права, поскольку соответствующие нормы также разъясняются присяжным заседателям председательствующим. Вместе с тем в случае выявления радикальных расхождений между такими разъяснениями и текстом закона, кассационная инстанция встает на защиту позитивистского подхода к пониманию права и отменяет приговор.

Незнакомство присяжных с материалами дела до процесса и вынесение ими вердикта только на основании сведений, полученных в ходе судебного следствия — четвертый признак рассматриваемой формы судопроизводства.

* Магун А.В., Краснополский И.А. Судья-профессионал в суде присяжных (социально-психологическая характеристика) // Состязательное правосудие. Вып. 1. Ч. 2. М., 1996. С. 398.

** Гришин С. Напутственное слово председательствующего к присяжным заседателям — новый источник права // Уголовное право. № 4. 2005. С. 65–67.

Этот сущностный признак суда присяжных, как и все остальные, впервые был закреплен в английской модели этой формы судопроизводства. Однако и здесь изначально он не был присущ суду присяжных, а проявился в ходе многовековой судебной практики.

Как уже указывалось выше, самая ранняя форма суда присяжных предусматривала формирование коллегии из очевидцев (свидетелей) тех или иных спорных фактов, т. е. такие присяжные не только имели внесудебное знание о деле, но и судьями факта они могли быть только при наличии таких знаний. Такой порядок существовал длительное время, даже в указанном решении судьи Вогана по делу Бушеля (1670 г.) в качестве одного из аргументов, обосновывающих независимость судей факта, указывалось на право присяжных основывать вердикт на сведениях полученных до суда. Однако уже со второй половины XVII в. данное правило стало трактоваться как пережиток, а в 1816 г. своим решением, ставшим впоследствии прецедентом, лорд Элленборо обосновал принцип, что присяжные не вправе пользоваться своими собственными досудебными знаниями о деле при постановлении вердикта*. С тех пор данный признак стал сущностным для суда присяжных и был закреплен во всех его моделях.

Этот признак дал суду присяжных много преимуществ перед остальными формами судопроизводства, которым присуще прямо противоположное правило — обязательность ознакомления судьи с материалами дела до начала судебного разбирательства. Знакомясь с материалами дела на стадии назначения судебного заседания, судья решает очень важные вопросы, которые просто не могут быть им разрешены без ознакомления с делом. Шеффены (которые подчас вообще не знакомятся с делом, проявляя пассивность и в ходе судебного следствия) также имеют ничем не ограниченную возможность до начала слушания ознакомиться с любыми материалами дела. Несмотря на то, что судья не вправе выносить окончательное суждение по делу до конца судебного разбирательства, такое ознакомление иногда приводит к формированию предубеждения, «знания о виновности», что делает судью необъективным и пристрастным в ходе судебного разбирательства.

Присяжные, освобожденные от необходимости знакомства с делом, не попадают, таким образом, под влияние обвинительной установки, что позволяет им более объективно и беспри-

* Зивс С.А. Современный уголовный суд присяжных в Англии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 29.

растно подойти к разрешению дела. Кроме того, данное правило обеспечивает действительную реализацию в судебном разбирательстве принципов непосредственности и устности, что также служит более объективному рассмотрению дела.

Этот признак суда присяжных также предопределил необходимость напутственного слова, поскольку присяжные нуждаются в систематизации фактов, исследованных в судебном разбирательстве, и повторении основных моментов судебного следствия и прений перед удалением в совещательную комнату. Напутственное слово судьи обеспечивает познавательную доступность судебного следствия для присяжных заседателей, позволяет им вспомнить важные моменты исследования фактов дела, разъясняет позиции сторон.

Таким образом, все сущностные признаки суда присяжных свидетельствуют о наличии объективной необходимости в напутствии профессиональным судьей присяжных заседателей перед их удалением в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Однако эта необходимость взаимосвязана со значительной проблемой — соблюдением судьей объективности при произнесении напутственного слова. Для судьи недостаточно беспристрастно и точно изложить присяжным позиции обвинения и защиты. Необходимо максимально воздержаться от высказывания личной оценки собранных по делу доказательств. Проблема объективности напутственного слова судьи обусловлена его психологическим значением для присяжных заседателей.

Исследования психологов свидетельствуют об особом внимании присяжных заседателей к напутственному слову председательствующего. Присяжные нередко ассоциируют себя с председательствующим, внимательно следят за каждой его реакцией на происходящее в зале судебного заседания. Психологи полагают, что «инструкции судьи оказывают значимое влияние на решение присяжных»*. Исследования, проведенные психологами в Московском областном суде, показали, что в процессах, где устанавливается контакт между председательствующим и присяжными, «присяжные склонны идентифицироваться с председательствующим и полностью принимать его позицию»**.

Согласно данным, полученным в ходе исследований Г. Кальвина и Г. Зейцела, степень солидарности присяжных заседателей и председательствующего судьи по поводу предстоящего

* Гулевич О.А. Указ. соч. С. 97.

** Магун А.В., Краснополянский И.А. Указ. соч. С. 411.

вердикта достигает 75%, только «в 2,2% случаев судьи говорили об оправдании, а присяжные об обвинении... обратная ситуация наблюдалась в 16,9% случаев»*.

Большое значение для присяжных имеют инструкции судьи о невозможности использовать ту или иную информацию при вынесении вердикта. Психологи считают, что она «оказывает серьезное влияние на решение присяжных...», которые, получив такие разъяснения чаще «игнорируют информацию, признанную судьей недопустимой»**.

Сильное влияние, которое оказывает на присяжных заседателей напутственное слово председательствующего, создает опасность «подсказывания» им решения, которое необходимо вынести по делу. В психологических исследованиях отмечается, что «присяжные заседатели сильно подвержены тому или иному уклону, если его демонстрирует председательствующий»***.

А.Ф. Кони писал об этом в статье «Присяжный заседатель»: «Необходимым условием для руководящего напутствия является разумная уверенность председателя в закономерности и житейской целесообразности даваемых им разъяснений, в которых, разбирая относительную силу представленных доказательств для правильного разумения их присяжными, он не должен, однако, обнаруживать личного мнения о вине и невинности подсудимого. К сожалению, далеко не всегда напутствие удовлетворяет этому требованию. Анализ веса и значения доказательств по делу... дело нелегкое и требующее большой вдумчивости, а фарватер между Сциллой и Харибдой обвинения и оправдания узок и извилист. Поэтому бывают случаи, когда в делах, требующих именно веского и твердого слова, в напутствии появляется неуверенность и колебание или, наоборот, вместо разбора доказательств — навязывание присяжным своего мнения о виновности, приводящее к отрицательным результатам»****.

Навязывание мнения может иметь место даже в том случае, если председательствующий не высказывает прямо своей позиции по делу, нередко «известный вывод логически необходимо вытекает сам собой, при правильной группировке фактов»*****.

* Гулевич О.А. Указ. соч. С. 26.

** Там же. С. 102.

*** Магун А.В., Краснополянский И.А. Указ. соч. С. 416.

**** Кони А.Ф. Присяжные заседатели. Собр. соч. Т. 1. М.; Юрид. лит., 1966. С. 357.

***** Закревский И. По поводу «резюме» председателя суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 5. С. 53.

Как же соотносить необходимость напутственного слова председательствующего для присяжных заседателей и угрозу мощного воздействия на «судей факта», предопределяющего их вердикт?

Коллизия между необходимостью произнесения напутственного слова председательствующим в суде присяжных и опасностью выражения им своего мнения разрешается за счет закрепления в законодательстве процессуальных «механизмов», гарантирующих объективность напутственного слова.

Содержание этих процессуальных гарантий обусловлено юридической сущностью напутственного слова председательствующего судьи.

В литературе приводится множество вариантов определения напутственного слова, каждое из которых представляет собой подчеркивание определенных его аспектов, которые автор почитал наиболее важными.

Так, Н.В. Григорьева дает такое определение: «Напутственное слово председательствующего в суде присяжных судьи — это его произносимая перед присяжными заседателями речь, завершающая процесс восприятия ими доказательств и аргументов сторон, которая в необходимой степени осведомляет представителей народа о правовых сторонах рассматриваемого дела, порядке постановления ими вердикта и его юридическом значении»*.

В. Зажицкий полагает, что напутственное слово председательствующего — это «его пояснения по тем правовым вопросам, которые ставятся перед коллегией присяжных заседателей и могут иметь значение для вынесения справедливого вердикта»**. Судариков В.А. полагает, что напутственное слово является «одним из основных средств коммуникации между судьей и присяжными заседателями, в нем судья по существу разъясняет им смысл вопросного листа»***.

Из приведенных выше рассуждений и определений видно, что напутственное слово председательствующего, как процессуальное действие, обладает двумя группами признаков.

* Григорьева Н.В. Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1. Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе. 1996. С. 161.

** Зажицкий В. Напутственное слово председательствующего // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1994. № 3. С. 5–6.

*** Судариков В.А. Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве: Дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. М., 2004. С. 177.

Первую группу признаков образуют **свойства** напутственного слова председательствующего как юридически значимого процессуального действия. Эти признаки всегда присущи напутственному слову председательствующего, независимо от его содержания и обстоятельств рассматриваемого дела.

К **свойствам** напутственного слова можно отнести его:

- обязательность для присяжных;
- оспоримость сторонами на предмет необъективности;
- возможность дополнения и уточнения;
- устную форму с обязательным письменным аналогом, приобщаемым к материалам дела.

Обязательность напутственного слова председательствующего судьи для присяжных означает, что они должны выполнить все правовые указания (о правилах оценки доказательств, процедуре совещания и т.д.), которые им дал профессиональный судья. В случае невыполнения присяжными этих указаний — это признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора по делу.

Так, в нарушение указаний председательствующего в напутственном слове по уголовному делу по обвинению Шерстнева, в совещательной комнате Краснодарского краевого суда во время обсуждения вердикта помимо комплектных присяжных заседателей находился и запасной, а по другому делу тайна совещания была нарушена тем, что присяжные заседатели удалились в совещательную комнату не сразу после объявления об этом председательствующим судьей, но в течение 15 минут находились в коридорах суда и общались с посторонними лицами, а после удаления в совещательную комнату старшина присяжных заседателей выходил из нее и обращался к председательствующему судье за разъяснениями, после получения которых вновь удалился в совещательную комнату. Оправдательный приговор по данному делу был отменен по протесту прокурора*.

Другой пример обязательности указаний председательствующего в напутственном слове, показывает последствия неисполнения присяжными требования судьи аннулировать «особое мнение» в вердикте:

«Судом присяжных заседателей Рязанского областного суда 22 сентября 2003 г. осуждены: Повернов по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, Соляниченко по ч. 3 ст. 30 и п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

* Шурыгин А.П. Правоприменительная практика рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 2.

Соляниченко признан виновным в покушении на убийство Наумова, а Повернов — в умышленном убийстве этого потерпевшего группой лиц по предварительному сговору.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 10 марта 2004 г. приговор суда присяжных отменила, указав следующее.

По смыслу закона (ч. 2 ст. 345 УПК РФ) вердикт присяжных заседателей должен быть ясным и непротиворечивым. Однако при вынесении вердикта по настоящему делу это положение закона не соблюдено.

Согласно предъявленному обвинению Повернов и Соляниченко, реализуя договоренность на убийство Наумова, набросили ему на шею полотенце и стали тянуть за концы с целью удушения. Не добившись результата, Повернов взял со стола кухонный нож и нанес им удар потерпевшему в область сердца, причинив смерть.

На поставленный перед присяжными заседателями вопрос о доказанности совершения вышеназванных действий Поверновым присяжные заседатели первоначально ответили “Нет, не доказано”, а затем, после дополнительного разъяснения председательствующим порядка голосования, исправили ответ на этот вопрос и указали “Да, доказано”. В то же время на оборотной стороне вопросного листа присяжные заседатели изложили свое “особое мнение”, из которого следовало, что они не установили (не определили), кто же из подсудимых нанес удар ножом потерпевшему, в результате чего наступила его смерть.

Председательствующий возвратил присяжных заседателей в совещательную комнату, обратив их внимание на недопустимость “особого мнения”, однако они не аннулировали эту запись путем зачеркивания либо оговорок.

При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что “особое мнение” присяжных заседателей, изложенное ими в вопросном листе, не совпадает с их ответом на вопрос о доказанности действий Повернова, связанных с причинением смерти Наумову путем нанесения потерпевшему удара ножом в область сердца, вердикт следует признать неясным, в связи с чем приговор подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение»*.

Вместе с тем, обязательность иных указаний председательствующего судьи для присяжных варьируется в зависимости от

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 10 марта 2004 г. Дело № 6-004-10сп.

исторической модели суда присяжных, что будет более подробно рассмотрено в следующей главе работы.

Оспоримость напутственного слова председательствующего означает возможность для сторон заявить возражения на напутственное слово, до того как присяжные заседатели удалятся на совещание для вынесения вердикта. Важной гарантией этого свойства напутственного слова является наличие процедуры заявления таких возражений в присутствии присяжных заседателей.

Возможность дополнения и уточнения напутственного слова предопределяется предыдущим свойством этого процессуального действия. Очевидно, что возражения сторон на напутственное слово лишь тогда не лишены своего истинного смысла, когда председательствующий имеет право уточнить или дополнить напутственное слово.

Вторую группу признаков напутственного слова образуют **требования** к нему:

- полнота;
- ясность для присяжных;
- объективность;
- безошибочность в разъяснениях закона и обстоятельств дела.

Полнота напутственного слова — это требование к его содержанию, состоящее в том, чтобы в напутственном слове были отражены все обстоятельства, о которых председательствующий обязан сообщить присяжным в соответствии с процессуальным законом. Неполное напутственное слово может повлечь вынесение неправоудного вердикта вследствие неверного понимания присяжными, например, правил оценки доказательств. Нередко неполнота напутственного слова проявляется в неполном изложении присяжным позиций одной из сторон и тем самым сочетается с его необъективностью.

«В ст. 451 УПК РСФСР говорится, что перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий обращается к присяжным заседателям с напутственным словом, его содержание определено в данной статье.

При произнесении напутственного слова председательствующему запрещается в какой-либо форме выражать свое мнение по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей, а стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности.

Эти требования закона председательствующий не выполнил при произнесении напутственного слова по делу в отношении Р., который Московским областным судом присяжных осужден по ч. 1 ст. 313 УК РФ и оправдан по п. «б», «в» ч. 3 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ ввиду неустановления события преступления, по ч. 2 ст. 167 УК РФ — за недоказанностью его участия в совершении преступления.

В напутственном слове председательствующий судья не напомнил присяжным заседателям о показаниях свидетеля Тимченко о белье веревке, которой, согласно обвинению, был задушен Казанцев, а когда государственный обвинитель заявил возражения по этому поводу, председательствующий отклонил их и не дал присяжным заседателям разъяснения о необходимости вынесения вердикта с учетом показаний Тимченко наряду с другими доказательствами, т.е. не выполнил требования ст. 451 УПК РФ об объективности напутственного слова»*.

Напутственное слово должно быть понятным присяжным заседателям, что особенно важно, поскольку в напутственном слове председательствующий разъясняет им правовую терминологию. Однако сложность восприятия наиболее часто создает не сама терминология, а способ ее донесения до присяжных. Можно полностью согласиться с Л.Е. Владимировым, который писал о том, что сами по себе нормы уголовного и уголовно-процессуального права доступны для понимания каждого человека: «Принципы судопроизводства суть не что иное, как правила простого здравого смысла, доступные пониманию каждого, кто не лишен здравого смысла»**.

Прав В. Мельник, подчеркивающий, что «понятность напутственного слова председательствующего зависит от точности и ясности его речи»***.

В одной из дореволюционных работ по уголовному процессу приводился один из случаев последствий неясности правовых разъяснений председательствующего в напутственном слове: «Однажды в городе Николаеве председатель объяснил присяжным, что голоса их должны быть сохранены в тайне и это было понято старшиной присяжных заседателей так, что голоса должны быть подаваемы ими в тайне друг от друга, по-

* Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2002. № 7. С. 18–24.

** Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков, 1873. С. 136.

*** Цит. по: Мельник В. Здравый смысл в напутственном слове // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1995. № 9. С. 7–8.

этому старшина собирал голоса от присяжных, спрашивая их на ухо»*.

Требование объективности напутственного является отражением процессуальной функции председательствующего судьи в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей — функции беспристрастного арбитра, не встающего на позицию какой-либо из сторон. Содержание требования объективности зависит от исторической модели суда присяжных, однако в самом общем виде объективность напутственного слова проявляется в следующих признаках:

- судья не высказывает своего мнения по фактам дела, достоверности и достаточности доказательств;
- судья не умаляет и не подчеркивает достоинства позиции сторон;
- судья в равной степени приводит доказательства представленные как стороной обвинения, так и стороной защиты;
- судья не произносит ничего, что могло бы подорвать у присяжных доверие к стороне защиты или стороне обвинения;
- судья не встает на позицию какой-либо из сторон**.

Правильность разъяснений председательствующим судьей принципов уголовного судопроизводства, положений уголовного и уголовно-процессуального законов непосредственно влияет на вердикт присяжных заседателей. Ошибочные разъяснения судьей положений закона присяжным заседателям, рассматриваются как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и влекут отмену приговора по делу.

В деле по обвинению С. в умышленном убийстве с отягчающими обстоятельствами и квалифицированном взяточничестве присяжные четыре раза (в одном случае уже во время начавшегося оглашения старшиной их вердикта) возвращались в совещательную комнату для устранения противоречивости вердикта, **но без разъяснений председательствующего, в чем состоят эти противоречия**. Это оказало негативное воздействие на присяжных, и их вердикт в кассации был признан неясным и противоречивым***.

Только соответствующее всем этим требованиям напутственное слово способствует присяжным заседателям в объективном решении уголовного дела и вынесении правосудного вердикта.

* Тимофеев Н.П. Указ. соч. С. 337.

** Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе пособия.

*** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу № 19-кп000-25 сп. Курсив мой. — Ф.Н.

Вместе с тем в различных исторических моделях суда присяжных содержание этих требований существенно различается. Можно выделить три основные исторические модели напутственного слова председательствующего в суде присяжных: англо-американскую, континентальную (французскую) и смешанную. Представляется, что рассмотрение особенностей указанных моделей напутственного слова позволит глубже исследовать сущность и проблемные вопросы этого процессуального института по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации, а также обеспечит необходимую теоретическую базу для решения практических задач, возникающих в современном российском суде присяжных.

1.2. Исторические модели напутственного слова председательствующего судьи

В Великобритании и Соединенных Штатах Америки речь председательствующего судьи, произносимая перед присяжными заседателями, называется наставлением (charge).

Направляя присяжных в совещательную комнату, судья произносит напутствие, касающееся обстоятельств дела и порядка совещания присяжных*.

Его значение состоит в том, чтобы разъяснить так называемым судьям факта, призванным самостоятельно вынести вердикт о виновности или невиновности обвиняемого, их процессуальные обязанности, правила оценки доказательств, соответствующие нормы права, а также систематизировать представленные сторонами доказательства.

Первой отличительной чертой англо-американской модели напутственного слова является обстоятельный анализ уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм права, которыми должны руководствоваться присяжные при вынесении вердикта.

Примером этого является следующий фрагмент из Инструкции присяжным заседателям штата Аляска (США):

«Каждое лицо, дающее показания под присягой, является свидетелем. Вы, как присяжные, являетесь единственными судьями достоверности свидетелей, под которой я имею в виду, насколько свидетели заслуживают доверия. Вы также единственные судья того, насколько вески их показания.

Вы можете поверить всем, части, или ничему в показаниях

* В некоторых штатах США напутственное слово произносится председательствующим до прений сторон.

любого свидетеля. Вы не обязаны верить свидетелю, даже если ничто не противоречит его показаниям. Вы должны действовать разумным образом при решении вопросов о доверии свидетелю и вескости его показаний.

Решая, верить ли свидетелю, или как вески показания свидетеля, вы должны принимать во внимание все обстоятельства, которые могут помочь вам вынести суждение в отношении показаний. Среди того, что вам следует принять во внимание, следующие факторы:

- 1) отношение, поведение и внешний вид свидетеля во время дачи показаний;
- 2) уровень интеллекта свидетеля;
- 3) возможность и способность свидетеля видеть или слышать то о чем свидетель дает показания;
- 4) точность памяти свидетеля;
- 5) любой мотив у свидетеля не говорить правду;
- 6) любую заинтересованность свидетеля в исходе дела;
- 7) любое предубеждение у свидетеля;
- 8) все мнения или доказательства в отношении репутации свидетеля;
- 9) любые прежние судимости свидетеля, связанные с честностью или правдивостью;
- 10) соответствие или несоответствие здравому смыслу показаний свидетеля;
- 11) согласованность в показаниях свидетеля, и подкрепляются ли они или противоречат ли другим доказательствам.

Свидетель-неэксперт (неспециалист) может давать показания об его или ее мнении, если оно разумно базируется на восприятии свидетеля и помогает прояснить понимание показаний или определение рассматриваемого факта.

Определяя, каков вес должен быть придан мнению, высказанному свидетелем-неспециалистом, вам следует принять во внимание, насколько свидетель заслуживает доверия, насколько у свидетеля была возможность воспринимать то, на чем основывается высказанное мнение и доводы, приведенные в обоснование, если были. Вы не обязаны принимать такое мнение, но должны придать ему определенный вес, на который, по вашему мнению, оно имеет право»*.

И. Закревский отмечал по этому поводу, что поскольку «теория судебных доказательств» обязательна для присяжных,

* Более полный текст инструкции см. в приложении.

«председатель суда объясняет ее им каждый раз, насколько она касается обстоятельств данного дела»*.

Следует отметить, что в США указанная часть напутственного слова обычно формулируется в стандартных сборниках напутственных слов, утверждаемых судами или судебными советами штатов. Эта часть напутствия председательствующего обязательна для присяжных заседателей. Судья рассматривается как «наставник присяжных заседателей по вопросам права»**, это подчеркивается стандартной вступительной фразой напутствия судьи: «Сейчас я дам вам инструкции относительно законов, которые должны быть применены по этому делу»***.

Вторая особенность англо-американской модели напутственного слова председательствующего состоит в детальном анализе доказательств и фактов дела.

Председательствующий должен напомнить присяжным «о всех фактах, приведенных сторонами, сгруппировать эти факты, отделить существенное от несущественного, указать, какие факты могут быть приняты за доказательство, какой вес имеет то или другое доказательство»****.

В «Руководстве для присяжных заседателей, заседающих в окружных судах Соединенных Штатов» отмечается: «Судья может (по своему усмотрению) опустить или объяснить присяжным какие фактические данные должны быть положены в основу их обсуждения, а какие факты не имеют значение для дела. Другими словами, судья может обратить внимание присяжных на действительно важные аспекты дела и частично суммировать доказательства, представленные суду»*****.

Третья, и наиболее важная особенность, англо-американской модели напутственного слова в суде присяжных состоит в наличии у председательствующего права прокомментировать доказательства и выразить свое мнение относительно фактов дела*****.

* Закревский И. По поводу «резюме» председателя суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 5. С. 47.

** Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 460.

*** См. в Приложении инструкцию присяжным штата Аляска в приложении к настоящей книге.

**** Закревский И. Указ. соч. С. 48.

***** Handbook for Trial Jurors. Serving in the United States district courts. Washington, D.S. 20544: p 7–8.

***** Подобное правило запрещено почти в половине штатов США.

«Инструкции» и «советы» председательствующего судьи для присяжных имеют во многих случаях обязательный характер. При этом судья может не только просто анализировать доказательства, но и советовать, какой вердикт (обвинительный или оправдательный) должны вынести присяжные. Причем в тех случаях, когда в судебном заседании доказательства не оспорены обвиняемым (по мнению судьи), судьи обычно в своих напутствиях «констатируют этот факт» и указывают, «что согласно закону у жюри нет иного выбора, кроме осуждения (обвиняемого)».

И. Закревский приводит характерную цитату из напутственного слова английского судьи А. Кокборна по одному уголовному делу, связанную с приведенной особенностью напутствия англо-американской модели: «Надеюсь, никто не упрекнет меня в нарушении судебного беспристрастия за то, что я, раскладывая на весах правосудия весь материал процесса, привел к тому результату, что одна из чаш этих весов перетянула другую. Я только исполнил свой долг»*.

Вместе с тем, по общему правилу, этой части напутственного слова присяжные подчиняются лишь «насколько оно разумно и законно»**.

Приведенные полномочия судьи при произнесении напутственного слова объясняются тем, что «высокое достоинство (судьи — Н.С.) и его собственное уважение к институту присяжных служат ручательством, что судья не злоупотребит своим положением»***.

Как альтернатива английской модели суда присяжных в конце XVI в. в Европе была создана особая, имеющая существенные отличия модель суда присяжных.

Исторически первая форма континентального суда присяжных возникла во Франции, где она впервые была закреплена в годы революции в Конституции, принятой 3 сентября 1791 г., и в окончательном варианте — в Кодексе уголовного следствия 1808 г., который действовал 150 лет, хотя и подвергался многим изменениям и дополнениям, нередко очень существенным.

Таким образом, впервые данная модель возникла во Франции. В дальнейшем она внедрялась в государствах, завоеванных Наполеоном. Как пишет С.В. Боботов, в этот исторический

* Закревский И. Указ. соч. С. 48. Интересно, что напутственное слово по этому делу произносилось целый месяц и составило увесистый том.

** Там же. С. 49.

*** Там же.

период «вместе с Гражданским кодексом Наполеона суд присяжных победоносно шествовал по Европе»*. Затем с восстановлением своего суверенитета некоторые из европейских государств временно отказались от суда присяжных как от насильственно введенного института. А, начиная с первой половины XIX в., модифицированная французская модель суда присяжных была вновь введена в Бельгии, в Швейцарии (1842–1863 гг.), Италии (1859 г.), Испании. С 1842–1852 гг. данная модель вводится во многих государствах Германского союза. После объединения Германии в 1871 г. она была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства Германии 1877 г.

Напутственное слово председательствующего именовалось в континентальной модели суда присяжных кратким изложением обстоятельств дела — резюме (Франция) или юридическим поучением (Германия).

Резюме председательствующего (президента) произносилось перед присяжными заседателями после прений сторон и последнего слова подсудимого, но до постановки вопросов присяжным, что нередко создавало проблему полноты напутственного слова. Как отмечал И.Я. Фойницкий, председательствующий, «не зная еще вопросов, которые будут поставлены, был лишен в своих объяснениях надежной опоры, ему представлялось невозможным предупредить присяжных, на какие именно части вопросов должно быть обращено их преимущественное внимание»**.

Резюме председательствующего в соответствии со ст. 336 КУС должно было заключать в себе только краткое изложение дела, указание присяжным на доказательства в пользу и против подсудимого, а также разъяснение правил вынесения вердикта. При этом судья не должен был делать какие-либо ссылки на закон. По мнению И. Закревского, «неупоминание о законах объясняется тем, что французы полагали..., что присяжные — “судьи фактов”..., а коронные судьи — “судьи права”; что присяжные должны установить лишь фактическую сторону дела, не заботясь о том, что гласит закон, так как о законах думает за них коронный судья; что присяжных не следует даже стеснять напоминанием о законах, так как высший закон для них — голос их совести»***.

* Боботов С.В. Откуда пришел к нам суд присяжных? (Англосаксонская модель). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995. С. 10.

** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 467.

*** Закревский И. Указ. соч. С. 46.

Однако через некоторое время выяснилось, что обязанность излагать обстоятельства дела, не упоминая ни о законах, ни о какой-либо теории судебных доказательств и, при этом, не делая из всего этого никаких выводов, оказалась задачей трудно выполнимой на практике. Судебная практика показала, что президенты французских ассизных судов, по общему правилу, вместо объективного напутственного слова присяжным произносили страстную обвинительную речь, в которой откровенно высказывали свое убеждение в виновности подсудимого и полной несостоятельности его объяснений и соображений защитника.

Резко обвинительный характер президентского резюме, произносимого перед самым уходом присяжных на совещание, а потому имевшего на них большое влияние, вызывал постоянные нападки не только со стороны теоретиков-процессуалистов, но и со стороны либеральных парламентских деятелей. Многократно указывалось, что такое резюме совершенно извращает принцип объективности суда и подрывает независимость присяжных заседателей. Поэтому все чаще выдвигалось требование об упразднении резюме президента.

В Палату депутатов 3 июля 1880 г. был представлен законопроект об отмене председательского резюме. В пояснительном докладе к этому законопроекту отмечалось: «Законодатель 1808 г. предполагал, что резюме не будет посягать на свободу защиты. Кто же в настоящее время может придерживаться такого наивного заблуждения, и найдется ли хотя бы один судья, присяжный или адвокат, который стал бы утверждать, что председатель ассизного суда излагает только беспристрастный доклад дела и никогда не произносит, в иных случаях даже не отдавая себе отчета в том, вторую обвинительную речь, более опасную для подсудимого, чем речь прокурора, по двум причинам: на нее нельзя возразить и положение оратора устраняет всякое недоверие к нему со стороны присяжных... Можем ли мы иначе смотреть на предмет, когда продолжительный опыт нам доказал, что предначертания законодателя не осуществились, что **свобода защиты и председательское резюме несовместимы друг с другом** и что необходимо избрать между уважением к первой или отменой последнего. Эти решающие вопросы соображения побудили нашу комиссию предложить вам отмену резюме, которое она признает, впрочем, и ненужным и опасным»*.

* Там же. С. 51. Курсив мой. — Ф.Н.

В итоге председательское резюме было упразднено законом от 19 июня 1881 года, который оставил за президентом только обязанность разъяснения присяжным заседателям порядка их совещания и дачи ответов на поставленные судом вопросы.

В Германии проблему, связанную с обвинительным уклоном председательских «заключительных объяснений», авторы Устава уголовного судопроизводства от 1 октября 1877 г. разрешили способом аналогичным французскому подходу.

До принятия единого Устава в государствах Германии действовали самые различные нормативные акты, регулирующие производство в суде присяжных, большая часть которых закрепляла модифицированную французскую модель напутственного слова. Общими признаками такой модели напутствия были:

- изложение в напутственном слове результатов судебного следствия, напоминание доказательств обвинения и защиты, разъяснение присяжным норм закона;
- запрет сторонам оспаривать объективность и полноту напутственного слова;
- процедура возобновления судебного следствия, в случае, если в напутственном слове председательствующим были упомянуты новые факты, которые не были предметом исследования;
- запрет председательствующему высказывать свое мнение — как по поводу всего дела, так и отдельных его обстоятельств*.

В ст. 300 Устава уголовного судопроизводства 1877 г. содержание напутственного слова было кардинально изменено: «Председатель, не входя в оценку доказательств, поучает присяжных заседателей касательно правовых положений, которые они должны принять в соображение при исполнении возложенной на них задачи. Поучение председателя не подлежит возражению ни с чьей стороны». Таким образом, немецкий председатель суда был освобожден от обязанности излагать перед присяжными обстоятельства дела, что ограничивало его возможности оказывать в своем заключительном слове воздействие на представителей народа. Он давал присяжным только такое наставление, в котором они действительно могли нуждаться.

Таким образом, континентальная модель напутственного слова председательствующего эволюционировала в сторону

* Брауер Э. Суд присяжных по законодательствам Германии: Общий обзор и положение немецких законодательств по этому предмету, с кратким указанием на законодательства других государств, преимущественно на французское, шотландское и северо-американское / Пер., прим. В. Бартенева. СПб.: Журн. М-ва юст., 1865. С. 302–305.

краткого разъяснения присяжным их прав, без какого бы то ни было упоминания о фактах дела и доказательств, представленных обвинением и защитой.

Наряду с континентальной моделью напутственного слова председательствующего в суде присяжных во второй половине XIX в. возникает модель «смешанного» типа, сочетающая в себе признаки рассмотренных выше моделей. В настоящее время данная модель характерна для возрожденного в России суда присяжных. Исходя из взаимосвязи двух российских моделей, принадлежности их к одному типу вердикта присяжных, нам представляется целесообразным рассмотреть смешанную модель вердикта присяжных заседателей на примере Устава уголовного судопроизводства России от 20 ноября 1864 г.*

Вручая вопросный лист старшине присяжных, председательствующий был обязан произнести напутственную речь для присяжных. Эта речь являлась важным элементом судебного процесса с участием присяжных заседателей. Содержание напутственной речи председателя предусмотрено ст. 801–804 Устава уголовного судопроизводства.

И.Я. Фойницкий выделял в напутственном слове председательствующего фактическую и юридическую части**.

Фактическая часть напутственного слова представляла собой изложение существенных обстоятельств дела. Этим признаком напутствие председательствующего по УУСП очень напоминает английскую модель напутственного слова***. Составители Судебных Уставов придавали этой части напутственного слова председательствующего немалое значение: «В прениях сторон, всегда более или менее односторонних, нередко встречаются и неточное изложение обстоятельств дела, и неправильное определение их законного значения. Речь председателя должна восстановить обстоятельства дела в истинном их виде и значении»****.

С фактической стороны председатель должен был исходить из данных, которые добыты судебным следствием и прениями сторон. Вместе с тем никаких иных законодательных ограни-

* См. в Приложении Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8: Судебная реформа / Под ред. проф. Б.В. Виленского. М.: Юрид. лит., 1991.

** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 462.

*** Именно это дало основание Н.Н. Розину утверждать, что напутственная речь председательствующего по УУСП «ближе всего подходит к английскому прототипу». См. в Приложении: Розин Н.Н. Указ. соч. С. 462.

**** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 462.

чений (или, наоборот, требований), связанных с объемом фактической стороны напутственного слова в УУСП не предусматривалось. По этой причине только от председательствующего зависело «произнести речь подробную, охватывающую все проверенные судебным исследованием данные, или же ограничиться некоторыми из них»*. Логическим следствием такого правила стало то, что «вопрос об объеме резюме, полноте или неполноте его не подлежит кассационной проверке»**. В определении № 89 от 30 января 1870 г. по делу Шумейко Сенат, оставляя без удовлетворения кассационную жалобу осужденного, указал, что «рассмотрению его не может подлежать речь председательствующего, в чем она относится до существа дела».

Едиственное требование, касающееся формы изложения председательствующим фактической стороны напутствия, состояло в запрете обнаруживать собственное мнение о вине или невиновности подсудимого (ст. 802 УУСП). Это положение вызвало резкую критику в процессуальной литературе и нередко не соблюдалось на практике.

И.Я. Фойницкий, критикуя это положение закона, подчеркивал, что «председатель имеет право и обязан руководствоваться своим убеждением и... **не в силах** отрешиться от него; его мнение будет **непременно** высказано; запрещение высказывать его прямо может заставить председателя оставлять многое недосказанным или высказывать свои мысли намеками и столь неясно, что у присяжных заседателей может сложиться совершенно превратное их понимание». Поэтому он предлагал устранить этот законодательный запрет и «относиться с большим доверием к присяжным заседателям, которые отнесутся самостоятельно к мнению председателя»***.

Судья окружного суда Н.А. Терновский писал: «Положение Председателя напоминает положение историка. Всякое историческое сочинение субъективно, ибо не тот историк, кто нанизывает факты один на другой, а тот, кто умеет показать их внутреннюю связь, которая покоится на личных субъективных выводах. Требовать от историка объективности — значит не понимать сущности человеческого познания». Отсюда автор делал вывод, что «воспрещение выражать свое мнение не есть

* Там же. С. 463.

** Там же.

*** Там же. С. 464. *Курсив мой.* — Ф.Н.

безусловное. Нужно только, чтобы это мнение не имело характера пристрастия, односторонности, увлечения и страсти»*.

Не столь радикальный, но похожий подход к рассматриваемой проблеме занимал суд кассационной инстанции — Правительствующий Сенат. В ряде решений Сенат признал за председательствующим право в пределах судебного следствия входить в оценку мнения экспертов (указывать такие обстоятельства, которые подкрепляют или опровергают их заключение), а также показаний экспертов и «окольных людей», указывая условия достоверности этих показаний. В решении № 439 за 1874 г. Сенат не усмотрел личного мнения председательствующего, сообщившего присяжным, что ни судебным, ни предварительным следствием не установлена причина смерти лица.

В решении № 38 за 1870 г. Сенат не нашел выражения председательствующим личного мнения в следующей фразе из напутственного слова: «Я не могу согласиться с мнением защитника подсудимых Голицына и Добровольского, что против них существуют только три свидетельских показания, я нахожу, что против них говорят показания других свидетелей, данные при предварительном следствии и вам здесь прочитанные». В определении Сената отмечалось, что эти слова представляют собой лишь «сообщение данных, имевших место на судебном следствии».

Последствием такого подхода к рассматриваемому запрету в процессуальной науке и практике Правительствующего Сената, стало нередкое несоблюдение этой нормы председательствующими при рассмотрении дел с участием присяжных.

Примером такого подхода на практике могут послужить два фрагмента из напутственного слова председательствующего по делу Бейлиса:

«Здесь Шаховской производил впечатление какого-то забитого человека, стеснявшегося, волновавшегося, но вы примите во внимание остановку, при которой приходилось ему показывать... вспомните все, что он здесь говорил, вспомните, что он рассказывал нам, что его перед тем побили, и это заявление не является голословным. А если вы возьмете показания Голубева и Позднякова о том, что им передавал Добжанский о том, что побили Шаховского, то, конечно, вы вправе, если вы признаете эти показания Голубева и Позднякова достоверными, прийти к

* Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула, 1901, С. 194.

тому выводу, что если Шаховской и волновался, когда давал вам показания, то это волнение имело у него свои основания.

...Вы все это отвергните, если вы вспомните, что самый рассказ о прутиках является крайне проблематичным, крайне неустановленным, рассказ, который, собственного говоря, дальше неизвестно откуда исходящих слухов и молвы не является ничем, потому что вы помните, когда мы стали разбираться, мы дошли только до пьяной женщины, которая рассказала это Репецкой, но кто была эта женщина, это не установлено, причем эта женщина говорила, что Андрюша был вечером дома и ночевал, что не соответствует фактическим обстоятельствам дела»*.

Вторая часть напутственного слова председательствующего, называемая русскими юристами «правовая часть резюме»** состояла из нескольких разделов. Прежде всего, председательствующий должен был разъяснить присяжным «законы, относящиеся к определению свойств рассматриваемого преступления или проступка». К этим законам, помимо уголовного закона, могли быть отнесены любые другие законы, так или иначе, затронутые в уголовном деле (например, нормы гражданского или семейного законодательства)***.

Примером такого разъяснения, краткого и максимально ясного для присяжных заседателей, может послужить следующий фрагмент напутственного слова Е.Е. Люминарского****:

«Переходя за сим к обозначению признаков, коими определяются преступления, приписываемые подсудимому, я начну с глав-

* См. в Приложении полный текст напутственного слова в приложении.

** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 464.

*** Здесь нельзя не провести контр-аналогии с современной российской практикой суда присяжных. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу Данилова среди прочих оснований к отмене приговора суда присяжных указывалось, что одним из нарушений ст. 334 УПК РФ в судебном заседании явилось разъяснение председательствующим судьей присяжным заседателям отдельных вопросов материального и процессуального права, а также объяснение этих вопросов со сторонами в присутствии присяжных заседателей. Так, по инициативе защиты в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей обсуждались вопросы, связанные с движением уголовного дела, начиная с его возбуждения, а также вопросы юридической оценки содеянного Даниловым в ходе предварительного следствия. Кроме того, председательствующий судья по просьбе присяжных заседателей был вынужден разъяснять им порядок возбуждения уголовного дела, процедуру предъявления и перепредъявления обвинения, условия предварительного расследования, допроса подозреваемого, обвиняемого, а также нормы материального права, в частности закон «О государственной тайне».

**** См. в Приложении полный текст напутственного слова в приложении.

ного, с убийства. Оно может быть учинено или без заранее обдуманного намерения или умысла, или же с обдуманным заранее намерением. Само собой разумеется, что обдуманное убийство почитается более преступным того, которое учинено без предварительного умысла. Наконец, обдуманное убийство может быть сделано с целью воспользоваться чужой собственностью, и в этом роде убийства закон видит наиболее преступной воли со стороны обвиняемого. Укрывателем признается по закону тот, кто, не участвуя в преступлении, по свершении оного скроет следы преступления или преступника или же воспользуется заведомо противозаконно добытой вещью. Наконец, о признаках недонесения о содеянном преступлении я считаю излишним распространяться, так как значение слова «недонесение» понятно для каждого. Мошенничеством называется добытие чужой вещи или денег посредством обмана. При этом я должен вам заметить, что закон видит более преступной воли в том из обвиняемых в мошенничестве, кто пользовался особым доверием со стороны обманутого».

Показательными по уровню доступности для присяжных заседателей были напутственные слова А.Ф. Кони. Можно привести пример разъяснения им в напутственном слове термина «убийство»:

«Убийство есть лишение жизни. Оно является преступным, когда совершается не для самообороны. Но оно может быть совершаемо различно. Я могу совершить убийство необдуманно, играя заряженным оружием; я могу убить в драке, нанося удары направо и налево; могу прийти в негодование и в порыве гнева убить оскорбителя; могу, не ослепляемый раздражением, сознательно лишить жизни другого; и могу, наконец, воспитать в себе прочную ненависть и под влиянием ее в течение многих иногда дней подготовить себя к тому, чтобы решительным, но задолго предвиденным ударом лишить кого-либо жизни. Все это будут ступени одной и той же лестницы, все они называются убийством, — но какая между ними разница! И для того, чтобы ошибочно не стать ступенью ниже, или, в особенности, ступенью выше, чем следует по справедливости, — необходимо рассматривать внутреннюю сторону преступления. Это рассмотрение укажет, какое это убийство, если только это убийство»*.

При этом на председательствующего возлагалась обязанность «восстановить истинный разум закона», неточно истолкованного сторонами.

* См. в Приложении: Напутственное слово А.Ф. Кони по делу В. Засулич.

В качестве примера такого «восстановления истинного разума закона» можно привести следующий фрагмент из напутственного слова А.Ф.Кони, где председательствующий уточнил присяжным смысл термина «аффект»:

«...Защита полагает, что ничего обдуманного заранее не было и что Засулич, думая о том, что она впоследствии совершила, в приемной градоначальника, находилась в состоянии постоянного аффекта, то есть в состоянии постоянного гнетущего и страстного раздражения... Закон, однако, признает запальчивость, раздражение как последствия внезапно налетевшего гнева, который вполне овладевает человеком. Неожиданная обида, насилие, явное притеснение, возмутительное поведение могут в очевидцах или в потерпевшем вызвать негодование, которое заставит его забыть об окружающем и броситься на обидчика или, вступив с ним в объяснение, постепенно потерять всякое самообладание и свершить над ним преступное деяние, последствий которого совершитель за час, за полчаса иногда вовсе и не предвидел и которых он в спокойном состоянии сам ужаснулся бы. Но где есть некоторое время подумать, побыть с самим собою, где на первом плане не гнев, а более спокойное и более глубокое враждебное чувство, там убийство является уже умышленным. Там же, где желание причинить вред или убить существует более или менее продолжительное время, где человек встает и ложится с одной мыслью, с одной решимостью, где он приобретает средства для своего деяния и затем, однажды все обдумав, и предусмотрев, и на все решившись, идет на свершение своего дела, — там мы, с точки зрения закона, имеем дело с преступлением предумышленным, то есть совершенным с заранее обдуманным намерением. Каждый день, в течение долгого приготовления и обдумывания, человек этот может негодовать на свою будущую жертву, каждый день воспоминание о ней может возбуждать и гнев, и раздражение, и все-таки, если это продолжалось много-много дней и в течение их мысль о будущем деле созрела и развивалась, закон указывает на предумышление. Не в гневе, не в страстном негодовании отличие преступления, совершенного предумышленно, от деяния, сделанного в раздражении, а в промежутке времени, дающем возможность одуматься, критически отнестись к себе и к задуманному делу и, призвав на помощь силу воли, отказаться от заманчивого плана. Там, где была эта возможность критики, возможность отказа, возвращения назад, возможность раздумия, там закон видит условия обдуманнос-

ти. Где, этого нет, когда человек неожиданно поглощен страстным порывом, там закон видит аффект»*.

Разъясняя сущность законов, определяющих свойства рассматриваемого дела, председательствующий должен был указать присяжным на существенные элементы и признаки совершенного обвиняемым преступления, а также на обстоятельства, которые отягчают или смягчают степень его виновности. Однако это он должен был сделать не в порядке непреложных положений, а в порядке советов, в смысле предостережения от увлечения в сторону обвинения или оправдания подсудимого (ст. 803 УУС).

Некоторое время после введения Судебных Уставов судебная практика исходила из того, что председательствующий судья не вправе в напутственном слове сообщать присяжным о возможном наказании, грозящем подсудимому, в случае, если он будет признан присяжными виновным. Такая позиция была основана на том, что «присяжные, считая наказание чересчур строгим, из желания смягчить участь подсудимого, будут выносить решения, расходящиеся с результатами судебного исследования»**.

Однако, в конечном итоге, от этого подхода отказались, поскольку практика выявила закономерный феномен: не получив от председательствующего доступ к информации, значимой для понимания того деяния, в котором обвиняется подсудимый, присяжные черпали эти сведения из иных источников, нередко из «оговорок» сторон, содержащих искаженные сведения. А.Ф. Кони приводит пример завершения речи одного из адвокатов такими словами: «Господа присяжные заседатели, я надеюсь, что ваш приговор не заставит подсудимого в тундрах Сибири, под холодным полярным кругом, в снегах и стуже вспоминать нынешний роковой день. Председатель воскликнул: “Вы не имеете права говорить о наказании”. “Я кончил”, — ответил защитник»***.

Оправдывая такое изменение судебной практики, И.Я. Фойницкий подчеркивал, что утаивание от присяжных информации, значимой для вынесения ими вердикта, подрывает авторитет этой формы участия народа в отправлении правосудия, лишает присяжных права «изменять законы», противоречащие «правовым воззрениям народа»****.

* Там же.

** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 464.

*** Кони А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 364.

**** Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2.

К «правовой части» напутственного слова председательствующего относились также разъяснения присяжным «общих юридических оснований, служащих к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого». Закон требовал от председательствующего разъяснять эти «основания» не в виде «непреложных положений», а в виде советов, предостережения присяжным от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого. Примером реализации этих положений Устава уголовного судопроизводства может служить следующий фрагмент напутственного слова Е.Е. Люминарского:

«Осмотр, составляемый по требуемым правилам, имеет также силу доказательства, но только относительно описания, как и в каком положении и виде найдены известные предметы. Соображения же лиц, учинивших осмотр, почему найденные предметы оказались в таком, а не в другом положении, уже не имеют такого характера достоверности, как описательная часть осмотра. Из свидетельских показаний считаются достоверными те, которые даны под присягой или хотя и без присяги, но таким лицом, которого в пристрастии заподозрить нельзя. Что же касается до улики вообще, то они приобретают тем более силы и убедительности, чем более одна согласна с другой, чем более одна дополняет другую, чем более они обуславливают друг друга и в конечном результате доводят до того факта, из которого уже само преступление истекает как необходимое следствие из известной причины»*.

Далее, председательствующий разъяснял присяжным заседателям их права и обязанности при вынесении вердикта и порядок совещания.

Эти разъяснения должны были быть максимально простыми и доступными для присяжных заседателей. Н.П. Тимофеев приводит следующий пример последствий нарушения этого требования:

«В одном из окружных судов разбиралось какое-то незначительное дело о краже. Состав присяжных по этому делу состоял исключительно из лиц интеллигентных, а в старшины присяжных избрано было даже лицо с академическим знаком... По прошествии часа после удаления своего в совещательную комнату присяжные воротились оттуда, не постановив никакого решения, и при этом старшина их высказал, что присяжные заседатели затрудняются, как решить дело, так как голоса у них за обвинение и за оправдание разделились»**.

* Тимофеев Н.П. Указ. соч. С. 335.

** Там же.

Автор подчеркивал, что приведенная ситуация является показательной, поскольку этот же состав присяжных в период сессии успел рассмотреть уже около 25 дел.

Особое внимание председательствующие уделяли разъяснению присяжным их права признать подсудимого заслуживающим снисхождения, в случае вынесения обвинительного вердикта. Интересно, что реализация этого права присяжными связывалась в напутственных словах того времени с необходимостью оценки «судьями факта» данных о личности подсудимого. Хорошей иллюстрацией этого положения служат следующие фрагменты напутственных слов А.Ф. Кони:

«При признании виновности во всяком случае вы можете дать снисхождение. Закон требует, чтобы оно было основано на «обстоятельствах дела». Но из всех обстоятельств дела, конечно, самое главное — сам подсудимый. Поэтому если в его жизни, в его личности, даже в слабостях его характера, вытекающих из его темперамента и его физической природы, вы найдете основание для снисхождения, вы можете к строгому голосу осуждения присоединить слово христианского милосердия»*.

«Если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающею снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятельства вы можете понимать в широком смысле. К ним относится все то, что обрисовывает перед вами личность виновного. Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит нам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойною, более впечатлительною и более болезненною по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения»**.

Заканчивалась напутственная речь председательствующего напоминанием присяжным, что они должны определить вину подсудимого по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности всех обстоятельств дела.

Судебная практика рассматривала неправильность или необъективность напутственного слова председательствующего

* См. в Приложении: Напутственное слово А.Ф. Кони по делу М. Жюжан.

** См. в Приложении: Напутственное слово А.Ф. Кони по делу В. Засулич.

как кассационное основание к отмене приговора. Вместе с тем, обязательным условием установления этих нарушений со стороны председательствующего было заявление сторонами возражений на напутствие и занесение этих возражений в протокол судебного заседания.

В решении № 38 за 1870 г. Сенат, оценивая довод кассационной жалобы защиты, состоящий в том, что председательствующий в напутственном слове не напомнил присяжным, что они должны определять вину или невиновность подсудимого по своему внутреннему убеждению, отмечал: «Нарушение ст. 804 должно быть удостоверено протоколом... без чего нельзя сделать проверку при рассмотрении дела в кассационном порядке... От подсудимых зависело, если они признавали нужным и в деле их особенно важным, обратить внимание и заявить **суду в свое время** о замеченном упущении».

Возражения на напутственное слово заявлялись в отсутствие присяжных, в присутствии присяжных заседателей не допускалось прерывать председательствующего или просить его дополнить (изменить) напутственную речь. Только присяжные заседатели могли просить председательствующего разъяснить им какие-либо аспекты резюме. Таким образом, возражения на напутственное слово заявлялись сторонами не столько для присяжных заседателей, сколько «для протокола» и суда кассационной инстанции.

Глава 2. Напутственное слово председательствующего судьи в суде присяжных по УПК РФ

2.1. Виды напутственного слова председательствующего в суде присяжных: сходство и различия

УПК РФ предусматривает три разновидности напутственного слова председательствующего судьи:

- напутственное слово, произносимое после передачи присяжным заседателям вопросного листа и перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта (ст. 340 УПК РФ);
- краткое напутственное слово, произносимое перед присяжными председательствующим после внесения изменений в вопросный лист (ч. 3 ст. 344 УПК РФ);
- повторное напутственное слово, произносимое председательствующим после возобновления судебного следствия (ч. 6 ст. 344 УПК РФ).

Эти разновидности напутственного слова председательствующего судьи различаются по моменту произнесения и содержанию (объему). Основное напутственное слово произносится председательствующим после постановки вопросов присяжным заседателям и до удаления их в совещательную комнату. В судебной практике возник вопрос: допустим ли перерыв между оглашением председательствующим вопросного листа, передачей его старшине присяжных заседателей и произнесением председательствующим напутственного слова? Верховный суд РФ на данный вопрос ответил утвердительно:

«Органами предварительного следствия ранее судимый Елисеев обвинялся в убийстве, покушении на убийство и в незаконном приобретении, хранении и ношении огнестрельного оружия.

По приговору Орловского областного суда от 5 июля 2003 г. на основании вердикта присяжных заседателей Елисеев оправдан по п. "н" ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. "к", "н" ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ за недоказанностью вины в инкриминируемых преступлениях.

В кассационном представлении прокурор Х. поставила вопрос об отмене оправдательного приговора... По смыслу ст. 338-340 УПК РФ каких-либо перерывов между оглашением вопросного листа и напутственным словом законом не предусмотрено. В судебном же заседании между ними был перерыв с 2 по 4 июня 2003 г., тем самым, как полагала прокурор, председательствующий

ший допустил нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 28 августа 2003 г. приговор оставила без изменения, а кассационное представление — без удовлетворения... Не соответствуют положениям ст. 338–340 УПК РФ доводы государственного обвинителя о том, что не допускается перерыв в судебном заседании между оглашением вопросного листа и напутственным словом председательствующего. Такого указания в названных статьях не содержится.

Как видно из материалов дела, каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона, которые могли послужить причиной для отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, не допущено»*.

Краткое напутственное слово, согласно ч. 3 ст. 344 УПК РФ, произносится перед присяжными заседателями только после их возвращения из совещательной комнаты и внесения председательствующим изменений в переданный им вопросный лист. Содержание краткого напутственного слова охватывает собой только те изменения, которые были внесены в вопросный лист.

Верховный суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что само по себе возвращение присяжных заседателей из совещательной комнаты для получения от председательствующего дополнительных разъяснений, если это не сопровождалось изменением вопросного листа, не требует произнесения перед ними краткого напутственного слова:

«В кассационных жалобах осужденные Мосягин, Ярош и Семенов просили об отмене приговора и передаче дела на новое судебное рассмотрение, считая, что... присяжные, не придя к единодушному решению, находились в совещательной комнате менее трех часов, а председательствующий перед принятием решения о возвращении их в совещательную комнату не обратился к ним повторно с напутственным словом... Поскольку первоначальное обсуждение присяжными заседателями поставленных перед ними вопросов проходило менее трех часов при отсутствии единодушия в их решении, председательствующий обоснованно в соответствии с требованиями ст. 343 УПК РФ принял решение об их возвращении в совещательную комнату. Изменения в вопросный лист не вносились, поэтому председательствующий не обязан был повторно произносить напутственное сло-

* Дело № 37-003-14. Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 8. С. 22–23.

во присяжным заседателям. Доводы жалобы осужденного Мосягина о незаконности действий председательствующего в этой части не подтверждаются материалами дела»*.

Повторное напутственное слово, согласно ч. 6 ст. 344 УПК РФ, произносится председательствующим судьей только в случае возобновления судебного следствия, которому предшествовало возвращение присяжных из совещательной комнаты с просьбой об этом. Содержание повторного напутственного слова по смыслу приведенного положения закона охватывает лишь разъяснение «вновь исследованных обстоятельств». Произнесение председательствующим краткого напутственного слова вместо повторного рассматривается Верховным судом РФ как нарушение процессуального закона, влекущее отмену приговора:

«Вердиктом коллегии присяжных заседателей Московского областного суда 3 сентября 2001 г. признано недоказанным участие П. в совершении указанных преступлений и он оправдан по предъявленному обвинению.

Прокурор в кассационном протесте поставил вопрос об отмене приговора ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных при рассмотрении дела в суде.

Как считал автор протеста, судья нарушил требования ст. 451 УПК РСФСР, обратившись к присяжным заседателям не с полным, а с кратким напутственным словом после возобновления следствия по делу и исследования протокола осмотра места происшествия с фототаблицей. Кроме того, присяжные заседатели вынесли вердикт путем голосования до истечения трех часов с момента начала совещания.

Кассационная палата Верховного суда РФ 5 декабря 2001 г. протест удовлетворила, приговор отменила, а дело направила на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Доводы кассационного протеста обоснованны, так как в нарушение требований ч. 1 ст. 455 УПК РСФСР председательствующий судья обратился к присяжным заседателям с кратким напутственным словом, тогда как произнесение краткого напутственного слова предусмотрено ч. 2 ст. 455 УПК РСФСР, когда речь идет не о возобновлении судебного следствия, а об уточнении формулировок поставленных перед коллегией присяжных заседателей вопросов, и произносится оно по поводу изменений, внесенных в вопросный лист.

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 16 июля 2004 г. по делу № 89-004-29сп.

В случае возобновления судебного следствия председательствующий должен обращаться к присяжным заседателям с напутственным словом, соответствующим требованиям ч. 1 ст. 451 УПК РСФСР»*.

В основном напутственном слове в соответствии с ч. 3 ст. 340 УПК РФ председательствующий:

- приводит содержание обвинения;
- сообщает содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый;
- напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, не выражая при этом своего отношения к этим доказательствам и не делая выводов из них;
- излагает позиции государственного обвинителя и защиты;
- разъясняет присяжным основные правила оценки доказательств в их совокупности; сущность принципа презумпции невиновности; положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого; положение о том, что их вердикт может быть основан лишь на тех доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании, никакие доказательства для них не имеют заранее установленной силы, их выводы не могут основываться на предположениях, а также на доказательствах, признанных судом недопустимыми;
- обращает внимание коллегии присяжных заседателей на то, что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого;
- разъясняет порядок совещания присяжных заседателей, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосования по ответам и вынесения вердикта.

Анализ исследованных напутственных слов, произнесенных перед присяжными заседателями в различных регионах РФ, свидетельствует о наличии в практике судопроизводства нескольких «типовых» моделей напутственного слова, различающихся между собой по содержанию указанных элементов напутствия**.

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 6. С. 13–14.

** К аналогичному выводу — о наличии в практике «базового образца напутственного слова» — пришел С. Гришин, исследовавший напутственные слова в Московском городском суде. См.: Гришин С. Напутственное слово председательствующего к присяжным заседателям — новый источник права // Уголовное право. № 4. 2005. С. 65–67.

Рассмотрим элементы напутственного слова, а также некоторые проблемы, возникающие в судебной практике, более подробно.

2.2. Вступление в напутственном слове председательствующего

Хотя уголовно-процессуальный закон и не выделяет такой части напутственного слова как вступление, на практике это — часто встречающийся элемент напутствия председательствующего, обусловленный логическим построением любой устной речи. Вступление помогает присяжным заседателям понять смысл и значение напутственного слова председательствующего, осознать собственную роль в справедливом разрешении уголовного дела, сориентироваться в дальнейшем ходе судебного разбирательства.

Обычно во вступлении председательствующий благодарит присяжных за их внимательное отношение к судебному разбирательству, готовность вынести справедливый вердикт по делу:

«Вы посвятили несколько дней рассмотрению того материала, который представили органы предварительного следствия. Эти дни вы напряженно работали, исполняя свой гражданский долг. Теперь наступил самый ответственный момент — вынесение вами вердикта»*.

Иногда, в этой же части напутственного слова председательствующий напоминает присяжным заседателям, что такое вердикт:

«Вам передан вопросный лист, и скоро вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вердикта, которым называется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам, включая вопрос о виновности подсудимого в совершении вмененных ему в вину деяний»**.

Председательствующий кратко сообщает присяжным заседателям о значении и содержании напутственного слова. На практике выработались два подхода к этой части вступления.

Одни судьи воспроизводят во вступлении положение ч. 3 ст. 340 УПК РФ. Такой подход можно проиллюстрировать следующим фрагментом напутственного слова:

«Уважаемые присяжные заседатели!

Закончилось судебное следствие и судебные прения по рассматриваемому с вашим участием уголовному делу по обвине-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

** См. в Приложении: Напутственное слово председательствующего по делу М.Н. Масарова.

нию Масарова Максима Николаевича по статьям 226 ч. 1, 162 ч. 4 п. "в", 105 ч. 2 п. "з" и 105 ч. 1 УК РФ. Вам передан вопросный лист, и скоро вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вердикта, которым называется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам, включая вопрос о виновности подсудимого в совершении вмененных ему в вину деяний. Прежде чем вы удалитесь в совещательную комнату, я в соответствии с требованиями ст. 340 УПК РФ обязан обратиться к вам с напутственным словом, в котором приведу содержание обвинения, предъявленного подсудимому; сообщу содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый; напому исследованные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его; изложу позицию государственных обвинителей и защиты по делу; разъясню основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность принципа презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого с тем, чтобы помочь вам разобраться в этом деле»*.

Другой подход к рассматриваемой части вступления состоит в кратком пояснении присяжным заседателям лишь сущности напутственного слова председательствующего, без раскрытия его содержания:

«Уважаемые присяжные заседатели! Я прошу вас внимательно выслушать мое напутственное слово, после которого вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вашего вердикта по делу. То, что я сейчас скажу, прошу принять как обращение лично к каждому из вас.

Перед вами поставлены вопросы, которые вы должны разрешить в совещательной комнате.

Теперь мы вправе ожидать от вас вынесения справедливого вердикта, основанного на всесторонней оценке представленных вам доказательств и обстоятельств дела.

В напутственном слове я попытаюсь помочь вам в разрешении поставленных перед вами вопросов, но ни в коем случае не подсказывая ответы на них»**.

Далее во вступлении председательствующий ориентирует присяжных заседателей на то, что свой вердикт они должны основывать исключительно на своем внутреннем убеждении,

* См. в Приложении: Напутственное слово председателю в суде присяжных по делу М.Н. Масарова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу по обвинению С.Л. Цуханова.

сформировавшемся за время судебного разбирательства. Безусловно, это только предварительное и краткое напоминание присяжным важнейшего правила оценки доказательств, которое в дальнейшем будет изложено более подробно в других частях напутственного слова. Вместе с тем, важно, чтобы присяжные с самого начала речи председательствующего поняли и постоянно имели в виду это положение процессуального закона.

Можно привести следующие два фрагмента напутственных слов, содержащих такое разъяснение:

«При вынесении вердикта вы должны полагаться на свою память, исходить только из того, что сами уяснили в ходе данного процесса и опираться на собственное убеждение»*.

«Ваш вердикт должен быть основан на вашей опытности и знании действительной жизни. Вердикт вы должны постановить по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем обсуждении дела»**.

Нередко, элементом вступления является напоминание присяжным заседателям, что председательствующий не вправе высказывать свое мнение по рассмотренному делу, а в случае, если такое мнение все-таки прозвучало — оно не должно приниматься присяжными заседателями во внимание:

«Если вы посчитаете, что я каким — либо образом вольно или невольно выразил свое мнение о том, как необходимо разрешить настоящее дело, то вы должны это игнорировать и опираться на собственное убеждение»***.

«В своем напутственном слове я не в праве высказывать свое мнение по делу. Вам предстоит установить факты, изложенные в вопросном листе, а я буду в отношении этих фактов применять закон»****.

Представляется спорной следующая рекомендация председательствующего присяжным заседателям, иногда звучащая во вступительной части напутственного слова: «Если кто-либо из участников судебного разбирательства изложил обстоятельства дела или доказательства иначе, чем вы их запомнили, то необходимо положиться на свою память и свои записи»*****.

* См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

*** См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу по обвинению С.Л. Цуханова.

**** См. в Приложении: Напутственное слово председателю в суде присяжных по делу М.Н. Масарова.

***** См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Такая рекомендация, по сути, исключает ошибочное (неполное, неточное) восприятие присяжными обстоятельств дела. В том случае, если присяжный не запомнил каких-либо аспектов исследованных доказательств, но услышал об этом в судебных прениях от сторон, приведенная рекомендация советует присяжному основываться на своем неполном восприятии и игнорировать услышанное в прениях. То же самое можно сказать и о записях присяжных, которые могут быть менее точными даже чем протокол судебного заседания. Представляется, что более правильный подход председательствующего должен состоять в объяснении присяжным, что в случае приведенного расхождения в описании обстоятельства дела, присяжные должны сделать вывод о том, чье описание фактов является наиболее точным, полагаясь на всю совокупность исследованных доказательств. Присяжным следует предупредить о возможности ошибок памяти. Более того, на наш взгляд, председательствующему правильнее давать такую рекомендацию с одновременным разъяснением присяжным права просить у председательствующего о дополнительном исследовании доказательства в случае сомнения присяжных в правильности его восприятия.

2.3. Изложение содержания обвинения

В соответствии с ч. 3 ст. 340 УПК РФ напутственное слово начинается с изложения председательствующим содержания обвинения, то есть его фактической стороны. При этом следует иметь в виду, что содержание обвинения приводится в пределах поддерживаемого в судебном заседании государственным обвинителем.

В тех случаях, когда в ходе судебного разбирательства обвинение было изменено, председательствующий обязан разъяснить присяжным заседателям то, что они не должны принимать во внимание прежнее обвинение.

Необходимо подчеркнуть, что, излагая присяжным содержание обвинения, председательствующий должен стремиться к тому, чтобы оно было доступно присяжным заседателям, максимально ясно и понятно — в виде «истории», представленной государственным обвинением. Можно привести следующий фрагмент этой части напутственного слова:

«Государственный обвинитель поддержал обвинение в том, что в конце сентября 2000 г. в кв. 39, д. 1 "А" по ул. Гвардейской в г. Энске Цуханов предложил Кузнецову совершить убийство человека. В связи с тем, что Кузнецов отказался от этого предложения, Цуханов ему же предложил найти лицо, способное за

плату убить человека. Около 12 часов 6 октября 2000 г. во дворе дома № 2 по ул. Уфимцева в г. Энске Цуханов встретился с сотрудником милиции Текутовым, участвовавшим в оперативно-розыском мероприятии под видом лица, способного за плату убить человека, которому за денежное вознаграждение в сумме 15 тысяч рублей предложил лишить жизни женщину и скрыть ее труп. В этот же день около 16 часов Цуханов вновь во дворе дома этого же дома встретился с Текутовым и передал ему часть вознаграждения за лишение жизни женщины в сумме 8 тысяч рублей и 3 фотографии с изображением Деревенченко. На листке бумаге, который он также передал Текутову, записал фамилию Деревенченко, ее имя и отчество, после чего в микрорайоне СХИ г. Энска указал дом и сообщил место расположения в нем квартиры, которая являлась наиболее вероятным местом проживания Деревенченко, сообщил имена и сведения о месте работы некоторых подруг Деревенченко и при этом договорился с Текутовым, что остаток денежного вознаграждения за лишение жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей он передаст ему по представлении фотографии с изображением трупа Деревенченко в 12 часов 13 октября 2000 г. у входа в гостиницу "Словакия". Около 12 часов 13 октября 2000 г. у входа в гостиницу "Словакия", расположенную в д. 30 по ул. Лермонтова в г. Энске Цуханов, после того как Текутов передал ему фотографию Деревенченко с внешними признаками насильственной смерти, передал Текутову оставшуюся часть денежного вознаграждения за убийство Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей»*.

Однако в тех случаях, когда подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, описание фактической стороны содеянного нередко сочетается с изложением уголовного закона, по которому квалифицированы деяния подсудимого. Такой подход представляется оправданным, поскольку он позволяет присяжным более четко уяснить характер преступлений, вменяемых подсудимому и не запутаться в сочетании фактов и квалификации.

Примером такой ситуации может послужить следующий фрагмент напутственного слова председательствующего судьи:

«Прокуратурой Архангельской области Масаров обвиняется в том, что:

■ 4 января 2004 года, период времени с 3 часов ночи до 6 часов утра, из квартиры № 6 дома № 3 квартала Энергетиков г. Энска

* См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу по обвинению С.Л. Цуханова.

Архангельской области тайно похитил у Добрынина С.А. заряженный патрон 20-го калибра к охотничьему ружью, являющийся боеприпасом.

Эти действия Масарова квалифицированы по ст. 226 ч. 1 УК РФ, как хищение боеприпасов.

■ 4 января 2004 г., в период времени с 3 часов ночи до 6 часов утра, на территории автозаправочной станции № 26 открытого акционерного общества "НК Роснефть-Архангельскнефтепродукт" (далее АЗС) в д. Бобыкинская Энского района Архангельской области с целью хищения денег напал на дежурную Анисимову Т.Л., при этом через окно умышленно с целью убийства выстрелил в нее из охотничьего ружья, причинил сквозное огнестрельное ранение грудной клетки с повреждениями внутренних органов, расценивавшееся как тяжкий вред здоровью, от которого женщина на месте скончалась.

Эти действия Масарова квалифицированы одновременно по ст. 162 ч. 4 п. "в" УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни, с применением оружия и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, и по ст. 105 ч. 2 п. "з" УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, сопряженное с разбоем.

■ 9 января 2004 года, около 3 часов, у дома № 3 квартала Энергетиков г. Энска во время ссоры на почве личной неприязни умышленно с целью убийства нанес Журавлеву А.В. удар ножом в лицо, причинив сквозное ранение носа и ранение верхней губы, расценивающиеся как легкий вред здоровью; 10 ударов кулаками и ногами в обуви по голове, причинив множественные кровоподтеки и кровоизлияния, ушибленную рану лица и перелом костей спинки носа, как вред здоровью не расценивающиеся; сдавливал руками шею, отчего в результате развившейся механической асфиксии (удушения) вследствие перекрытия дыхательных путей тот умер на месте.

Эти действия Масарова квалифицированы по ст. 105 ч. 1 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку»*.

Защитнику необходимо следить за тем, чтобы содержание обвинения не излагалось председательствующим присяжным так, чтобы у присяжных могло возникнуть ложное представление о доказанности этого обвинения. В связи с этим, председа-

* См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу по обвинению М.Н. Масарова.

тельствующий, переходя к изложению содержания фактической стороны обвинения, должен употреблять такие словосочетания как: «государственный обвинитель поддержал обвинение в том, что...», «по версии органов предварительного следствия подсудимый совершил...».

2.4. Разъяснение уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый

Далее председательствующий судья «сообщает» содержание закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый. В этом случае возникает вопрос, в каких пределах необходимо разъяснять содержание закона. Если пользоваться термином «сообщает», то следует вроде бы ограничиться изложением содержания статьи Уголовного кодекса.

Представляется, что задача председательствующего судьи заключается в более глубоком разъяснении присяжным содержания закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый. При этом судья должен раскрыть все стороны состава преступления (объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона, санкция). Присяжным заседателям необходимо знать обстоятельства, при которых подсудимый освобождается от уголовной ответственности, либо эта ответственность смягчается.

Разъяснение уголовного закона нередко начинается с объяснения присяжным заседателям значения разъяснения им положений уголовного закона:

«Перед вами не стоит задача юридической квалификации действий подсудимых. Не должны вы гадать, и какое наказание может быть назначено подсудимому в случае признания его виновным, поскольку назначение наказания по совокупности преступлений является непростым вопросом, требующим специальных юридических познаний. Все это относится к правовой стороне дела, вы же являясь судьями факта, все юридические вопросы должны обходить стороной, не вдаваясь в их обсуждение и не пытаясь предрешить их своим вердиктом.

В тоже время я обязан сообщить вам содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяний, в которых обвиняется подсудимый»*.

* См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Значение такого разъяснения состоит, на наш взгляд, в том числе и в необходимости показать присяжным, что сами действия, которые вменяются подсудимому, являются социально опасными, влекущими негативные последствия для всего общества, а потому и уголовно наказуемыми.

В случае неосознания присяжными этого аспекта содержания уголовного закона или несогласия с ним, они могут нуллифицировать норму уголовного закона своим вердиктом.

В Англии первый случай, когда присяжные заседатели нуллифицировали закон (*nullify the law*), произошел в 1670 г. Присяжные отказались выносить обвинительный вердикт в отношении Уильяма Пенна (*William Penn*) и Уильяма Мэда (*William Mead*), двух активистов секты Квакеров, обвиненных в незаконном собрании. Судья не принял оправдательный вердикт и велел присяжным возобновить их обсуждение. Причем присяжные должны были совещаться без еды и питья до тех пор, пока не вынесут угодный председателствующему судье обвинительный вердикт. Однако коллегия присяжных все равно отказалась признать виновность подсудимых. В результате, присяжные были оштрафованы и заключены в тюрьму до уплаты ими штрафов. Однако Суд общих тяжб (*Court of Common Pleas*)* принял решение об освобождении присяжных, установив, что они не могут быть наказаны за их вердикт**.

Право присяжных нуллифицировать закон существовало и в колониальной Америке. Так, присяжные отказывались утверждать навигационные акты Британского парламента, которые требовали, чтобы вся торговля колоний шла через Англию. Эти ограничения присяжные считали несправедливыми и отказывались признавать виновными тех, кто их нарушал. Наиболее известным было дело Джона Питера Зенгера, обвиненного в подстрекательстве к мятежу (1735 г.). Обвиняемый сознался в совершении всех предъявленных ему фактов, однако отказался признать себя виновным, а присяжные, которые не разделяли взглядов правительства, оправдали его. В дальнейшем оправдательные приговоры способствовали отмене законов о беглых рабах, об эмбарго на колониальные товары и других. В недавнем прошлом присяжные использовали свое право на вынесение оп-

* Действовал в Великобритании до 1873 г.

** Julian Heiklen Jury nullification // URL: <http://www.personal.psu.edu/faculty/j/p/jph13/JuryNullification.html>; Richard Bentley A Review of the History of Jury Nullification // URL: www.mfsacalpac.net/Nullification.html.

равдательного вердикта при рассмотрении дел об эвтаназии, проституции, а также в некоторых других подобных случаях*.

В 1972 г. Окружной апелляционный суд округа Колумбия (*D.C. Circuit Court of Appeals*) подтвердил, что присяжные вправе выносить оправдательные вердикты, игнорируя судебские инструкции относительно законов. Причем эти решения присяжных не подлежат отмене или пересмотру по основанию их несоответствия разъяснениям суда. Обосновывая указанные положения, Окружной апелляционный суд в своем решении отметил, что «страницы истории знают случаи осуществления присяжными их прерогативы игнорировать судебские инструкции. Например, случаи оправдания беглых рабов»**.

Вместе с тем, мы полагаем, что обоснование присяжным заседателям справедливости норм уголовного закона, в нарушении которых обвиняется подсудимый, задача не председателствующего, а государственного обвинителя. Принцип состязательности исключает возложение председателствующим на себя функции поддержания обвинения, даже в такой ее части как обоснование справедливости уголовного закона. На наш взгляд, председателствующий в рассматриваемой части напутствия должен лишь подчеркнуть «законный характер» юридической стороны обвинения, предъявляемого и поддерживаемого прокурором в отношении подсудимого.

Особо председателствующий подчеркивает значение доведения до присяжных заседателей информации о грозящем подсудимому наказании:

«Уважаемые присяжные заседатели! Информация о предусмотренных законом наказаниях не должна влиять на решение вами вопросов о виновности и доводится до вашего сведения лишь для обдуманного решения вопроса о снисхождении»***.

Анализ ряда напутственных слов свидетельствует, что на практике сформировалось два подхода к изложению рассматриваемой части напутственного слова.

Ряд судей разъясняют присяжным заседателям нормы уголовного закона, относящиеся к делу, *in abstracto*, в отрыве от фактической стороны обвинения.

* Кириллова Н. П. Суд присяжных в России и мировой опыт. СПб., 1998 // URL: <http://nadzor.vvsu.ru>.

** См.: *U. S. v. Dougherty* (473F 2d 1113, 1139); *Russ Emal Jury nullification*. Mendocino College Eagle, 1995 // URL: www.mikebrownsolutions.com.

*** См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

Примером такого подхода может служить следующий фрагмент напутственного слова:

«Под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа уголовный закон понимает, как умышленное лишение жизни, так и покушение на умышленное лишение жизни лица, заведомо для виновного являющегося сотрудником правоохранительного органа.

Прошу вас учесть, что понятие умысла является чисто юридическим и относится к достаточно сложным правовым категориям. Поэтому перед вами не поставлен и не может быть поставлен вопрос о наличии либо отсутствии умысла в действиях подсудимого.

В тоже время, я обязан дать вам общую характеристику этого понятия, как оно сформулировано в законе, применительно к обстоятельствам данного дела.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа может быть совершено только с прямым умыслом. То есть, при производстве выстрелов в одного или нескольких потерпевших стреляющий осознает неправомерность своих действий и не просто допускает, а предвидит возможность наступления в результате его выстрелов смерти человека и желает именно этого — лишить жизни сотрудника милиции.

О намерении лица лишить жизни другого человека могут свидетельствовать его объективные действия, а именно: используемое орудие, характер и условия применения этого орудия (направление выстрела и расстояние, с которого производится выстрел в потерпевшего, количество таких выстрелов, осознание факта вооруженности потерпевшего таким же видом оружия и возможной реакции потерпевшего на действия стреляющего, в том числе реальной возможности ответного применения потерпевшим имеющегося у него оружия, осознание стреляющим степени опасности для него такой реакции потерпевшего в случае применения последним оружия), количество и локализация на потерпевшем следов пуль от выстрелов стрелявшего и т.п.

Кроме того, я хотел бы довести до вас следующие положения уголовного закона.

Не всегда посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов влечет за собой те общественно опасные последствия, то есть смерть потерпевшего, на достижение которых оно было направлено. Бывает, что какие-либо умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, не приводят к наступлению желаемого им преступного ре-

зультата по независящим от этого лица обстоятельствам, например, осечка при выстреле, ловкость потерпевшего, сумевшего уклониться от выстрела, отсутствие у стрелявшего возможности в момент выстрела произвести прицельный выстрел, производство выстрелов в движении как самого стрелявшего, так и потерпевшего, отсутствие у стреляющего реальной возможности продолжить производство выстрелов в потерпевшего, и т.п.

Таким образом, ответственность за посягательство на жизнь сотрудников милиции наступает в том случае, если виновный, производя выстрелы в сотрудника милиции, желал при этом лишить его жизни»*.

Другой подход состоит в разъяснении председателствующим присяжным заседателям норм закона с одновременным приведением (в качестве примера, иллюстрации) обстоятельств фактической стороны обвинения по рассматриваемому делу:

«Что такая особая жесткость применительно к уголовному закону, по которому привлекается подсудимый Рагимов? Особая жестокость при убийстве — это убийство, сопровождавшееся истязанием над личностью, причинением жертве особых мучений и физических страданий. При убийстве с особой жестокостью жертва выносит более продолжительную и высокую степень страдания, чем при обычном убийстве. Органы следствия в данном случае усмотрели особую жестокость в способе убийства, выразившемся в нанесении множественных ударов. Судебная практика также связывает особую жестокость, помимо других обстоятельств, со способом убийства путем нанесения множества ударов и причинения большого количества телесных повреждений жертве, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых мучений и страданий. **В данном деле, согласно обвинительному акту, не менее шести ударов нанесено по телу и голове потерпевшего ногами и руками и три удара палкой по голове.** Но в любом случае виновное лицо должно сознавать, что своими действиями причиняет жертве особые мучения и страдания при совершении убийства»**.

Второй вариант конструирования этой части напутственного слова представляется более эффективным, поскольку наглядно показывает присяжным заседателям: как абстрактные юридические понятия связываются с фактической стороной обвине-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу П.В. Агеева.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.
Курсив мой. — Ф.Н.

ния по делу. Такой вывод подтверждается результатами психологических исследований, согласно которым «...причиной низкой эффективности инструкции судьи... является неумение присяжных соотнести их с конкретным делом»*.

Разъяснение присяжным заседателям уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, играет определяющую роль в ориентации присяжных заседателей в сущности содеянного подсудимым. Неосведомленность присяжных заседателей в основах правовых вопросов (в особенности таких, как формы умысла, вопросы соучастия в совершении преступлений и т.д.) нередко затрудняет принятие ими решения по делу.

В подтверждение этого можно привести следующий пример:

«Так, подсудимый М. обвинялся в совершении умышленного убийства с особой жестокостью при соучастии в форме пособничества подсудимых В. и Г., выразившемся в том, что они обманым путем привезли потерпевшую в автомашине Г. к месту преступления; в пути следования к ним в автомашину подсел М. Пособники помогали удерживать потерпевшую в автомашине, а затем вывели ее в лес, где она была убита М.

В напутственном слове председательствующий судья вопреки требованиям закона не сообщил присяжным заседателям содержание закона, касающегося вопросов соучастия в преступлении, а ограничился кратким изложением закона, предусматривающего ответственность за умышленное убийство, разъяснив, что такая ответственность наступает в случае совершения действий, направленных на лишение жизни человека. При таких обстоятельствах коллегия присяжных заседателей не смогла ответить ни положительно, ни отрицательно на вопросы, касающиеся доказанности пособничества В. и Г. в совершении преступления и их виновности в этом, полагая, что ответственность за умышленное убийство может нести лишь непосредственный исполнитель преступления. Приговор суда был отменен за неясностью вердикта коллегии присяжных заседателей»**.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ре-

* Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. С. 108.

** Кудрявцева Е. П. Напутственное слово (содержание уголовного закона, предусмотренного ст. 105–109 УК РФ // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрид. лит., 1998. С. 183.

гулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» отмечается, что при постановке в вопросном листе вопросов о фактических обстоятельствах, позволяющих исключить ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление, председательствующий наряду с содержанием уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, должен сообщить присяжным заседателям содержание и этого закона (п. 33).

2.5. Напоминание исследованных в суде доказательств

В соответствии с ч. 3 ст. 340 УПК РФ после изложения содержания уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, председательствующий «напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих, так и оправдывающих его...».

В этой части напутственного слова председательствующий судья ставит перед собой задачу акцентировать внимание присяжных на доказательствах, исследованных во время судебного следствия, и помочь им восстановить в памяти этот этап судебного разбирательства.

Несмотря на всю свою важность, этот этап напутственного слова до сих пор вызывает неоднозначное отношение у судей и сторон судебного разбирательства. Как отмечают многие судьи, участвовавшие в качестве председательствующих в суде присяжных, эта часть напутственного слова воспринимается присяжными наиболее плохо: «Бывали случаи, когда при изнесении этой части напутственного слова присяжные заседатели начинали дремать и пробуждались вместе с окончанием приведения доказательств»*. По мнению Н.В. Григорьевой, причина этого в том, что присяжные заседатели уже многократно воспринимали содержание доказательств (при их исследовании; выслушав речи сторон), а «повторение одного и того же материала вызывает скуку и утомление»**.

Другая проблема этого этапа напутственного слова состоит в том, что именно с этой части напутствия начинается «зона опасности» высказывания судьей своего личного мнения по вопросам

* Григорьева Н.В. Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. С. 168.

** Там же.

оценки доказательств. Кроме того, на этом этапе напутственного слова возникает проблема полноты изложения председательствующим исследованных доказательств, что нередко служит поводом для кассационного обжалования приговора сторонами процесса.

Что же представляет собой «напоминание» присяжным исследованных доказательств? Каковы его пределы?

По смыслу закона «напоминание» доказательств — это не воспроизведение перед присяжными всего содержания каждого из исследованных фактических данных, а краткое изложение содержания ряда доказательств. В упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ подчеркивается, что в напутственном слове председательствующий «...лишь напоминает присяжным заседателям исследованные в суде как уличающие, так и оправдывающие подсудимого доказательства... Полное содержание доказательств перед присяжными заседателями излагается сторонами» (п. 33).

Пределы напоминания присяжным того или иного доказательства устанавливаются самим судьей, исходя из значимости доказательства для разрешения дела. Важно, чтобы председательствующий подчеркнул в напутствии **субъективный характер** пределов напоминания доказательств и ориентировал присяжных на обязательный учет других аспектов содержания доказательств, даже не озвученных в напутственном слове. Примером такого разъяснения может послужить следующий фрагмент напутствия:

«Те доказательства, которые были вам представлены, вы сами слышали и видели. Я не буду полностью приводить вам содержание этих доказательств, что вылилось бы в оглашение протокола судебного заседания, чего закон от меня не требует. Я лишь напому вам их краткое содержание. Однако это не означает, что, вынося вердикт и оценивая то или иное доказательство, вы должны исходить только из тех фактических данных, о которых я упомяну в напутственном слове. Вы не должны опускать при оценке те сведения о фактах, о которых я не упомяну либо считать их менее важными и значимыми, чем те сведения, которые я напому»*.

Ряд судей, перед напоминанием присяжным заседателям доказательств, разъясняют им, что может считаться доказательством по делу:

«Разъясняю вам, что не все услышанное в судебном заседании является доказательствами.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Показания подсудимого, потерпевших, свидетелей, заключения и показания экспертов, протоколы следственных действий, вещественные доказательства и различные документы, оглашенные в ходе судебного следствия, — это доказательства по делу, которые вам следует оценить, проанализировать в совещательной комнате, после чего ответить на поставленные перед вами вопросы.

Речи государственного обвинителя, защитника не являются доказательствами, ибо это только их мнение по данному делу, высказанное для судей по поводу исследованных доказательств. Мнение участников процесса не обязательно ни для вас, ни для меня. Вы можете согласиться с кем-то из них, а можете не согласиться. Это ваше право. У вас может быть и свое отличное от сторон мнение по делу, которое вы изложите при ответах на вопросы.

Обстоятельства получения всех представленных вам доказательств были мною тщательно проверены мною, как перед началом судебного разбирательства, так и во время рассмотрения дела. Все они являются законными, полученными без каких-либо нарушений норм УПК РФ, и должны приниматься вами во внимание при обсуждении поставленных перед вами вопросов и дачи ответов на них»*.

Такой подход представляется верным, поскольку помогает присяжным четко разграничить сами доказательства и их оценку, данную сторонами в ходе прений, что особенно важно применительно к содержанию рассматриваемого этапа произнесения напутственного слова.

В какой последовательности председательствующий напоминает присяжным заседателям доказательства?

Однозначного ответа на этот вопрос закон не дает, хотя буквальное содержание приведенного положения ч. 3 ст. 340 УПК РФ позволяет сделать вывод, что сначала должны напоминаться доказательства «уличающие» подсудимого, а затем оправдывающие. Именно такую последовательность напоминания доказательства диктует логика состязательного судопроизводства (например, по этому же принципу строится последовательность исследования доказательств в ходе судебного следствия).

Анализ ряда напутственных слов показывает, что эта логика не всегда находит отражение в напутствиях судей.

Так в подавляющем большинстве напутственных слов напоминание доказательств начинается с изложения показаний подсудимого в судебном заседании:

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

«Доказательства, исследованные в судебном заседании:

В судебном заседании Масаров по обвинению в хищении боеприпасов, разбойном нападении и убийстве Анисимовой вину не признал и показал следующее.

В квартиру Добрыниных он имел свободный доступ.

Перед новым 2004 годом искал в этой квартире аудиокассету и под кроватью в маленькой комнате случайно нашел охотничье ружье, взял его в руки, а затем положил обратно. Собирать и заряжать ружье он не умеет.

О найденном ружье сообщил Орехве, чтобы тот убрал оружие.

В ночь на 4 января 2004 года в квартиру Добрыниных заходил, но ружье и патрон не брал.

Выйдя из квартиры Добрыниных, прогуливался в одиночестве по безлюдной дороге. Дойдя до АЗС, решил спросить, сколько времени, и увидел, что в окне оператора разбито стекло, испугался и убежал в лес. Затем вернулся в квартиру Добрыниных, застал там обоих супругов, после чего отправился к себе домой спать»*.

Нередко, тотчас же, председательствующий напоминает присяжным заседателям о доказательствах, которые противоречат показаниям подсудимого, «уличают» его во лжи:

«Подсудимый Воронцов показал вам, что он, разнимая дерущихся Сильвенко и Щербинина, нанес несколько ударов Щербинину кулаком в область груди. Табуретом его не бил. После этого он и Сильвенко вышли на кухню, куда через некоторое время зашла Аленкина и сказала, что Щербинин упал с балкона.

Вам были оглашены показания, данные подсудимыми в ходе предварительного расследования этого уголовного дела. Так, из показаний Воронцова следует, что он вместе с Сильвенко избил Щербинина, после чего Сильвенко вытащил потерпевшего на балкон и сбросил его с балкона.

Об этом же Воронцов сообщил в своем заявлении прокурору г. Энгельса»**.

Такой подход, на наш взгляд, не только противоречит constitutive конструкции судебного разбирательства, но и вводит в заблуждение присяжных заседателей относительно принципа презумпции невиновности и распределения бремени доказывания в уголовном судопроизводстве.

* Там же.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Приводя первыми в этой части напутственного слова показания подсудимого, председательствующий de facto подчеркивает для присяжных заседателей их, якобы имеющееся, **особое значение** для разрешения дела в целом, переводя смысловой центр процесса с вопроса о доказанности обвинения на вопрос правдивости показаний подсудимого.

Такой подход нацелен на то, чтобы сразу же сделать показания подсудимого предметом сопоставления со всеми обвинительными доказательствами по делу, подчеркнуть присяжным все слабые стороны этих показаний, их противоречивость и недостоверность.

На наш взгляд, этот подход искажает и смысл показаний подсудимого, которые во всех состязательных системах судопроизводства считаются «первым доказательством защиты», такое значение им придает и УПК РФ. Приведение же показаний подсудимого «в окружении» доказательств обвинения придает им совсем другой оттенок. В такой ситуации последующие разъяснения председательствующего присяжным о необходимости равнозначного подхода ко всем доказательствам, включая показания подсудимого, могут оказаться неэффективными.

Представляется, что приведенный подход может оцениваться как законный применительно только к ситуациям признания подсудимым своей вины, когда по своему содержанию эти показания могут быть отнесены к обвинительным. В таком случае напоминание показаний подсудимого перед всеми остальными доказательствами никак не нарушит права стороны защиты и лишь позволит присяжным более точно вспомнить доказательства, исследованные в судебном разбирательстве.

По форме воспроизведения в напутственном слове показаний подсудимого и других доказательств в практике прослеживаются два подхода. Одни судьи приводят в напутственном слове точные цитаты из показаний подсудимого, свидетелей и т.д.:

«28 января 2004 года, будучи допрошенным в качестве подозреваемого, Масаров показал дословно следующее: "...Хочу сказать, что последнее время я испытывал острую потребность в деньгах. В этот день особо был морально подавлен отсутствием денег и, придя домой, решил в эту ночь совершить ограбление. До нового года, когда точно не помню, со Спиридоновым В., Орехвой Р. и дочерью Орехвы Р. мы заезжали заправляться на АЗС-26. Преступление с самого начала хотел совершить один. Обдумав все, я направился в квартиру Добры-

нина С., и, взяв ружье и один патрон, я направился в сторону АЗС-26... Прибыв на территорию АЗС, я хотел внезапно появиться и с этой целью подходил с задней стороны операторской. Подойдя к окну операторской я, направляя ружье в сторону оператора и хотев разбить стекло стволом ружья, произвел непровольный выстрел... Хочу добавить, что к окну АЗС я подходил, надев на голову... черный... чулок, который взял у себя дома и в последующем выкинул в мусорный пакет у себя дома. По поводу гильзы хочу добавить, что я выкинул ее, уходя от АЗС... зайдя домой, я оставил ружье и направился к Добрыниным..."»*.

Другой подход состоит не в цитировании, а изложении присяжным заседателям сути показаний подсудимого (свидетеля, потерпевшего и пр.):

«Подсудимый Цуханов показал вам, что он знаком с Деревенченко в течение 3 лет. У них имеется совместный ребенок, которого он, в силу сложившихся между ними взаимоотношений, был лишен возможности видеть и воспитывать. Из-за этого он, в конечном счете, решил лишить Деревенченко жизни. Для этого он обратился за помощью к Кузнецову, но Кузнецов отказался быть исполнителем исчезновения Деревенченко и сказал, что познакомит его с человеком, который может ему помочь. Этому человеку, по имени Михаил, он поручил сделать так, чтобы Деревенченко исчезла из жизни, с сокрытием ее трупа. С ним же он договорился об оплате лишения жизни Деревенченко в размере 15 тысяч рублей, из которых 8 тысяч он отдал предварительно. При этом он передал Михаилу фотографии Деревенченко, а на листке бумаге, который он также передал Михаилу, записал фамилию Деревенченко, ее имя и отчество, после чего в микрорайоне СХИ г. Энска указал дом и сообщил место расположения в нем квартиры, которая являлась наиболее вероятным местом проживания Деревенченко, сообщил имена и сведения о месте работы некоторых подруг Деревенченко и при этом договорился с Михаилом, что остаток денежного вознаграждения за лишение жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей он передаст ему по представлении фотографии с изображением трупа Деревенченко. 13 октября 2000 г. у входа в гостиницу "Словакия", после того как Михаил передал ему фотографию Деревенченко с внешними признаками насильственной смерти, он передал Михаилу оставшуюся часть де-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

нежного вознаграждения за исчезновение из жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей»*.

Какой из двух подходов представляется наиболее приемлемым, соответствующим закону и особенностям производства в суде присяжных?

С одной стороны, цитирование показаний подсудимого в напутственном слове представляется более объективным, гарантирует защиту председателю от упреков в искажении доказательства, принесения собственного мнения в его содержание.

Однако такой подход имеет и определенные минусы. Так, например, цитирование показаний всегда является выборочным и кратким, поскольку в противном случае напутственное слово становится громоздким и может быть не воспринятым присяжными. А это сводит на нет и указанную гарантию: ведь стороны получают возможность оспаривать объективность напутствия в связи с неполнотой такого цитирования, которое могло исказить смысл показаний. Кроме того, воспроизведение показаний подсудимого председателю от первого лица нередко сопровождается такой тональной нагрузкой, что присяжным сразу становится ясно, насколько «достоверны» показания подсудимого.

Воспроизведение сути показаний подсудимого представляется в большей степени соответствующим значению этой части напутственного слова. Присяжные получают напоминание о наиболее важном аспекте показаний подсудимого, а председательствующий избавляется от необходимости фрагментировать эти показания, выбирать и составлять из них определенную цитату.

Такой же подход можно распространить на изложение присяжным содержания вообще любых доказательств по делу.

Председательствующий не воспроизводит присяжным содержание всего оглашенного на судебном следствии протокола следственного действия, а приводит лишь ту его часть, которая подтверждает позицию обвинения или защиты:

«Свидетель Жгилев М.С. в суде показал, что около 3 часов ночи 4 января 2004 года вместе с друзьями подъезжал на АЗС, и их автомашина была заправлена дежурным.

В судебном заседании были оглашены показания свидетеля Кутышевой О.С. о том, что в ночь на 4 января 2004 года Масаров вместе с Курбатовым проводил ее до дома. Когда они расстались, времени было около 4 часов ночи»**.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Цуханова.

** См. в Приложении : Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

На практике проявился и другой подход к изложению содержания доказательств обвинения и защиты, который состоит в апеллировании к памяти присяжных, без «подсказки» им содержания доказательства:

«Из протокола осмотра места происшествия и трупа вы узнали о месте расположения по отношению к ряду балконов и позе трупа Щербинина, об обнаруженных в квартире, в том числе и на перилах балкона, следах, похожих на кровь».

«Потерпевший Мусатов пояснил вам, когда, где и при каких обстоятельствах ему были причинены указанные телесные повреждения, кто кусал его за руку»*.

Однако использование председательствующим такого подхода может привести к отмене приговора Верховным судом РФ, который проводит различие между напоминанием доказательств и их перечислением в напутственном слове:

«...В кассационных жалобах обоснованно указано и на нарушение председательствующим судьей требований ст. 340 УПК РФ, так как вопреки данному закону при произнесении напутственного слова перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта судья не напомнил им об исследованных в суде доказательствах в том их понимании и значении по делу, которые даны, в частности, в ст. 74, 76, 78, 79, 80 УПК РФ.

Вместо этого председательствующий судья в напутственном слове ограничился лишь перечислением рассмотренных в суде доказательств.

Так, председательствующий в напутственном слове указал: «Были допрошены потерпевшие и свидетели: Панова, Махова, Позднякова, Чистяков, Колдин, Городищан, Слесарев. Показания свидетелей я не буду приводить. Вы должны их помнить».

С учетом изложенного постановленный приговор подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение...»**.

По некоторым делам возникают ситуации, требующие от председательствующего особенно тщательно остановиться на содержании того или иного доказательства. Такая необходимость может возникать в следующих случаях:

1) В случае, когда исследованное доказательство в части является недопустимым или неотносимым:

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2004 года, дело № 4-о04-74сл.

«В соответствии с оглашенным в судебном заседании протоколом осмотра места происшествия и продемонстрированными вам схемой и фотографиями, окно оператора АЗС было разбито. На полу лежал труп Анисимовой с зажатой в правой руке шариковой ручкой и сквозным ранением правого плеча, грудной клетки и касательным ранением левого предплечья.

Внутри помещения обнаружены и изъяты войлочный пыж, пуля и бумажная прокладка.

Если кто-либо из вас, уважаемые присяжные заседатели, при демонстрации схемы и фотографий к этому протоколу увидел схемы с изображением силуэта человека на стуле, прошу вас не принимать эти две схемы во внимание, поскольку они являются предположениями составившего их лица, а не доказательствами. На момент осмотра места происшествия труп Анисимовой лежал на полу»*.

2) В случаях искажения содержания доказательств или обстоятельств дела в выступлениях сторон в ходе судебных прений.

«Государственный обвинитель вам сказал в речи, что Макаревичу особые мучения и страдания причинены путем нанесения большого количества ударов — по заключению эксперта 12-13. Разъясняю вам, что вы должны исходить из 6 ударов по голове и телу и трех ударов палкой по голове, так как предъявлено обвинение. Прокурор, не перепредъявив обвинение, произвольно увеличил его. Это запрещено законом»**.

Неразъяснение присяжным заседателям указанных обстоятельств в напутственном слове рассматривается Верховным судом РФ как кассационное основание, влекущее отмену приговора:

«Из протокола судебного заседания следует, что адвокат в защиту Сурина в своей речи намеренно исказил доказательства, признанные судом допустимыми.

В частности, он обратил внимание присяжных заседателей на наличие отверстий в резинке рогатки, обнаруженной при осмотре места происшествия в 20 см от головы трупа Цвеленовой Н., ставя под сомнение принадлежность рогатки Сурина, пояснив, что на его рогатке отверстий не было.

Между тем отверстия в резинке рогатки, на которые обратил внимание адвокат, были сделаны экспертом при исследовании этого вещественного доказательства. Однако председательствующий не остановил адвоката и в напутственном слове в нару-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

** См. в Приложении Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

шение требований п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ не разъяснил присяжным заседателям, что они сами должны решить, принадлежала ли обнаруженная на месте преступления рогатка Сурину, с учетом того, что она подвергалась экспертному исследованию, от этого и образовались отверстия.

Кроме того, адвокат обвиняемого неверно изложил показания эксперта П. и свидетеля Сидорова, сказав, что первый «рискнул» предположить возможность образования поврежденных на лице потерпевшей от воздействия рогатки, а по словам второго, рогатки были и у других жителей деревни.

Из протокола судебного заседания видно, что ни эксперт П., ни свидетель Сидоров таких показаний не давали, но председательствующий никак не прореагировал на искажение адвокатом исследованных с участием присяжных заседателей доказательств и не разъяснил им этого в напутственном слове.

С учетом изложенного доводы кассационного представления и кассационной жалобы о том, что при рассмотрении дела судом допущены нарушения норм уголовно-процессуального закона, обоснованны и поэтому оправдательный приговор суда присяжных не может быть признан законным и подлежит отмене»*.

Анализ ряда напутственных слов свидетельствует, что помимо изложения доказательств защиты и обвинения судьи нередко указывают присяжным на противоречия в этих доказательствах, призывая разрешить их в ходе вынесения вердикта:

«Вам также были представлены показания Аленкиной, данные в ходе предыдущего судебного разбирательства, из которых следует, что она видела, что Сильвенко и Воронцов избивали Щербинина, и не видела, каким образом он попал на балкон, а затем оказался на земле. В то же время, Аленкина объяснила вам причину, по которой она была вынуждена дать такие показания, пояснив, что опасалась реализации неоднократно высказанных ей угроз»**.

«В судебном заседании по обвинению в убийстве Журавлева Масаров вину признал частично и показал, что в ночь на 9 января 2004 г. у дома № 3 квартала Энергетиков в г. Шенкурске Журавлев сказал ему что-то грубое, догнал и схватил за плечо. Он тоже ответил грубостью. Тогда Журавлев стал наносить ему удары руками. Часть ударов попали ему в голову, часть ударов

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 25 мая 2004 года, дело № 4-004-60сп.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

он отбил. В ответ он тоже наносил Журавлеву удары руками. В процессе драки они упали на крыльцо. Постепенно Журавлев перестал сопротивляться. Он же продолжил избивание Журавлева. Во время избивания поднимал Журавлева сзади руками за ворот одежды, удерживал так и наносил при этом удары ногами, стараясь попасть в голову. После того, как Журавлев перестал подавать признаки жизни, вызвал скорую медицинскую помощь.

Нож у него не было, удара ножом он Журавлеву не наносил. Во время избивания обронил ключи и искал их на крыльце и в снегу, подсвечивая себе спичками. Руками он Журавлева не душил.

Эксперт Анфимов В.Г. пояснил, что смерть Журавлева наступила от того, что его шея сдавливалась руками с достаточной силой и достаточное время.

От ударов в шею смерть Журавлева наступить не могла, поскольку удары — это слишком кратковременные воздействия для того, чтобы проявились все признаки удушения.

Удушение Журавлева частями одежды при его поднимании за ворот также исключается, поскольку на шее нет борозды от воздействия одежды, а имеются лишь кровоподтеки овальной формы»*.

Верховный суд РФ не признает такие действия председательствующего нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора по делу:

«Приговором суда присяжных Спиридонов В.А. признан виновным в совершении указанных преступлений.

В кассационном представлении и дополнении к нему государственной обвинитель Бутовецкая А.Б. просит отменить приговор в связи с допущенными нарушениями уголовно-процессуального закона при рассмотрении дела и направить дело на новое судебное разбирательство, указывает, что... напутственное слово председательствующего носило непоследовательный характер, в нем допущена фактическая оценка доказательств — показаний подсудимого, потерпевшего и свидетелей, которые он расценил как противоречивые, допущена ссылка на другого участника преступления, тогда как по делу привлекался один Спиридонов В.А.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления, Судебная коллегия находит его не подлежащим удовлетворению... **То обстоятельство, что председательствующий в напутственном слове обратил внимание присяж-**

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

ных заседателей на противоречивость показаний подсудимого, потерпевшего и свидетелей, свидетельствует о разъяснении им в соответствии с нормами закона правил оценки доказательств и не означает, что им дана оценка доказательств. Не является основанием для отмены приговора и то, что в напутственном слове председательствующим была допущена ссылка на другого участника преступления, поскольку из ответов присяжных заседателей видно, что они признали доказанным, что ножевые ранения потерпевшим Кошкину и Ульянову причинил Спиридонов, а не иное лицо, но признали его невиновным»*.

Такая практика представляется нарушающей положения п. 3 ч. 3 ст. 340 УПК РФ. Суждения председательствующего о наличии противоречий между исследованными в судебном заседании доказательствами, во-первых, являются выводами, которые указанная норма закона запрещает делать в напутственном слове. Во-вторых, такое суждение является оценочным, поскольку представляет собой результат сопоставления содержания ряда доказательств. Наличие оценки доказательств в напутственном слове председательствующего свидетельствует о нарушении судьей принципов объективности и беспристрастности, на что указывает Верховный суд РФ в п. 34 упомянутого постановления пленума.

Судебная практика свидетельствует, что типичными на этом этапе напутствия являются следующие упущения:

1) неполнота напутственного слова, вызванная не напоминанием присяжным содержания доказательств обвинения или защиты.

«По делу Типикина М.В. (Ставропольский край) одним из поводов для отмены приговора послужила необъективность напутственного слова. Как следует из протокола судебного заседания, председательствующий ограничился лишь напоминанием о позициях сторон. Причем, излагая позицию стороны защиты, он, как и адвокат, сослался на доказательства, подтверждающие невиновность подсудимого, — отсутствие орудия преступления и предметов похищенного. Говоря же о позиции стороны обвинения, председательствующий даже и не упомянул доказательства, приведенные этой стороной»**.

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, дело № 12-004-14сп.

Курсив мой. — Ф.Н.

** Обзор Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами ГП РФ. Приложение к письму Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.03.2004 № 12/12-04.

2) неполнота напутственного слова, вызванная не напоминанием присяжным некоторых, особенно важных доказательств обвинения или защиты.

«В напутственном слове председательствующий судья не напомним присяжным заседателям о показаниях свидетеля Тимченко о бельевой веревке, которой, согласно обвинению, был задушен Казанцев, а когда государственный обвинитель заявил возражения по этому поводу, председательствующий отклонил их и не дал присяжным заседателям разъяснения о необходимости вынесения вердикта с учетом показаний Тимченко наряду с другими доказательствами»*.

3) неполнота напутственного слова, связанная с не напоминанием присяжным заседателям о тех данных, которые не являются доказательствами и не могут учитываться при вынесении вердикта.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. отмечается, что «при произнесении напутственного слова судья должен обратить внимание присяжных заседателей на то, что их выводы о виновности подсудимого не могут основываться на доказательствах, признанных недопустимыми» (п. 24). Нарушение этого правила влечет отмену приговора:

«После оглашения государственным обвинителем протокола явки с повинной Арустамова и протокола его допросов на предварительном следствии Арустамов заявил, что показания он дал в результате оказанного на него давления.

Председательствующий судья остановила подсудимого и предложила присяжным заседателям покинуть зал судебного заседания, однако при этом не обратилась к присяжным с разъяснением о том, что они не должны принимать во внимание данное заявление подсудимого.

Не разъяснила она этого присяжным и при произнесении напутственного слова.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что сделанное подсудимым заявление об оказании на него давления работниками милиции в ходе предварительного следствия могло воздействовать на присяжных заседателей и повлиять на вынесение ими вердикта.

По смыслу закона не должны также исследоваться данные, характеризующие личность подсудимого.

* Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2002. № 7. С. 18–24.

Однако по данному делу, как это видно из напутственного слова, до присяжных были доведены сведения, характеризующие личность подсудимого, в том числе о его семейном положении (женат, имеет детей) (19/1-кп002-29сп)*.

4) необъективность напутственного слова, вызванная искажением содержания доказательств:

«Судом присяжных Московского областного суда 16 февраля 2004 г. осуждены: Радюк по п. “г”, “д” ч. 2 ст. 112, п. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105, п. “ж”, “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ, Холманов по п. “г”, “д” ч. 2 ст. 112, п. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105, п. “д” ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 17 июня 2004 г. приговор отменила, дело направила на новое судебное рассмотрение, указав следующее... В напутственном слове председательствующий неправильно отрастил отношение Холманова к предъявленному ему обвинению на предварительном следствии: “В ходе предварительного следствия Холманов полностью признавал себя виновным, подробно рассказывал о действиях Радюка и Филимонова. Показания Холманова были оглашены, Вы их слышали”.

С учетом изложенного постановленный приговор подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение...**

5) необъективность напутственного слова, вызванная изложением председательствующим собственного мнения по поводу оценки доказательств.

Напоминая коллегии присяжных заседателей исследованные в суде доказательства, председательствующий не вправе оценивать их, так как это является исключительной компетенцией коллегии присяжных заседателей, которые самостоятельно, по внутреннему убеждению оценивают все представленные сторонами доказательства. Нарушение данного положения нередко становится кассационным основанием к отмене приговора:

«По делу в отношении К., оправданного Краснодарским краевым судом присяжных по п. «а», «в» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ, после произнесения напутственного слова председательствующим судьей государственный обвинитель заявил о неполноте напутственного слова.

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 8. С. 14–15, 18.

** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17 июня 2004 года, дело № 4-о04-74сп.

В ответ председательствующий судья сказал, что свидетельские показания не несут доказательственного значения, так как преступление совершено в условиях неочевидности, этим обоснованием он также нарушил принцип объективности и беспристрастности**.

2.6. Изложение позиций обвинения и защиты

Напомнив исследованные в суде доказательства, председательствующий судья излагает позиции государственного обвинителя и защиты.

Закон детально не раскрывает содержания речи судьи на этом этапе произнесения напутственного слова и поэтому на практике это содержание во многом зависит от понимания председательствующим термина «позиция стороны».

В связи с этим на практике выработались несколько подходов к содержанию этой части напутственного слова.

Некоторые судьи под термином «позиция» понимают краткое содержание выступления стороны в прениях, выражающее ее отношение к обвинению в отношении подсудимого. Такое понимание приводит к тому, что рассматриваемый этап напутствия выглядит следующим образом:

«Государственный обвинитель считает, что поддержанное им обвинение полностью доказано представленными вам доказательствами, о чем убеждал вас в своем выступлении в прениях.

Защитник Бутримов считает недоказанным, что Агеев стрелял в Шапкарина, и просил вас вынести справедливый вердикт»**.

Другие судьи включают в понятие «позиция» не только мнение стороны о доказанности события преступления, совершения его подсудимым и его виновности, но и указание на те доказательства, которые в решающей степени подтверждают позицию, а также мнение стороны о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения. При таком подходе изложение позиций обвинения и защиты выглядит следующим образом:

«Государственный обвинитель, считая доказанным тот факт, что Масаров взял из квартиры Добрынина ружье, от обвинения подсудимого в хищении ружья отказался со ссылкой на то, что ружье тот брал не для распоряжения им по своему усмотрению, а во временное пользование. В связи с позицией стороны обвинения в части изъятия ружья вопросы перед вами не ставятся.

* Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2002. № 7. С. 18–24.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу П.В. Агеева.

В остальном обвинение государственными обвинителями было поддержано.

По мнению стороны обвинения, вина Масарова в изъятии патрона для последующего им распоряжения и лишении жизни Анисимовой при нападении на нее с целью изъятия денег полностью доказана протоколом его явки с повинной, последовательными показаниями в качестве подозреваемого от 28 и 29 января и обвиняемого от 19 и 20 февраля 2004 г., которые по обстоятельствам изъятия патрона, времени, месту, способу и всем иным обстоятельствам лишения жизни потерпевшей согласуются с достоверными показаниями свидетелей, в том числе Добрынина, Добрыниной, Орехвы и Спиридонова, заключениями и показаниями экспертов, вещественными доказательствами, протоколами следственных действий и документами.

Совокупность этих исследованных в суде доказательств, по мнению стороны обвинения, полностью опровергает утверждения Масарова о непричастности к преступлениям, в совершении которых он обвиняется.

Обвинение Масарова в лишении жизни Журавлева государственный обвинитель также считает полностью доказанным заключениями и показаниями экспертов, показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и протоколами следственных действий.

По мнению государственного обвинителя со ссылкой на заключения и показания экспертов Цугули и Анфимова, именно Масаров нанес потерпевшему удар в лицо ножом, приобщенным к делу в качестве вещественного доказательства, а после избиения задушил Журавлева руками.

Государственные обвинители возражают против того, что подсудимый заслуживает снисхождения

Сторона защиты, не оспаривая фактических обстоятельств происшедшего в ночь на 4 января 2004 г. с Анисимовой, утверждает, что ружья и патрона Масаров в ту ночь из квартиры Добрынина не брал, нападения на потерпевшую с целью изъятия денег не совершал, а на АЗС пришел уже после того, как Анисимова была лишена жизни.

Признательные показания Масарова на предварительном следствии сторона защиты считает непоследовательными и не соответствующими действительности. Соглашаясь с тем, что выстрел в Анисимову был произведен именно из ружья, которое хранилось в квартире Добрыниных, защита ставит под со-

мнение показания свидетелей Добрынина, Добрыниной, Орехвы и Спиридонова.

По обвинению Масарова в лишении жизни Журавлева защита соглашается с тем, что потерпевшему был нанесен удар в лицо именно тем ножом, который был вам предъявлен в качестве вещественного доказательства, но утверждает, что этот удар нанес не Масаров.

Не оспаривая того, что смерть Журавлева наступила от удушения, сторона защиты, не соглашаясь с заключением и показаниями эксперта Анфимова, утверждает, что Масаров лишил потерпевшего жизни не сдавливанием шеи руками, а тем, что поднимал того за ворот одежды и наносил удары ногами.

По обвинению Масарова в действиях против Журавлева защита просит о снисхождении»*.

Очевидно, что второй вариант в большей степени соответствует предназначению напутственного слова председателствующего, состоящему, в том числе, в необходимости напоминания и разъяснения присяжным всего произошедшего в судебном заседании.

Краткое и неконкретное изложение позиций сторон не дает возможности присяжным заседателям осознать конфликт между обвинением и защитой, который они должны разрешить своим вердиктом. На фоне такого разъяснения присяжные заседатели могут неправильно понять предыдущую часть напутствия, посвященную напоминанию доказательств, и дальнейшую часть напутственного слова председателствующего, в которой будут излагаться правила оценки доказательств.

Развитием второго подхода является третья модель рассматриваемой части напутствия, состоящая не только в обстоятельном воспроизведении позиций сторон, но и в «привязке» их к ответам на вопросы, поставленные перед присяжными. В рамках этого подхода, судьи интерпретируют позиции сторон применительно к содержанию вопросного листа, утвержденного и переданного присяжным заседателям. Примером такого подхода является следующий фрагмент напутственного слова:

«По первому вопросу, поставленному в вопросном листе, у сторон нет спора, поэтому, я думаю, для вас не будет особой сложностью дать на него ответ.

По второму вопросу у государственного обвинителя и у защиты позиции разные. Если вы полностью соглашаетесь с позицией

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

государственного обвинителя, то должны ответить на этот вопрос положительно. Если вы частично соглашаетесь с позицией обвинения, то должны ответить, в какой части доказано обвинение в отношении Рагимова. Если вы соглашаетесь с позицией защиты, то должны ответить по позиции защиты, что доказано только, что Рагимов нанес один удар в шею Макаревичу, а остальное не доказано. Хотя вы можете признать, что не доказан даже и этот факт.

По третьему вопросу у сторон также расходятся позиции. Если вы соглашаетесь с позицией государственного обвинения, то должны ответить на него положительно. Если соглашаетесь в части, то должны ответить, в какой части доказаны те обстоятельства, о которых идет речь в вопросе, и в какой — не доказаны. Если вы соглашаетесь с позицией защиты, то должны ответить на этот вопрос отрицательно.

При ответе на четвертый вопрос, виновен ли Рагимов в умышленном лишении жизни Макаревича при условии положительного ответа на второй вопрос, вам следует ответить утвердительно, если вы соглашаетесь с позицией государственного обвинителя. Если соглашаетесь с позицией защиты о совершении Рагимовым неосторожного убийства, то должны ответить, что он виновен, но в совершении убийства по неосторожности»*.

Такая модель произнесения рассматриваемой части напутственного слова представляется наиболее оптимальной, поскольку наиболее наглядно демонстрирует присяжным различия в позициях обвинения и защиты применительно к вопросному листу, обсуждение которого составляет наиболее важный этап совещания присяжных. Особое значение такого подхода состоит еще и в том, что этап постановки вопросов присяжным заседателям следует за прениями, а не предшествует им. В итоге, стороны, выступая с речами в прениях, высказывают лишь предположения о том, какими будут вопросы, поставленные присяжным заседателям и какими должны быть ответы на них. Далеко не всегда эти предположения сбываются и совпадают с реальным содержанием вопросного листа. Поэтому присяжным заседателям иногда бывает непросто сопоставить позицию стороны с определенными ответами на вопросы вопросного листа. Приведенная модель разъяснения значительно упрощает задачу присяжных заседателей.

Вместе с тем, подробное разъяснение присяжным позиций сторон порождает несколько проблем, однозначно не разрешаемых ни в теории, ни на практике.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

Одна из таких проблем касается возможности председательствующего корректировать позиции сторон в напутственном слове. По мнению некоторых ученых-процессуалистов и практиков, такая корректировка допустима, а в отдельных случаях даже необходима. Если участник прений исказил содержание доказательства либо неточно их изложил их значение, то судья в своем напутственном слове должен соответствующим образом устранить неточность. Если сторонами в прениях допускалось неверное толкование закона, правил оценки доказательств, то судья должен предупредить об этом*.

Однако Верховный суд РФ часто отвергает возможность судьи действовать подобным образом. В подтверждение этого можно привести следующий пример:

«Государственный обвинитель, выступая в прениях и опровергая версию подсудимого о необходимой обороне, указал на тот факт, что наличие крови потерпевших на различных частях машины, около которой произошла драка и убийство, однозначно свидетельствует о том, что подсудимый преследовал потерпевших. Судья посчитал невозможным прерывать речь государственного обвинителя. Однако в своем напутственном слове присяжным заседателям он обратил их внимание на неточность, допущенную прокурором при анализе значения фактических данных о наличии крови потерпевших на машине. С целью устранения влияния на решение присяжных заседателей указанной неточности судья пояснил, что наличие крови потерпевших на различных частях машины не может однозначно свидетельствовать о факте преследования подсудимым потерпевших и что в этой ситуации допустим иной вывод: пятна крови оставлены при других обстоятельствах.

Приговор, вынесенный по данному делу, был отменен, так как Кассационная палата Верховного суда РФ посчитала, что председательствующий в своем напутственном слове нарушил принцип объективности**.

В каких же случаях допустима корректировка председательствующим позиций сторон и допустима ли она вообще?

Представляется, что, прежде всего, необходимо различать случаи искажения сторонами содержания доказательств и об-

* Галкин А.И. Напутственное слово председательствующего // Вестник Саратовской государственной академии права. Научно-популярный журнал. 1996. № 3 (спецвыпуск). С. 235; Он же. Объективность напутственного слова // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 6–9.

** Летопись суда присяжных (прецеденты и факты) // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 6.

стоятельств дела и случаи их интерпретации, обусловленной позицией по делу. Во второй ситуации, на наш взгляд, никакая корректировка недопустима, ведь каждая из сторон толкует доказательства и факты дела, исходя из собственной позиции, и нередко это толкование кардинально различается. Какая из сторон «исказила» действительность решат присяжные своим вердиктом, ради чего они, собственно, и призваны осуществлять правосудие.

Если же председателствующий начинает в такой ситуации корректировать позицию одной из сторон, он неизбежно оказывает содействие другой стороне судебного разбирательства. Такая корректировка, по сути, представляет собой высказывание председателствующим собственного мнения присяжным заседателям о несостоятельности фактического или юридического аспектов позиции стороны обвинения или защиты.

Примером такого «корректирования» может служить следующий фрагмент напутственного слова:

«Защитник Воропанов, по его выражению “даже если допустить, что Рагимов будет признан виновным в убийстве”, то никак нельзя говорить о доказанности хулиганских побуждений в действиях Рагимова и совершения убийства с особой жестокостью. По мнению защитника, можно лишь говорить о совершении Рагимовым неосторожного убийства, так как Макаревича клали на рельсы еще живого... Как в законе понимается умышленное убийство, я вам уже разъясняла. Теперь разъясню, как в законе понимается совершение убийства по неосторожности.

Неосторожным признается убийство тогда, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Причем расчет виновного на случайные обстоятельства, “на авось” свидетельствует о наличии у него косвенного умысла, т.е. умышленного убийства. Изложенное в законе понятие о неосторожных преступлениях сложно для понимания. Поэтому я вам просто расскажу о классических примерах совершения убийства по неосторожности. Например, лицо, не желая смерти потерпевшего и не допуская ее наступления, наносит удар в голову потерпевшего. У здорового человека от такого удара имелись бы только легкие телесные повреждения. Но в данном случае у пострадавшего было забо-

левание сосудов головного мозга, и от нанесенного ему одного удара произошло кровоизлияние в мозг, человек умер.

Другой пример. Лицо также наносит удар, тоже не желая и не допуская смерти потерпевшего, который падает, ударяется о твердое, допустим, бетонное покрытие и умирает от черепно-мозговой травмы, полученной при падении, а не непосредственно от полученного удара. При таких обстоятельствах налицо неосторожные убийства.

Теперь вспомните обстоятельства данного дела, когда потерпевшего в бессознательном состоянии с тяжелой черепно-мозговой травмой кладут под рельсы, и электропоездом происходит травматическое отделение головы от тела»*.

Очевидно, что приведенный фрагмент мог бы стать (и должен был стать) частью речи государственного обвинителя, опровергающего позицию защиты. Однако такое опровержение прозвучало из уст председателствующего, который изложил присяжные свое мнение о несостоятельности позиции защиты, утверждавшей о совершении подсудимым неосторожного лишения жизни потерпевшего. Председателствующий дискредитировал позицию защиты, противопоставив фактическую сторону произошедшего, признаваемого защитой в этом деле (**«потерпевшего в бессознательном состоянии с тяжелой черепно-мозговой травмой кладут под рельсы»**), и «случаи из практики» неосторожного лишения жизни (**«у пострадавшего было заболевание сосудов головного мозга, и от нанесенного ему одного удара произошло кровоизлияние в мозг, человек умер»**). При этом применительно к «случаям из практики» председателствующий неоднократно повторил присяжным, что лицо совершало такие действия, **«не желая и не допуская смерти потерпевшего»**.

Представляется, что в приведенном примере председателствующий встал на сторону обвинения, нарушив принцип объективности напутственного слова.

Другая ситуация возникает в том случае, если сторонами были допущены ошибки (правовые, фактологические и т.п.), обусловленные позицией по делу. В этом случае председателствующий может откорректировать эти ошибки, обратив на них внимание присяжных в напутствии. Форма такой корректировки должна быть этичной и не выражать собственного мнения председателствующего.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

Например, защитник в речи перепутал фамилии свидетелей, допрошенных в судебном заседании. Председательствующий вполне может исправить это упущение в напутственном слове.

Другим примером допустимой корректировки является исправление правовых ошибок, допущенных сторонами:

«Государственный обвинитель вам сказал в речи, что Макаревичу особые мучения и страдания причинены путем нанесения большого количества ударов — по заключению эксперта, 12–13. Разъясняю вам, что вы должны исходить из 6 ударов по голове и телу и трех ударов палкой по голове, так как предъявлено обвинение. Прокурор, не перепредъявив обвинение, произвольно увеличил его. Это запрещено законом»*.

Допустимой корректировкой, на наш взгляд, является предложение председателствующего присяжным не принимать во внимание отдельные доказательства (недопустимые, не исследованные в судебном заседании) или фактические обстоятельства (не исследуемые с участием присяжных), о которых стороны сообщили в своих речах:

«Вы не должны принимать во внимание при вынесении вердикта прозвучавшие от подсудимых выходящие за пределы судебного разбирательства предположения о виновности в смерти Щербинина Конониренко, поскольку это не является предметом судебного разбирательства и Конониренко не обвиняется в причастности к этому преступлению. Также вы не должны принимать во внимание фразу прокурора о том, что преступление подсудимые совершили на почве пьянства, поскольку вы не исследовали данные о личности Сильвенко и Воронцова. Не должны вы принимать во внимание безосновательное пояснение Воронцова о якобы психологическом воздействии на него перед допросом в качестве подозреваемого»**.

От корректировки позиций сторон необходимо отличать констатацию председателствующим status quo по рассматриваемому делу. Нередко такая констатация признается Верховным судом формой выражения председателствующим своего мнения и служит основанием к отмене приговора.

Так, Кассационной палатой Верховного суда РФ был отменен оправдательный приговор Московского областного суда. Одним из оснований отмены стало то, что председателствующий в своем напутственном слове выразил свое мнение относительно

* См. в Приложении Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

но доказанности обвинения Н. по ст. 218 ч. 2 УК РСФСР, посредством оценки речи прокурора. В этой связи председателствующий указала следующее: «Я не услышала в речи прокурора, какие доказательства, по ее мнению, подтверждают вину Н. в этом преступлении. Но, может быть, я и не права, и вы услышали такие доказательства...» Кассационная палата посчитала, что в этом случае председателствующим был нарушен принцип объективности при произнесении напутственного слова*.

На наш взгляд, констатируя отсутствие у обвинения доказательств, председателствующий не выразил собственного мнения, а лишь подчеркнул то, что произошло на самом деле — что прокурор не представила вообще никаких доказательств виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении. Можно полностью согласиться с Н. Радутной, что форма этой оговорки председателствующего могла бы быть иной («оценка поведения обвинителя могла быть ограничена обращением к присяжным заседателям — подумать, представлены ли государственным обвинителем доказательства, относящиеся к конкретному эпизоду, на основе которых предстоит решить вопрос о виновности Н.»**). Однако это не меняет сути высказывания председателствующего, состоящей в констатации действительного положения вещей.

Свидетельством необъективности председателствующего является также изложение в напутственном слове позиции только одной стороны: государственного обвинителя или защиты.

Так, например, по жалобе адвоката был отменен приговор суда присяжных по делу П. и других, осужденных за убийство при отягчающих обстоятельствах, когда председателствующим в напутственном слове по существу не была изложена позиция защиты***.

2.7. Разъяснение правил оценки доказательств

Важнейшим этапом произнесения напутственного слова является разъяснение присяжным заседателям процессуальных правил, на основе которых они должны оценивать представ-

* Определение Кассационной палаты Верховного суда РФ от 7 сентября 1995 // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 6.

** Объективность напутственного слова в изложении Кассационной палаты, судей и ученых // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1996. № 1. С. 6–9.

*** Шурыгин А.П. Защита в судопроизводстве с участием коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 1997. № 8, 9.

ленные сторонами доказательства по делу. Часть 3 ст. 340 УПК РФ содержит минимальный перечень таких правил:

- основные правила оценки доказательств в их совокупности;
- сущность принципа презумпции невиновности;
- положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого;
- положение о том, что вердикт может быть основан лишь на тех доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании;
- положение о том, что никакие доказательства для присяжных не имеют заранее установленной силы,
- положение о том, что выводы присяжных не могут основываться на предположениях, а также на доказательствах, признанных судом недопустимыми;
- положение о том, что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого.

Очевидно, что этот перечень не является исчерпывающим для всех дел. Как отмечает Н.В. Григорьева, «правила оценки доказательств частью установлены законом, частью выводимы из обыкновений судебной практики, они могут быть сведены к довольно большому, но конечному числу положений»*. В отличие от других разделов напутственного слова этот раздел существенно не связан с особенностями дела и, как правило, повторяется в различных напутственных словах судьи. Лишь иногда судьи несколько видоизменяют его, расставляя акценты в зависимости от специфики дела.

Анализ ряда напутственных слов свидетельствует, что структура этой части напутствия на практике не совсем совпадает с последовательностью приведения процессуальных положений, подлежащих разъяснению присяжным, в ч. 3 ст. 340 УПК РФ.

Большая часть судей начинают эту часть напутствия с разъяснения присяжным заседателям презумпции невиновности. Такой подход представляется верным, поскольку правильное уяснение присяжными заседателями сущности этого принципа обеспечит правильное понимание и всех остальных процессуальных правил, разъясняемых председателствующим. Именно через призму принципа презумпции невиновности должны смотреть присяжные заседатели как на доказательства, так и на правила оценки доказательств. Исследования психологов пока-

* Григорьева Н.В. Указ. соч. С. 172.

зывают, что существует определенная зависимость между моментом разъяснения присяжным заседателям принципа презумпции невиновности и вердиктом присяжных.

О.А. Гулевич отмечает, что в одном исследовании (Kassin, Wrightsman, 1979) присяжные смотрели видеозапись судебного процесса, посвященного угону автомашины. Видеозапись включал в себя вступительные слова сторон, прямой и перекрестный допрос свидетелей, прения. В одном из вариантов видеозаписи судья разъяснил присяжным принцип презумпции невиновности перед началом судебного следствия, в другом — после прений сторон, а в третьем инструкции судьи отсутствовали. После просмотра видеозаписи присяжные выносили вердикты... Результаты исследования показали, что присяжные, получившие инструкцию судьи в начале судебного процесса, выносили меньше обвинительных вердиктов (37%) и вспоминали больше предъявленных доказательств, чем те, кто получал инструкцию после прений (59%) или не получал ее вообще (63%)*.

Вместе с тем, сущность презумпции невиновности судьи разъясняют в напутственных словах по-разному.

Один из вариантов разъяснения презумпции невиновности можно проиллюстрировать следующим фрагментом напутственного слова:

«При вынесении вердикта... вы должны исходить из презумпции невиновности подсудимого.

Это значит, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена судом.

При этом лишь неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

А сомнения возникают практически по каждому уголовному делу, но они не должны стать для вас самоцелью. Сомнения могут быть только средством, способствующим вашей убежденности в доказанности или недоказанности события, деяния и виновности подсудимых. Не должно быть сомнений ради сомнений. **Сомнения могут возникать только ради установления истины.** И если они у вас возникнут, то вы должны стараться их разрешить, анализируя, оценивая, осмысливая и сопоставляя представленные вам доказательства, руководствуясь здравым смыслом, жизненным опытом и своей совестью.

* Гулевич О.А. Указ. соч. С. 111.

Ведь можно, встав утром, сомневаться, идет снег или нет, сомневаться, какое сегодня число или день недели, и пребывать в этом сомнении, если не потрудиться выглянуть в окно или заглянуть в календарь»*.

На первый взгляд, такое разъяснение презумпции невиновности вполне оптимальное. Однако более тщательный анализ позволяет выявить ряд его недостатков. Так, в этом варианте разъяснения полностью отсутствует разъяснение присяжным правила о распределении бремени доказывания между сторонами. Не говорится, что обвиняемый не должен доказывать собственную невиновность. Ничего не сказано о том, на что влияет презумпция невиновности, какие особенности судебного процесса она предопределяет. Презумпция невиновности представлена в виде формального положения с неясным значением для судебного разбирательства. Применительно к разъяснению правила о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого, судья не разъяснил присяжным, что такое «неустранимые сомнения», зато его пример об идущем снеге создает опасность ошибочного вывода присяжных о потенциальной устранимости вообще любого сомнения. Но самый существенный недостаток этого варианта напутствия, на наш взгляд, в том, что присяжным навязывается роль «искателей истины» по делу («сомнения могут возникать только ради установления истины»), что противоречит самой идее состязательного правосудия в суде присяжных. Если присяжные будут рассматривать себя как искателей истины, это существеннейшим образом скажется на их вердикте, который в такой ситуации, скорее всего, не будет оправдательным.

Другой вариант разъяснения презумпции невиновности исходит из иного концептуального положения о роли присяжных и имеет другое содержание:

«В совещательной комнате вам предстоит решить вопрос, доказал ли государственный обвинитель предъявленное подсудимому обвинение и в каком объеме, полностью или частично. От вас не требуется с математической точностью установить, что произошло в действительности.

Ваша служба будет исполнена, если ваш вердикт оценил, доказано или не доказано обвинение.

Любой подсудимый, проходящий по делу, считается невиновным.

* См. в Приложении: Напутственное слово по уголовному делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Курсив мой. — Ф.Н.

По разуму наших законов, и прежде всего Конституции, ни в коем случае нельзя предполагать виновности подсудимого. Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность.

Если вы находите, что обвинение несомненно доказало вину подсудимых, ваш долг признать его виновным, а если обвинение не смогло с несомненностью доказать виновность, вы обязаны признать их невиновными. Сомнения должны толковаться в пользу подсудимых. Но сомнения эти должны быть разумными и неустранимыми.

Что такое разумные сомнения? Это такие сомнения, которые можно разумно объяснить, основанные на здравом смысле, а не на предвзятом мнении, предположениях, воображениях, чувстве симпатии или антипатии к подсудимым, желании угодить общественному мнению, оправдать ожидание друзей. Неустранимые сомнения — это те сомнения, которые невозможно устранить путем тщательного и всестороннего анализа представленных вам доказательств, остающиеся после долгой, и внимательной оценки каждого доказательства в отдельности и в совокупности.

По выражению выдающегося русского юриста А.Ф. Кони, с сомнением нужно бороться — и победить его или быть им побежденным, так, чтобы в конце концов, “не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово — “виновен” или “не виновен””.

Обвинительный вердикт не может быть основан на предположениях и догадках, только на доказательствах»*.

В этом варианте разъяснения презумпции невиновности все аспекты этого важнейшего принципа уголовного судопроизводства доходчиво представлены присяжным заседателям. Необходимо отметить, что самое первое положение этого фрагмента напутствия (первый абзац) вызвало резкую критику Верховного суда РФ, отменившего в кассационном порядке приговор, в том числе и по этой причине. В определении Кассационной палаты Верховного суда РФ подчеркивалось, что «председательствующий свел в своем напутственном слове задачу коллегии присяжных к разрешению вопроса о доказанности обвинения», что было оценено как существенное нарушение уголовно-процессуального закона**. С таким подходом вряд ли можно согласиться, поскольку именно в разрешении вопроса о

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

** Объективность напутственного слова в изложении Кассационной палаты, судей и ученых // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1996. № 1. С. 6–9.

доказанности обвинения и состоит основная задача присяжных заседателей.

Вместе с тем, Верховный суд РФ не всегда признает существенным нарушением уголовно-процессуального закона не совсем точные формулировки в разъяснении присяжным заседателям принципа презумпции невиновности:

В кассационном представлении государственный обвинитель сослался на то, что председательствующий при произнесении напутственного слова не был объективным и беспристрастным и ориентировал присяжных заседателей на вынесение оправдательного вердикта при возникновении у них даже «тени сомнения» в виновности С., Т. и Н. Отменяя данный приговор по другим основаниям, Судебная коллегия отметила в определении, что она «...не может согласиться с утверждением государственного обвинителя о том, что при произнесении напутственного слова председательствующий нарушил принцип объективности и беспристрастности»*.

Не менее важной частью напутственного слова является разъяснение присяжным заседателям основных правил оценки доказательств в их совокупности. Это наиболее объемная часть рассматриваемого фрагмента напутствия. Анализ напутственных слов свидетельствует, что к основным правилам оценки доказательств наиболее часто председательствующие относят:

- разъяснение присяжным о том, какие свойства доказательств они могут оценивать;
- необходимость учета «внешних» обстоятельств при оценке доказательств;
- правила оценки противоречий между доказательствами;
- особенности оценки отдельных видов доказательств;
- необходимость установления взаимосвязи между доказательствами;
- правило оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Эти правила разъясняются в напутственном слове в разной последовательности и с разной степенью детализации. В связи с этим, можно выделить две концепции к построению этой части напутствия, выработавшиеся на практике.

Первая концепция состоит в сжатом воспроизведении правил оценки доказательств без заострения их внимания на особенностях оценки отдельных видов доказательств.

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 13 апреля 2005 года, дело № 81-005-26сп.

Такой подход можно проиллюстрировать следующим фрагментом напутственного слова:

«Особенностью суда присяжных является то, что только вы можете оценивать достоверность и достаточность доказательств и относить их к оправдывающим или обвиняющим.

Производя оценку достоверности представленных вам показаний, вы можете учитывать и принимать во внимание любые обстоятельства, которые могут помочь вам в установлении правдивости сообщенных сведений, в том числе манеры и поведение допрашиваемого лица.

Оценивая показания подсудимых в суде, вы должны решить, соответствуют ли их показания действительности, не противоречат ли они их же показаниям, данным ими же на предварительном следствии, показаниям свидетелей и другим исследованным вами доказательствам. При этом вы можете учесть любые нюансы и моменты, которые помогут вам произвести такую оценку.

Оценивая показания потерпевших и свидетелей, вы также можете учитывать любые факторы, заслуживающие внимания.

Между показаниями допрошенных лиц могут быть противоречия. Противоречия могут быть и в показаниях одного и того же лица, данных в разное время. Вы должны оценить, насколько существенны эти противоречия, касаются ли они существа обвинения или второстепенных фактов, возникли они в связи с особенностями восприятия и запоминания или состояния допрашиваемого лица или от желания заинтересованного лица исказить или утаить факты, имевшие место в действительности.

Основываясь на своем понимании жизни, своем жизненном опыте вы и решите, чьи и какие показания наиболее правдивы, убедительны и полны, какие именно показания или совокупность каких показаний рисуют вам наиболее полную картину происшедшего.

Оценивая достоверность доказательств, вы должны отделить зерна истины от похожих на них плевел заблуждения и лжи. Вам придется обработать представленное вам доказательственное поле в поисках правды, удаляя бурьян и сорняки. Только тогда эти драгоценные зерна истины смогут превратиться в торжественный красивый цветок вашего объективного и справедливого вердикта.

Оценивая представленную вам совокупность доказательств с точки зрения достаточности для признания обвинения доказанным прошу вас учесть, что достаточность доказательств оце-

нивается не количеством представленных вам доказательств, а их информативностью.

Поэтому зачастую сведения, сообщенные одним лицом, могут дать вам намного больше, чем сообщения десятков свидетелей»*.

Другой подход базируется на ином концептуальном положении — присяжным необходимо разъяснить не только общие правила оценки доказательств, но и особенности оценки различных видов доказательств, исследованных в судебном заседании. Данный подход отражен в следующем фрагменте напутствия:

«Я вам расскажу о некоторых правилах оценки доказательств.

Одни только вы решаете, каким доказательствам верить и до какой степени, а каким — нет.

При оценке показаний подсудимого и свидетелей вы можете иметь в виду: последовательны их показания или нет, имеется ли у них интерес в деле, и если имеется, то какой.

При противоречивых показаниях надо иметь в виду, идет ли речь о важных или маловажных деталях, и являются ли эти расхождения следствием ошибки, например, забывания, что является обычным делом, или умышленной ложью.

Кроме того, при оценке показаний свидетелей вы можете иметь в виду, что не каждый свидетель, давая, например, правдивые показания по делу, может в отношении своих действий, если они не соответствовали закону или определенным правилам поведения, дать неверные показания. И он имеет на то право, поскольку, в соответствии с Конституцией РФ, никто не обязан свидетельствовать против себя и своих близких родственников. То есть, если вы посчитаете, что в какой-то части свидетель дал неверные показания, то это может не означать, что ко всем его показаниям следует относиться с недоверием.

Следует иметь в виду, что у подсудимого есть важнейший интерес в деле, но он имеет право выступать в защиту своих интересов. Его показания не должны восприниматься с недоверием лишь потому, что он является подсудимым.

Протоколы следственных действий могут являться доказательствами, если они составлены в соответствии с требованиями закона, по правилам.

Заключение эксперта и его показания — это заключение или показания специалиста в области каких-либо знаний, в том числе науки и техники. Они могут быть достоверными, если выво-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

ды эксперта сделаны на основе достаточного материала, в ходе надлежащего исследования и в рамках, имеющихся у эксперта специальных познаний, его выводы научно обоснованы.

Документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, изложенные предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами, имеют значение для уголовного дела.

Вещественные доказательства — это орудия и следы преступлений.

Основное правило оценки доказательств — это оценка доказательств в их совокупности.

Перед вами массив доказательного материала. Из каждого доказательства вы должны выделить существенные для данного обвинения факты, подтверждающие или опровергающие обвинение. Это будет фундамент вашего решения. Все несущественные факты и обстоятельства будут находиться за пределами решения. Вам не надо обращать особого внимания на противоречия и сомнения в этих несущественных фактах. Ваша задача — тщательная работа с существенными фактами. Выбрав доказательство, подтверждающее какой-то факт, вы должны проанализировать, имеются ли другие доказательства, которые дополняют его, согласуются с ним или обуславливают его. Когда это так, тогда доказательства становятся убедительными, не оставляющими сомнений. Это и есть оценка доказательств в их совокупности**.

Вам предстоит оценить все доказательства в их совокупности и, основываясь на них, принять правильное решение по делу»**.

Второй подход представляется нам в целом более оптимальным, поскольку в таком варианте напутственного слова присяжные заседатели получают более конкретные разъяснения о тех факторах, которые могут влиять на достоверность различных видов доказательств. Вместе с тем представляется не совсем оправданным разъяснение присяжным того, что «...протоколы следственных действий могут являться доказательствами, если они составлены в соответствии с требованиями закона, по правилам». Присяжные заседатели лишены возможности оценивать

* Похожий пример разъяснения правила об оценке доказательств в их совокупности из напутственного слова Н.В. Григорьевой: «Что касается доказательств вообще, то они приобретают тем больше силы и убедительности, чем больше одно доказательство согласуется с другим, чем больше одно доказательство дополняет другое, чем больше они обуславливают друг друга. Это и есть оценка доказательств в их совокупности».

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова. *Курсив мой.* — Ф.Н.

эти «правила» и поэтому такое разъяснение способно породить у присяжных заседателей ложное мнение о предустановленной достоверности всех протоколов следственных действий.

Разъясняя правила оценки доказательств, председательствующие судьи нередко обращают особое внимание присяжных заседателей на необходимость объективной оценки показаний подсудимого. Это объясняется, во-первых, необходимостью исключения оценки показаний присяжными с каким-либо предубеждением к нему, которое может быть вызвано его процессуальным статусом, нахождением под стражей и т.п. Во-вторых, ч. 3 ст. 340 УПК РФ обязывает председательствующего дать присяжным специальное разъяснение того, что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого.

Примером такого разъяснения является следующий фрагмент напутствия:

«Следует иметь в виду, что у подсудимых есть важнейший интерес в деле. Но подсудимый имеет право выступать в свою защиту. Его показания не должны восприниматься с недоверием лишь потому, что он является подсудимым.

Если показания подсудимого непоследовательные, т.е. противоречивые, это не означает, что подсудимый сознает свою вину. Вам следует рассматривать непоследовательные показания подсудимого и оценивать их наряду со всеми прочими доказательствами по делу в совокупности»*.

Нередко председательствующий особо подчеркивает в напутственном слове следующее положение:

«То, что подсудимый находится под стражей, не является доказательством его виновности».

Вместе с тем, спорным является разъяснение присяжным (в особенности, перед разъяснением остальных правил оценки доказательств), что показания подсудимого, в отличие от других доказательств по делу, это — лишь форма его защиты от обвинения. Безусловно, присяжные заседатели должны учитывать наличие у подсудимого наиболее существенного интереса к исходу дела, его юридическую безответственность за содержание своих показаний, однако превращать показания подсудимого из обычного доказательства по делу лишь в форму защиты, на наш взгляд, недопустимо. Это искажает правовое значение таких по-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

казаний, создает установку присяжным заседателям относиться к ним с меньшим доверием, чем к остальным доказательствам по делу. В качестве примера такого разъяснения можно привести следующий фрагмент напутствия:

«Для любого человека естественно стремление опровергнуть предъявленные ему претензии. Тем более это естественно для человека, которому предъявлено обвинение в преступлении. Одним из способов защиты от обвинения в преступлении является дача показаний как в ходе предварительного следствия, так и в суде. Однако позиция защиты обвиняемого при этом может быть различной. Обвиняемый в разные периоды производства по уголовному делу может сообщать полные сведения о фактах, которые имели место в действительности, может в целях уменьшения степени своей вины умалчивать или искажать одни факты и сообщать лишь о тех фактах, о которых стало известно от других лиц, может отрицать те факты, о которых говорят другие лица. Все это является лишь одним из способов реализации им своего права на защиту»*.

Разъяснение присяжным заседателям правил оценки доказательств в напутственном слове будет неполным, если председательствующий не объяснит им правила об оценке доказательств по внутреннему убеждению:

«Оценивать все доказательства вы должны по своему внутреннему убеждению, основанному на полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, и по совести.

Внутреннее убеждение основано на здравом смысле и жизненном опыте. Здравый смысл предполагает способность логически рассуждать и делать логические выводы из рассуждений. В понятие жизненного опыта входят знания об окружающей действительности как научные, так и обыденные»**.

Приведенное разъяснение на практике нередко сочетается с одновременным разъяснением присяжным заседателям правила о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы:

«Оценивая доказательства, вы должны помнить, что ни одно из исследованных вами доказательств не имеет заранее установленной силы и не считается законом лучше любого другого доказательства»***.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Цуханова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

*** См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

«Не существует формальных правил оценки доказательств, когда одни доказательства всегда считаются предпочтительнее других. Все доказательства равны между собой, каждое не лучшего и не худшего вида»*.

В соответствии с требованиями ч. 3 ст. 340 УПК РФ председателствующий разъясняет присяжным заседателям, что их вердикт может быть основан лишь на тех доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании:

«Никто из присутствующих здесь юристов, никто из вас, уважаемые присяжные заседатели, не были очевидцами событий, которые послужили поводом прокуратуре для уголовного преследования подсудимого. Поэтому вы должны восстановить прошлое по доказательствам, которые были представлены сторонами в судебном заседании»**.

Важно, чтобы при этом председателствующий разъяснил присяжным заседателям, какие данные, прозвучавшие в ходе судебного разбирательства, не могут являться доказательством и не могут быть положены присяжными в основу вердикта.

К таким данным, прежде всего, следует отнести догадки и предположения: «Вердикт не может быть основан на предположениях и догадках, только на доказательствах»***.

Не являются доказательствами выступления и заявления сторон: «Не являются доказательствами заявления и аргументы противоположных сторон****».

Речи сторон в прениях позволяют систематизировать доказательства, но сами по себе доказательствами не являются»****.

Председателствующий должен особо подчеркнуть присяжным заседателям положение о том, что их выводы не могут основываться на доказательствах, признанных судом недопустимыми.

Необходимо отметить, что нарушение именно этого положения наиболее часто является кассационным основанием к отмене приговоров, вынесенных судом присяжных:

«...По мнению прокурора, в ходе судебного следствия Пьянзин оказывал незаконное воздействие на присяжных заседателей, выразившееся в том, что он многократно в своих показа-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

** Там же.

*** См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

**** С этим утверждением председателствующего можно согласиться, если только эти «аргументы» не являются частью показаний потерпевшего и подсудимого.

***** См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

ниях, выступлении в прениях и последнем слове акцентировал их внимание на якобы применение к нему незаконных методов ведения следствия, ставя под сомнение законность получения представленных обвинением доказательств. Председателствующий судья делал замечания подсудимому, однако надлежащих мер, предусмотренных законом, к нему не принял, а потому приведенные выше высказывания повлияли на формирование у присяжных заседателей ошибочного мнения о невиновности Пьянзина...

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 14 августа 2003 г. приговор суда присяжных Верховного суда Республики Мордовия отменила, дело направила на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с требованиями ст. 258 УПК РФ при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председателствующего или судебного пристава лицо, присутствующее в зале судебного заседания, предупреждается о недопустимости такого поведения либо удаляется из зала судебного заседания, в том числе согласно ч. 3 ст. 258 УПК РФ может быть удален и подсудимый.

Председателствующий делал подсудимому Пьянзину лишь замечания, однако надлежащих мер, предусмотренных ст. 258 УПК РФ, не принял.

Кроме того, председателствующий не разъяснил присяжным заседателям в своем напутственном слове, что при решении вопроса о виновности Пьянзина не должны приниматься во внимание его высказывания о незаконном ведении предварительного следствия, поскольку это обстоятельство проверялось и признано не соответствующим действительности»*.

Неполное разъяснение присяжным, какие сведения не являются доказательствами, также признается Верховным судом РФ нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора:

«Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 4 февраля 2004 г. приговор отменила, дело направила на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно ст. 335, 336 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателя-

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 8. С. 23–24.

ми в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ. Запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании.

Однако эти требования закона не выполнялись стороной защиты в ходе судебного разбирательства.

Как видно из протокола судебного заседания (и об этом правильно указано в представлении государственного обвинителя), защитник Типикина неоднократно нарушал требования норм уголовно-процессуального законодательства, что выражалось в том числе в оглашении показаний свидетелей в нарушение требований ст. 281 УПК РФ, в комментировании оглашенных процессуальных документов, в опорочивании доказательств, не признанных судом недопустимыми, и т.п.

Несмотря на неоднократные, систематические нарушения адвокатом требований уголовно-процессуального закона, председательствующий не принял всех необходимых мер, в частности, предусмотренных ч. 2 ст. 258 УПК РФ, для обеспечения порядка в судебном заседании, ограничиваясь каждый раз замечаниями в адрес адвоката.

В напутственном слове председательствующий не напомнил присяжным заседателям о всех противоречащих закону действиях и высказываниях адвоката и обратил их внимание лишь на одно его заявление о якобы имевшем место получении доказательств под незаконным воздействием органов дознания и предварительного следствия»*.

Эта часть напутственного слова председательствующего судьи является обязательной для присяжных заседателей. В совещательной комнате они должны руководствоваться только разъясненными, а не какими-либо другими правилами оценки доказательств. По этой причине представляется ошибочным следующее высказывание председательствующего, сделанное после изложения присяжным правил оценки доказательств:

«Все что я вам сказала, вы можете принять во внимание, а можете не принять»**.

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2005. № 1. С. 15–16.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

2.8. Разъяснение присяжным порядка совещания, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосования по ответам и вынесения вердикта

Кроме изложенного, председательствующий разъясняет присяжным заседателям порядок их совещания, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосования по ответам и вынесения вердикта.

Присяжным следует указать, что они (а именно, каждый из них) должны принять решение, полагаясь на свой здравый разум, память и записи в своем блокноте.

Им необходимо разъяснить, что присутствие в совещательной комнате иных лиц, кроме присяжных заседателей, не допускается, как и не допускаются не процессуальные контакты с участниками процесса, посторонними лицами; что прервать совещание на отдых они могут с наступлением ночного времени, а с разрешения председательствующего — также по окончании рабочего времени; что они не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания.

Председательствующий должен объяснить роль старшины при обсуждении вопросного листа и голосовании присяжными в совещательной комнате.

Далее председательствующий призывает присяжных к принятию единодушного решения в течение трех часов. Если в течение трех часов присяжные не пришли к единодушию, они должны приступить к голосованию. Председательствующий должен разъяснить порядок голосования, порядок проставления ответов на вопросы и оформления вопросного листа.

Председательствующий также должен разъяснить присяжным случаи их возвращения в зал судебного заседания:

- 1) при необходимости, на взгляд присяжных, возобновления судебного следствия;
- 2) при необходимости уточнения, на взгляд присяжных, формулировки вопросного листа;
- 3) при необходимости получения от председательствующего дополнительных разъяснений;
- 4) по окончании голосования и оформления вопросного листа.

Примером такого разъяснения может служить следующий фрагмент напутственного слова:

«А сейчас, уважаемые присяжные заседатели, я расскажу вам о порядке совещания и голосования.

Для вынесения вердикта 12 комплектных присяжных заседателей должны удалиться в совещательную комнату, запасные

присяжные заседатели остаются в зале суда. Ваше совещание должно происходить тайно. Присутствие в совещательной комнате посторонних лиц не допускается.

Руководить совещанием будет старшина. Она должна последовательно ставить на обсуждение подлежащие разрешению вопросы, проводить голосование по ответам и вести подсчет голосов. Вопросы должны ставиться в строгой последовательности, как они указаны в вопросном листе. Не разрешив предыдущий вопрос, вы не можете переходить к решению следующего.

Вы должны стремиться к принятию единодушного решения. Закон предусматривает, что если отсутствует единодушие, то обсуждение должно продолжаться не менее трех часов. Если в течение указанного времени вы не придете к единодушному мнению, то только тогда вы можете приступить к формированию ответов, принятых в результате голосования большинством голосов. То есть, если вы, обсуждая последовательно каждый вопрос, дадите единодушные ответы на все поставленные вопросы, вы можете практически сразу выйти с вердиктом из совещательной комнаты. Но если в процессе обсуждения у вас не будет единодушного решения по какому-либо из поставленных вопросов, вы можете приступить к голосованию лишь по истечении трех часов после удаления в совещательную комнату.

Голосование проводится открыто, и никто из вас не вправе воздержаться от голосования. Старшина подает свой голос последней, но ее голос не имеет преимущества перед другими голосами.

Ответ на каждый подлежащий разрешению вопрос должен быть полным и развернутым, т. е. представлять собой утвердительное слово "да" или отрицательное слово "нет", с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, следующим из вопроса. Например: "Да, виновен", или "Нет, не доказано", либо "Нет, не заслуживает снисхождения" и т. п.

Уважаемые присяжные заседатели, я прошу учесть, что при утвердительном ответе на вопросы все то, что в них написано, считается доказанным. При отрицательном ответе, все то, что в них написано, считается недоказанным.

В том случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, то старшина, с согласия большинства присяжных, указывает слова «без ответа».

Ответы на вопросы старшина присяжных должна вносить в вопросный лист непосредственно после разрешения каждого вопроса. В случае если ответ принимается голосованием, то после ответа должны быть указаны результаты голосования, т.е.

сколько голосов подано за утвердительный ответ и сколько голосов подано за отрицательный ответ на каждый поставленный вопрос. Если же вы придете к единодушному решению, то после того или иного ответа на каждый поставленный вопрос указывается, что он принят единодушно.

Обвинительный вердикт будет считаться принятым, если по вопросам о том: имело ли место событие преступления, совершено ли оно подсудимым и по вопросу о виновности за утвердительные ответы проголосует более 6 присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт будет принят, если за отрицательные ответы на эти вопросы проголосует не менее 6 присяжных заседателей.

Ответы на прочие вопросы определяются простым большинством голосов, а если голоса разделились поровну, то принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ.

Ваше совещание должно продолжаться до вынесения вердикта по делу. С наступлением ночного времени, если вы не успеете закончить совещание, вы можете прервать совещание и удалиться на отдых. Кроме того, в процессе совещания с моего разрешения вы можете прерваться для отдыха по окончании рабочего времени. При этом вы должны соблюдать тайну совещательной комнаты и не разглашать ход обсуждения вердикта и суждения высказанные при этом. Если во время перерыва кто-либо попытается вступить с вами в контакт в связи с вынесением вами вердикта, вы должны уклониться от общения с этим лицом и обязательно сообщить мне об этом.

После разрешения всех вопросов и внесения ответов в вопросный лист, старшина должна подписать его. О возможности оглашения вердикта старшина присяжных заседателей сообщает работнику канцелярии, и вы будете приглашены в зал судебного заседания для провозглашения вердикта.

Если в процессе вашего совещания возникнут какие-либо неясности, или у вас возникнет необходимость в уточнении формулировки поставленных вопросов, а также в исследовании дополнительных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, либо вам будет необходимо получить дополнительные разъяснения по вопросному листу, вы можете возвратиться в зал судебного заседания, поставив предварительно меня в известность через секретаря суда, где старшина изложит мне вашу просьбу*.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Оценивая, в целом, позитивно такой вариант разъяснения присяжным заседателям правил совещания и вынесения вердикта, отметим некоторые его недостатки.

Во-первых, ряд суждений судьи можно было бы уточнить. Так, например, председательствующий разъяснил присяжным, что *«при утвердительном ответе на вопросы все то, что в них написано, считается доказанным. При отрицательном ответе, все то, что в них написано, считается недоказанным»*. Между тем присяжные заседатели имеют право, утвердительно ответив на тот или иной вопрос вердикта, одновременно исключить доказанность некоторых обстоятельств, перечисленных в вопросе (например: *«Да, доказано, но за исключением нанесения ножевого удара в спину»*). Приведенное разъяснение председательствующего, по сути, лишает их этого права.

Представляется более правильным следующий вариант разъяснения:

«Если, вдруг, вы сочтете недоказанным какое — либо обстоятельство, указанное в том или ином вопросе, вы даете на него утвердительный ответ, а в пояснении к нему исключаете то обстоятельство, которое признали недоказанным»*.

Во-вторых, председательствующий не разъяснил присяжным их право признать подсудимого невиновным даже в том случае, если они признают доказанным событие преступления и совершение его подсудимым.

В-третьих, представляется целесообразным раскрыть присяжным заседателям содержание правового понятия «ночное время» (промежуток с 22 до 6 часов по местному времени), предусмотренного п. 21 ст. 5 УПК РФ.

Некоторые судьи дополнительно разъясняют присяжным заседателям правила пользования записями в совещательной комнате**:

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу П.В. Агеева. *Курсив мой.* — Ф.Н.

** Следует отметить, что во многих западноевропейских судах присяжных XIX в. уголовно-процессуальные кодексы требовали, чтобы вместе с вопросным листом присяжным заседателям в совещательную комнату передавались вещественные доказательства по делу и даже письменные документы (протоколы осмотра и т. п.). Аналогичные положения закреплены в ч. 2 ст. 439 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ. В соответствии с указанной нормой «в ходе совещания присяжные заседатели могут использовать оглашенные в судебном заседании документы, осмотренные там вещественные доказательства, предъявлявшиеся фотографии и схемы, воспроизводившие воспроизводившиеся в судебном заседании звукозапись и видеозапись, иметь текст резолютивной части обвинительного заключения, текст напутственного слова председательствующего — если указанные

«Тот, кто вел записи, может использовать их при обсуждении ответов. Предупреждаю вас, что эти записи могут использоваться только теми присяжными заседателями, кто их вел. Записи являются субъективными. Остальные должны полагаться только на свою память»*.

Такое разъяснение представляется полезным, поскольку присяжные могут забыть к концу судебного разбирательства те разъяснения по поводу использования записей, которые председательствующий давал им в самом начале процесса.

Представляется правильным подход некоторых судей к этой части напутствия, состоящий в разъяснении порядка совещания со ссылками на поставленные присяжным заседателям конкретные вопросы:

«Обратите внимание, спорные позиции сторон, которые прозвучали в ходе судебного разбирательства, отражены мною в поставленных перед вами вопросах. Так, сторона защиты не отрицала, что Агеев производил выстрелы, но оспаривала доказанность производства этих выстрелов в Шапкарина, в область его груди, считая, что Агеев стрелял в стену и потолок подъезда.

Поэтому, если вами будет признано недоказанным утверждение обвинения о том, что Агеев произвел выстрелы в Шапкарина, вы должны будете ответить на 4-й вопрос»**.

Ранее уже отмечалось, что, на наш взгляд, наиболее оптимально показывать присяжным связь между вопросами и позициями сторон в соответствующей части напутственного слова (изложение позиций сторон), однако повторение этих разъяснений будет не лишним и при разъяснении порядка обсуждения и голосования по поставленным перед присяжными вопросам.

Судебная практика свидетельствует, что несоблюдение присяжными заседателями правил совещания и вынесения вердикта может повлечь фатальные последствия для приговора суда.

Так, по уголовному делу по обвинению Шерстнева в совещательной комнате Краснодарского краевого суда во время

материалы были им переданы председательствующим с учетом мнения сторон». С этими предложениями, на наш взгляд, трудно согласиться. Во-первых, суждение присяжных заседателей по письменным документам противоречит принципу устности, лежащему в основе российского уголовного судопроизводства. Во-вторых, если бы существовало правило о передаче актов предварительного следствия присяжным заседателям в совещательную комнату, некоторые бы из присяжных, рассчитывая на возможность прочесть их после, были бы менее внимательными к происходящему судебному следствию.

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу П.В. Агеева.

обсуждения вердикта помимо комплектных присяжных заседателей находился и запасной, а по другому делу тайна совещания была нарушена тем, что присяжные заседатели удалились в совещательную комнату не сразу после объявления об этом председательствующим судьей, но в течение 15 минут находились в коридорах суда и общались с посторонними лицами, а после удаления в совещательную комнату старшина присяжных заседателей выходил из нее и обращался к председательствующему судье за разъяснениями, после получения которых вновь удалился в совещательную комнату. Оправдательный приговор по данному делу был отменен по протесту прокурора*.

В некоторых случаях несоблюдение присяжными заседателями правил совещания бывает обусловлено неправильными разъяснениями председательствующего:

Так, Кассационной палатой Верховного суда РФ был отменен оправдательный приговор Московского областного суда по делу П. от 3 сентября 2001 г. Одним из оснований для отмены приговора послужило то, что, как следует из протокола судебного заседания, после проведения дополнительного судебного следствия, возобновленного по просьбе старшины присяжных заседателей, выступлений в прениях сторон, последнего слова подсудимого и напутственного слова председательствующего судьи присяжные заседатели возвратились из совещательной комнаты для вынесения вердикта через 1 час 11 мин., хотя ответы, сформулированные ими в вопросном листе, были приняты путем проведения голосования, т. е. решение принято до истечения установленных законом трех часов, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. В определении Кассационная палата указала, что разъяснение председательствующего судьи в напутственном слове о том, что присяжные заседатели до возобновления судебного следствия совещались 2 час. 10 мин., поэтому они могут перейти к голосованию уже по истечении 50 мин., не основано на законе, поскольку после возобновления судебного следствия, заключающегося в дополнительном исследовании каких-либо обстоятельств, имеющих существенное значение для ответов на поставленные вопросы, порядок совещания и голосования присяжных засе-

* Шурьгин А.П. Правоприменительная практика рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 2; Летопись суда присяжных (прецеденты и факты) // Российская юстиция. 1996. № 3.

дателей определяется ст. 453 УПК РСФСР (ей соответствует ст. 343 УПК РФ)*.

Нередко ошибочные разъяснения председательствующего, несущие вполне определенную смысловую нагрузку, направленную на побуждение присяжных к вынесению конкретного варианта вердикта, не попадают в протокол судебного заседания и не отражаются в тексте напутственного слова.

Л.М. Карнозова приводит следующий пример такой ситуации:

«На первый взгляд в приводимом ниже отрывке речь идет о порядке совещания и голосовании присяжных заседателей:

“Если вы голосуете даже только по одному вопросу, — а чаще всего так и бывает, что голосуют по вопросу о снисхождении или особом снисхождении, поскольку **обычно вопросы о доказанности и виновности не вызывают сомнений...**, — то вы все равно должны сидеть не менее трех часов”.

Как и следовало ожидать, в “официальном тексте” напутственного слова, приложенном к протоколу, этих слов не оказалось**.

2.9. Напоминание присяжным заседателям содержания присяги и разъяснение им права признать подсудимого заслуживающим снисхождения

Завершает напутственное слово председательствующий напоминанием присяжным заседателям содержания данной ими присяги и обращает внимание на то, что в случае вынесения обвинительного вердикта они могут признать подсудимого заслуживающим снисхождения.

На практике эти элементы последней части напутственного слова доводятся до присяжных заседателей в обратной последовательности: сначала разъясняется право признать подсудимого заслуживающим снисхождения, а потом напоминает присяга.

Применительно к разъяснению права присяжных признать подсудимого, в отношении которого присяжные выносят обвинительный вердикт, заслуживающим снисхождения на практике возник вопрос: насколько конкретно необходимо разъяснять данное право?

На этот вопрос председательствующие судьи отвечают по-разному.

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 6.

** Карнозова Л.М. Указ. соч. С. 147. *Курсив мой.* — Ф.Н.

Ряд судей разъясняют это положение формально, не сообщая присяжным — как повлияет их решение о снисхождении на размер наказания подсудимому:

«Вы также должны ответить на вопросы о том, заслуживают ли подсудимые снисхождения... при условии признания их виновными. Не скрою от вас, что в случае положительного ответа на эти вопросы закон ставит меня в определенные рамки при назначении наказания. Какие конкретно эти рамки — мне бы не хотелось вам говорить, чтобы вы не ставили решение вопроса о виновности в зависимость от конкретных мер наказания, которые могут быть назначены подсудимым. Вы должны при ответе на вопросы о том, заслуживают ли подсудимые снисхождения либо особого снисхождения, исходить только из обстоятельств дела»*.

Другие судьи даже не сообщают присяжным мотивы умолчания о последствиях снисхождения:

«При вынесении обвинительного вердикта, вы можете признать подсудимого заслуживающим снисхождения.

В этом случае я буду обязан учесть ваше решение при назначении подсудимому наказания, назначив ему менее строгое наказание»**.

Некоторые судьи в напутственном слове обязательно разъясняют присяжным положение ч. 2 ст. 349 УПК РФ, где говорится, что если коллегией присяжных заседателей подсудимый не был признан заслуживающим снисхождения, председательствующий судья с учетом обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность, и личности виновного вправе назначить подсудимому наказание не только в пределах, установленных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но и с применением положений ст. 64 Уголовного кодекса Российской Федерации:

«В случае вынесения обвинительного вердикта вам предстоит ответить на вопрос, заслуживает ли подсудимый снисхождения или нет.

В соответствии с законом, срок или размер наказания лицу, признанному коллегией присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если соответствующей статьей

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова.

Особенной части УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказания не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Например, если максимальное наказание по статье УК РФ составляет семь лет лишения свободы, то при Вашем решении о том, что подсудимый заслуживает снисхождения, я не вправе назначить наказание больше четырех лет восьми месяцев лишения свободы»*.

Нам представляется, что последний подход является наиболее оптимальным и учитывающим особенности суда присяжных. Присяжные заседатели должны знать, что осужденный ими человек, в случае признания его заслуживающим снисхождения, не обязательно будет наказан по всей строгости закона. А, как отмечает в своей статье Ю.А. Ляхов, «именно такое мнение формируется у присяжных заседателей после напутственного слова судьи, в котором он подробно разъясняет, какие последствия наступают при признании виновного подсудимого заслуживающим снисхождения, и, как правило, ничего не говорит о значении отрицательного ответа коллегии присяжных заседателей на 4-й обязательный вопрос»**. В подтверждение этого автор приводит следующий пример:

«В Ростовском областном суде был случай, когда присяжные заседатели вышли из совещательной комнаты и попросили судью дать разъяснение, не грозит ли подсудимому смертная казнь, если они не признают его заслуживающим снисхождения»***.

Точку в споре по рассматриваемому вопросу поставил Верховный суд РФ, указав в п. 33 упомянутого постановления пленума, что «в соответствии с ч. 4 ст. 340 УПК РФ в своем напутственном слове председательствующий обязан не только обращать внимание присяжных заседателей на то, что в случае вынесения обвинительного вердикта они могут признать подсудимого заслуживающим снисхождения, но и разъяснить им порядок назначения наказания в таком случае».

Вместе с тем еще нередки случаи, когда право присяжных признать подсудимого заслуживающим снисхождения разъяс-

* См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

** Ляхов Ю.А. Судебное следствие в суде присяжных // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1. Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. С. 83.

*** Там же.

няются присяжным необъективно. Л.М. Карнозова приводит следующий пример такого разъяснения:

«При решении вопроса о снисхождении прошу вас быть объективными и **не забывать о тех страданиях, которые перенесли потерпевшие**»*.

Напоминая присягу, данную присяжными заседателями, председательствующие судьи практически всегда полностью воспроизводят ее текст в напутственном слове:

«Завершая свое напутственное слово, напоминаю содержание данной вами присяги о том, что вы должны исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, не осуждая невиновного и не оправдывая виновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку.

Желаю плодотворной работы!»**

Окончив произнесение напутственного слова, председательствующий спрашивает присяжных о желании получить от него дополнительные разъяснения, если у них остались какие-либо сомнения, неясности (ч. 5 ст. 340 УПК РФ).

В соответствии со ст. 353 УПК РФ напутственное слово председательствующего записывается в протокол судебного заседания, или его текст приобщается к материалам уголовного дела, о чем указывается в протоколе. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 ноября 2005 г. подчеркивается, что в первом случае «...содержание напутственного слова должно быть **подробно** изложено в протоколе судебного заседания» (п. 34).

2.10. Возражения на напутственное слово, оспаривание напутственного слова в кассационных и надзорных жалобах

В соответствии с уголовно-процессуальным законом стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности (ч. 6 ст. 340 УПК РФ).

Прежде всего, отметим, что по смыслу ч. 6 ст. 340 УПК РФ возражения сторон на напутственное слово могут касаться не только нарушений председательствующим принципа объективнос-

* Карнозова Л.М. Указ. соч. С. 147. *Курсив мой.* — Ф.Н.

** См. в Приложении: Напутственное слово по делу М.Н. Масарова.

ти и беспристрастности, но и других требований, предъявляемых законом к напутствию, например, полноты и ясности для присяжных заседателей. Иное толкование приведенного положения закона является ограничительным, поскольку возражения сторон и рассмотрение их председательствующим предусмотрены законом в качестве единственного способа устранения любых разновидностей недостатков напутственного слова. Такая позиция полностью соотносится с подходом Пленума Верховного суда РФ, указавшего в п. 34 Постановления от 22 ноября 2005 г., что под нарушением председательствующим принципа объективности и беспристрастности при произнесении напутственного слова следует понимать, в частности, напоминание присяжным заседателям только уличающих или только оправдывающих подсудимого доказательств, исследованных в суде, их оценку, выражение в какой-либо форме своего мнения по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей.

В судебной практике длительное время являлся спорным вопрос: в присутствии ли присяжных заседателей должны заявляться сторонами возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего или после их удаления в совещательную комнату для составления вердикта?

Ученые, занимающиеся проблемами деятельности суда присяжных, и практические работники высказывали различные точки зрения по данному вопросу.

Первая группа авторов не отрицала в принципе возможности заслушивания возражения в присутствии присяжных, вынося этот вопрос на усмотрение председательствующего судьи*.

Однако приверженность судьи к данной точке зрения на практике могла породить большую проблему, на возможность возникновения которой указывал председатель Кассационной палаты Верховного суда РФ А.П. Шурыгин:

«Легко можно представить ситуацию, когда председательствующий в силу недостаточной профессиональной подготовки или по иным причинам не напомнил присяжным заседателям исследованные в суде существенные доказательства, уличающие или оправдывающие подсудимого, и удалил их в совещательную комнату.

* Григорьева Н.В. Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1. Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. С. 177.

Выслушав возражения стороны (обвинения или защиты) в связи с содержанием напутственного слова, председательствующий принял их и признал, что действительно не напомним присяжным заседателям важные доказательства, исследованные в суде. Однако присяжные заседатели, находясь в совещательной комнате, не знают об этом, и на их решение может повлиять произнесение напутственного слова председательствующим с нарушением закона. В таких случаях приговор заведомо обречен на отмену, и дорогостоящее правосудие должно начинаться вновь»*.

Сторонники вышеуказанной точки зрения считали, что такую ситуацию председательствующий, решивший принять возражения, вправе исправить, вызвав присяжных заседателей из совещательной комнаты и разъяснив им суть возражений и их обязанность учитывать заявленные стороной возражения при составлении ответов на поставленные вопросы.

Однако действующее законодательство не предусматривает право председательствующего вызывать из совещательной комнаты присяжных заседателей для разрешения каких бы то ни было вопросов. Присяжные заседатели вправе выйти из совещательной комнаты лишь по собственной инициативе (ст. 341, 344, 345 УПК РФ).

Другая группа авторов высказывала мнение, что после напутственного слова председательствующего комплектные присяжные заседатели должны обязательно удалиться в совещательную комнату. Авторы данной точки зрения опасались, что в случае предоставления сторонам права заявлять возражения в присутствии присяжных заседателей они для сохранения кассационного повода в возражениях могут сослаться на недопустимые доказательства и возражения превратить во вторые прения либо в пререкания с судьей**.

Иные, на наш взгляд, наиболее верные, позиции были высказаны И.Л. Петрухиным*** и представителями Верховного суда РФ. Так, судья Верховного суда РФ Е.П. Кудрявцева отмечала, что право участников процесса заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова пред-

* Шурыгин А.П. Рассмотрение дел с участием коллегии присяжных заседателей // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрид. лит., 1998. С. 281–282.

** Там же. С. 283.

*** Петрухин И.Л. Производство в суде с участием присяжных заседателей. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2001. С. 403.

седательствующего судьи должно реализовываться до удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату, в их присутствии, ибо возражения, а также последующие разъяснения председательствующего судьи, которые вправе получить присяжные заседатели, могут иметь значение для принятия ими решения по поставленным вопросам. Согласившись с заявленными возражениями, председательствующий может восполнить пробелы своего напутственного слова.

Таким образом, как указывала Е.П. Кудрявцева, «напутственное слово председательствующего, возражения участников процесса по напутственному слову и дополнительные разъяснения председательствующего присяжным заседателям по напутственному слову не могут быть отделены друг от друга. При наличии таких возражений они, как и объяснения председательствующего по ним, должны быть выслушаны коллегией присяжных заседателей, и только после этого присяжные заседатели вправе удалиться в совещательную комнату»*.

В соответствии с последней точкой зрения действовала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ.

Так, одним из оснований отмены оправдательного приговора в отношении Ануфриева явилось то, что в нарушение требований ст. 451 УПК РСФСР (ст. 340 УПК РФ) участникам процесса было предоставлено право заявить свои возражения на содержание напутственного слова не в присутствии присяжных заседателей, а после их удаления в совещательную комнату**.

К сожалению, новый УПК РФ не дал ясного ответа на рассматриваемый вопрос. Необходимо отметить, что проект УПК РФ по состоянию на 1 июля 1999 года содержал положение о том, как необходимо поступать в данном случае. Согласно ч. 5 ст. 386 проекта УПК РФ, «возражения сторонами (на напутственное слово. — С.Н.) высказываются в присутствии присяжных заседателей и заносятся в протокол судебного заседания. В связи с высказанными возражениями сторон председательствующий судья должен дать присяжным соответствующие разъяснения». Почему указанная норма была исключена из проекта, представленного к рассмотрению в Государственную думу во втором чтении, совершенно не понятно.

* Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрид. лит., 1998. С. 237, 280–284.

** Определение Кассационной палаты Верховного суда РФ от 12 апреля 1995 г. // Российская юстиция. 1995. № 11.

Этот пробел восполнил Пленум Верховного суда РФ, который указал в п. 34 упомянутого постановления следующее: «По смыслу ст. 340 УПК РФ возражения сторон заявляются в присутствии присяжных заседателей. В их же присутствии председательствующий излагает свое решение по заявленным сторонами возражениям».

Таким образом, редакция ч. 6 ст. 340 УПК РФ в свете вышеизложенного может пониматься только однозначно: стороны имеют право заявить возражения на напутственное слово в присутствии присяжных до их удаления в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Каким же может быть содержание возражений сторон на напутственное слово председательствующего?

Анализ возражений, наиболее часто заявляемых сторонами на напутственные слова председательствующих судей, позволяет разделить их на три группы.

1) Возражения, направленные на дополнение напутственного слова

Такие возражения, направлены на устранение неполноты напутственного слова, которая может выражаться как в не напоминании присяжным доказательств, представленных защитой, так и в неполном изложении позиции защиты, неполном разъяснении уголовного закона, относящегося к делу или процессуальных норм, которыми должны руководствоваться присяжные заседатели. Практически всегда неполнота напутствия является проявлением его необъективности, что можно отметить в возражениях.

Многие защитники в возражениях на напутственное слово не только отмечают его пробелы, но и предлагают председательствующему свой вариант их восполнения. Можно привести следующий пример таких возражений:

«Ваша честь! Господа присяжные заседатели! Полагаю, что напутственное слово председательствующего, нарушает принцип объективности, вследствие своей неполноты. Так, председательствующий, перечисляя доказательства, представленные сторонами, не отметил, что защитой было представлено заключение специалиста Сергеевой Н.И., из которого следует, что текст, составленный подзащитной, не содержит призывов к каким-либо противоправным действиям, не унижает чести и достоинства какой-либо социальной группы. Кроме того, председательствующий не напомнил присяжным заседателям важнейшего положения принципа презумпции невиновности, состоящего в том, что обвиняемый не обязан доказывать свою

невиновность, поскольку она презюмируется (предполагается) как факт, согласно Конституции РФ. Обязанность доказывать что-либо возлагается только на государственного обвинителя, который должен представить присяжным такие доказательства, которые подтверждают его позицию о виновности подсудимой. Прошу дополнить напутственное слово указанными разъяснениями».

2) Возражения, направленные на исключение отдельных фрагментов из напутственного слова

Эта группа возражений направлена на нейтрализацию нарушений, допущенных председательствующим, путем исключения определенных фрагментов из напутственного слова. Нарушениями, влекущими эту категорию возражений, являются: упоминание председательствующим в напутствии недопустимых доказательств либо доказательств, не исследованных в судебном заседании, обстоятельств, не относящихся к рассматриваемому делу, данных о личности подсудимых и т.п. Нередко такие возражения заявляются в случае выражения председательствующим своего мнения по поставленным перед присяжными вопросам, необъективных высказываний в адрес сторон. Примером таких возражений может служить следующий фрагмент выступления защитника:

«Ваша честь! Господа присяжные заседатели!

Полагаю, что произнесенное перед присяжными напутственное слово было в определенной части необъективным, кроме того, председательствующим был нарушен принцип беспристрастности. Так, в напутственном слове перед присяжными заседателями председательствующий допустил воздействие на них, заявив, что потерпевшие боятся подсудимых, поэтому некоторые из них не явились, а те, которые присутствуют, доставлены под конвоем. Такое утверждение не только не соответствует действительности, оно свидетельствует о нарушении председательствующим принципа объективности при произнесении напутственного слова. Полагаем, что это высказывание должно быть исключено из напутствия, а присяжным должны быть даны разъяснения не принимать его во внимание. Помимо этого, председательствующий, перечисляя доказательства, представленные сторонами, напомнил присяжным про протокол осмотра автомашины подсудимого (т. 5, л.д. 211–211 об.), хотя это доказательство в ходе судебного следствия по ходатайству защиты было признано недопустимым. Просим исключить это напоминание из напутственного слова и разъяснить присяжным, что они не должны принимать его во внимание при вынесении вердикта».

3) Возражения, направленные на исправление отдельных фрагментов напутственного слова

Эта категория возражений направлена на устранение таких недостатков напутствия, которые обусловлены неверной интерпретацией председательствующим фактов дела, положений закона, позиций сторон. Заявляя такие возражения, участник процесса указывает председательствующему на необходимость приведения напутственного слова в соответствие с законом или материалами дела:

«Ваша честь! Господа присяжные заседатели! Полагаю, что напутственное слово председательствующего, нарушает принцип объективности, вследствие неточного воспроизведения содержания некоторых доказательств. Так, председательствующий, перечисляя доказательства, представленные сторонами, неточно изложил содержание протокола осмотра места происшествия. Председательствующий сказал, что, в соответствии с оглашенным в судебном заседании протоколом осмотра места происшествия, окно дома было разбито. На полу лежал труп Петрова со сквозным ранением правого плеча, грудной клетки и касательным ранением левого предплечья. Между тем из протокола осмотра места происшествия следует, что было разбито не окно в жилой комнате дома, а окно в пристройке. Кроме того, у Петрова было сквозное ранение не правого, а левого плеча и касательное ранение, не левого — а правого предплечья. Прошу внести указанные изменения в напутственное слово и дать присяжным разъяснения по этому поводу».

Нередко возражения сторон на напутственное слово председательствующего судьи представляют собой комбинацию всех трех приведенных вариантов возражений.

Возражения на напутственное слово могут заявляться сторонами как в устной форме (подлежат занесению в протокол судебного заседания), так и в письменной (приобщаются к протоколу судебного заседания), но с обязательным их оглашением в судебном заседании. На практике иногда возникает вопрос: вправе ли ходатайствовать защитник об объявлении перерыва в судебном заседании для составления возражений на напутственное слово председательствующего в письменном виде? Мы полагаем, что вправе, поскольку закон, предусматривая право сторон заявить возражения на напутственное слово, возлагает обязанность на председательствующего обеспечить реализацию этого права (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), в т.ч. путем предоставления разумного времени для написания возражений на напутственное слово.

Вправе ли стороны ссылаться на недостатки напутственного слова в кассационных или надзорных жалобах, если ими своевременно не заявлялись возражения на напутствие председательствующего?

Согласно ч. 9 ст. 451 УПК РСФСР, если сторонами не были своевременно заявлены возражения на напутственное слово (то есть сразу же после напутствия судьи), они не вправе ссылаться в дальнейшем на содержание напутственного слова председательствующего как на основание для пересмотра этого дела вышестоящим судьей. Новый УПК РФ таких ограничений не содержит (п. 6 ч. 2 ст. 340 УПК РФ). В связи с тем, что нарушение председательствующим принципа объективности и беспристрастности при произнесении напутственного слова является нарушением процедуры судопроизводства, предусмотренной ст. 340 УПК РФ, и это нарушение может отрицательно повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, стороны теперь вправе указывать в кассационных жалобах (представлениях) об отмене приговора на данное нарушение как основание, предусмотренное ч. 1 ст. 381 УПК РФ. И причем независимо от того, заявляли ли они возражения непосредственно после произнесения напутственного слова в судебном заседании.

Разработчики нового уголовно-процессуального закона отмечают, что исключение из УПК РФ правила, предусматривающегося ранее ч. 9 ст. 451 и ч. 4 ст. 465 УПК РСФСР, обусловлено тем, что «...как показывает судебная практика, заявить возражения немедленно после произнесения напутственного слова, далеко не всегда представляется возможным. Требуется время для осмысления. В связи с этим, по мнению составителей УПК РФ, исключение этого положения предоставит сторонам более широкие возможности для обжалования необъективных вердиктов»*.

Однако на практике своевременному заявлению возражений на напутственное слово председательствующего по-прежнему отводится определяющая роль в оценке этого довода кассационной инстанцией.

Так, по делу Н. в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ отмечалось:

«В кассационных жалобах все осужденные просили об отмене приговора, направлении дела на новое рассмотрение, ссылаясь на то, что в судебном заседании были допущены суще-

* Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М.: П.Валент, 2003. С. 82.

ственные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на вердикт присяжных заседателей. Осужденный Назаров также указывал на то, что... напутственное слово было произнесено односторонне, с обвинительной направленностью; адвокат также просила приговор в отношении Назарова отменить, дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного слушания. По мнению адвоката... напутственное слово председательствующего носило обвинительный характер, в нем не сообщено о том, что Назаров не был опознан потерпевшей Ерофеевой...

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 4 марта 2004 г. кассационные жалобы оставила без удовлетворения, указав следующее...

После обращения к присяжным с напутственным словом председательствующий выяснил у сторон, имеются ли у них возражения, связанные с напутственным словом по мотивам нарушения председательствующим принципа объективности и беспристрастности.

Возражений от участников процесса по поводу напутственного слова не поступило.

Следовательно, необоснованны утверждения осужденного Назарова о том, что напутственное слово носило односторонний обвинительный характер»*.

Значительную проблему для оспаривания недостатков напутственного слова в кассационной (надзорной) жалобе создает существующая практика несоответствия содержания напутственного слова, произнесенного председательствующим, с текстом напутствия, имеющимся в материалах дела. Выше были приведены примеры таких расхождений. О наличии таких расхождений можно судить и по примерам судебной практики Верховного суда РФ.

Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам от 5 апреля 2005 года отмечается:

«...Защитник Антипина Т.Н. в защиту интересов Г. просит отмене приговора из-за нарушения норм УПК РФ в стадии судебного разбирательства.

Она указывает, что при произнесении напутственного слова судья без объявления о возвращении в стадию судебного разбирательства предложил присяжным заседателям ксерокопию заключения эксперта, поставил под сомнение пояснения подсу-

* Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 12. С. 21–23.

димых, чем способствовал формированию в сознании присяжных заседателей предубеждения против Г.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия оснований к их удовлетворению не усматривает...

Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, по материалам дела не установлено»*.

Очевидно, что основанием такого решения Судебной коллегии послужило отсутствие обозначенных защитником недостатков напутственного слова в его тексте, приобщенном к протоколу судебного заседания.

Нередко рассматриваемая ситуация приводит к тому, что доводы жалоб защитников о недостатках напутственного слова кассационная инстанция вообще оставляет без рассмотрения.

Так, в кассационном определении от 26 июня 2002 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ указала: «Адвокат Реуцкая М.В. в защиту осужденного Дыгая В.А., оспаривая обоснованность осуждения своего подзащитного, указывает, что судом были нарушены нормы уголовно-процессуального закона... **в напутственном слове перед присяжными заседателями председательствующий допустил воздействие на них, заявив, что потерпевшие боятся подсудимых, поэтому некоторые из них не явились, а те, которые присутствуют, доставлены под конвоем...** В совместной жалобе в интересах осужденного Дыгая В.А. адвокат Реуцкая М.К. и защитник Гоцуцев А.И., оспаривая приговор, приводят аналогичные доводы и, кроме того, указывают, что... **в напутственном слове председательствующий открыто высказался о необходимости принятия решения присяжными заседателями о виновности в части обвинения, отразив предположение отдельной части доказательств как имеющих предпочтение над другими доказательствами...**». Отменяя приговор по другим основаниям, Верховный суд РФ подчеркнул, что приведенные доводы о недостатках напутственного слова «...подлежат проверке при новом рассмотрении дела, в процессе которого суду необходимо принять меры к недопущению нарушений требований уголовно-процессуального закона, определяющего особенности разбирательства дела в суде присяжных»**.

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу № 66-005-22сп.

** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу № 41-кп002-46сп.

Курсив мой. — Ф.Н.

Именно поэтому значение замечаний защитника на напутственное слово председательствующего судьи заключается еще и в фиксации такого содержания напутствия, которое может отсутствовать в тексте, приобщенном к протоколу судебного заседания.

Анализируя недостатки напутственного слова в кассационной жалобе, защитник может прибегнуть к профессиональной помощи специалистов: психологов и лингвистов. Так, по делу Л. защитой перед лингвистами был поставлен вопрос: «В каком количественном соотношении между собой находятся в напутственном слове судьи языковые единицы с обвиняющей и оправдывающей подсудимого Л. семантикой?» Специалисты, исследовав напутственное слово председательствующего, дали следующее заключение: «С точки зрения соотношения... смысловых фрагментов противоположного содержания (обвиняющих и оправдывающих подсудимого Л.) обнаруживается заметное преобладание элементов текста с обвинительной семантикой»*. Очевидно, что такое заключение способно оказать защитнику существенную помощь в обосновании нарушения председательствующим судьей принципов объективности и беспристрастности при произнесении напутственного слова.

Заключение

Проведенное исследование приводит к следующим выводам.

1. Необходимость в произнесении перед присяжными заседателями напутственного слова, перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта обусловлена всеми существенными признаками этой формы судопроизводства. Необходимость в напутственном слове подтверждается и результатами психологических исследований.
2. Коллизия между необходимостью произнесения напутственного слова председательствующим в суде присяжных и опасностью выражения им своего мнения перед присяжными заседателями разрешается за счет закрепления в законодательстве процессуальных «механизмов», гарантирующих объективность напутственного слова.
3. К свойствам напутственного слова можно отнести его: обязательность для присяжных; оспоримость сторонами на предмет необъективности; возможность дополнения и уточнения; устную форму с обязательным письменным аналогом, приобщаемым к материалам дела. Вторую группу признаков напутственного слова образуют требования к нему: полнота; ясность для присяжных; объективность; безошибочность в разъяснениях закона и обстоятельств дела.
4. Отличительными чертами англо-американской модели напутственного слова являются: обстоятельный анализ уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм права, которыми должны руководствоваться присяжные при вынесении вердикта; детальный анализ доказательств и фактов дела; наличие у председательствующего судьи права прокомментировать доказательства и выразить свое мнение относительно фактов дела.
5. Континентальная модель напутственного слова председательствующего эволюционировала в сторону краткого разъяснения присяжным их прав, без какого бы то ни было упоминания о фактах дела и доказательств, представленных обвинителем и защитой.
6. Наряду с континентальной моделью напутственного слова председательствующего в суде присяжных во второй половине XIX в. возникает модель «смешанного» типа — российская модель напутственного слова председательствующего по Уставу уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. С фактической стороны председатель должен был исходить из данных, которые добыты судебным следствием и признаниями сто-

* Извлечение из заключения специалистов приводится в Приложении.

рон. Вместе с тем никаких иных законодательных ограничений (или, наоборот, требований), связанных с объемом фактической стороны напутственного слова в УУСП не предусматривалось. Запрет председательствующему высказывать присяжным заседателям свое мнение о деле подвергался резкой критике в процессуальной литературе и нередко не соблюдался на практике.

7. УПК РФ предусматривает три разновидности напутственного слова председательствующего судьи: напутственное слово, произносимое после передачи присяжным заседателям вопросного листа и перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта (ст. 340 УПК РФ); краткое напутственное слово, произносимое перед присяжными председательствующим после внесения изменений в вопросный лист (ч. 3 ст. 344 УПК РФ) повторное напутственное слово, произносимое председателем после возобновления судебного следствия (ч. 6 ст. 344 УПК РФ). Эти разновидности напутственного слова председательствующего судьи различаются по моменту произнесения и содержанию (объему).

8. Обоснование присяжным заседателям справедливости норм уголовного закона, в нарушении которых обвиняется подсудимый, задача не председательствующего судьи, а государственного обвинителя. Принцип состязательности исключает возложение председательствующим на себя функции поддержания обвинения, даже в такой ее части как обоснование справедливости уголовного закона.

9. Разъяснение председательствующим присяжным заседателям норм закона с одновременным приведением (в качестве иллюстрации) обстоятельств фактической стороны обвинения по рассматриваемому делу представляется более эффективным, поскольку наглядно показывает присяжным заседателям: как абстрактные юридические понятия связываются с фактической стороной обвинения по делу.

10. По смыслу закона «напоминание» доказательств — это не воспроизведение перед присяжными всего содержания каждого из исследованных фактических данных, а краткое изложение содержания ряда доказательств.

Пределы напоминания присяжным того или иного доказательства устанавливаются самим судьей, исходя из значимости доказательства для разрешения дела. Важно, чтобы председательствующий подчеркнул в напутствии субъективный характер пределов напоминания доказательств и ориентировал

присяжных на обязательный учет других аспектов содержания доказательств, даже не озвученных в напутственном слове.

11. Положение ч. 3 ст. 340 УПК РФ позволяет сделать вывод, что сначала должны напоминаться доказательства «уличающие» подсудимого, а затем оправдывающие. Именно такую последовательность напоминания доказательств диктует логика состязательного судопроизводства.

12. Напоминая коллегии присяжных заседателей исследованные в суде доказательства, председательствующий не вправе оценивать их, так как это является исключительной компетенцией коллегии присяжных заседателей, которые самостоятельно, по внутреннему убеждению оценивают все представленные сторонами доказательства.

13. Краткое и неконкретное изложение позиций сторон не дает возможности присяжным заседателям осознать конфликт между обвинением и защитой, который они должны разрешить своим вердиктом. На фоне такого разъяснения присяжные заседатели могут неправильно понять предыдущую часть напутствия, посвященную напоминанию доказательств, и дальнейшую часть напутственного слова председательствующего, в которой будут излагаться правила оценки доказательств.

14. Необходимо различать случаи искажения сторонами содержания доказательств и обстоятельств дела и случаи их интерпретации, обусловленной позицией по делу. Во второй ситуации, на наш взгляд, никакая «корректировка позиции» в напутственном слове председательствующего недопустима, ведь каждая из сторон толкует доказательства и факты дела, исходя из собственной позиции, и нередко это толкование кардинально различается. Другая ситуация возникает в том случае, если сторонами были допущены ошибки (правовые, фактологические и т.п.), не обусловленные позицией по делу. В этом случае председательствующий может откорректировать эти ошибки, обратив на них внимание присяжных в напутствии. Форма такой корректировки должна быть этичной и не выражать собственного мнения председательствующего.

15. Самый существенный недостаток разъяснения присяжным заседателям правил оценки доказательств состоит в том, что иногда присяжным навязывается роль «искателей истины» по делу («сомнения могут возникать только ради установления истины»), что противоречит самой идее состязательного правосудия в суде присяжных. Если присяжные будут рассматривать себя как искателей истины, это существеннейшим образом ска-

жется на их вердикте, который в такой ситуации, скорее всего, не будет оправдательным.

16. Редакция ч. 6 ст. 340 УПК РФ может пониматься только однозначно: стороны имеют право заявить возражения на напутственное слово в присутствии присяжных до их удаления в совещательную комнату для вынесения вердикта.

17. Мы полагаем, что защитник вправе ходатайствовать об объявлении перерыва в судебном заседании для составления письменных возражений на напутственное слово, поскольку закон, предусматривая право сторон заявить возражения на напутственное слово, возлагает обязанность на председательствующего обеспечить реализацию этого права (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), в т.ч. путем предоставления разумного времени для написания возражений на напутственное слово.

18. Поскольку нарушение председательствующим принципа объективности и беспристрастности при произнесении напутственного слова является нарушением процедуры судопроизводства, предусмотренной ст. 340 УПК РФ, и это нарушение может отрицательно повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, стороны теперь вправе указывать в кассационных жалобах (представлениях) об отмене приговора на данное нарушение как на кассационное основание, независимо от того, заявляли ли они возражения непосредственно после произнесения напутственного слова в судебном заседании.

Приложение

1. Напутственное слово Ф.А. Болдырева по делу М. Бейлиса*

Господа присяжные заседатели!

Подсудимый Бейлис обвиняется в насильственном лишении жизни Андруши Ющинского по сговору и соглашению с другими лицами, причем это лишение жизни сопровождалось мучительным и продолжительным страданием мальчика.

Это преступление по определению нашего уложения считается одним из самых важных посягательств на телесную неприкосновенность другого лица. Для вас конечно ясно, что отнять жизнь у другого, да еще предумышленно, есть такое преступление, которое, несомненно, является важнейшим в тех правонарушениях, которое может проявить одно лицо по отношению к другому. Таким образом, для наличности этого преступления нужно, чтобы был сговор, т.е. предварительное соглашение подсудимого с несколькими другими лицами, принимавшими то или другое участие в совершении этого преступления, и чтобы этот сговор был именно направлен к лишению жизни человека. Следовательно, нужно было, чтобы эти лица сначала согласились между собой убить такого-то человека, из тех или иных побуждений, обдумали план своих действий и до известной степени надумали время и место. Хотя, собственно говоря, эти два последних признака являются приводящими и сговор, как понятие определенное, решающее, может сюда и не входить. Затем другой признак, и это очень существенно, что в план убийц входило намерение принести мучительные и продолжительные страдания своей жертве. Может быть, вам или некоторым из вас может показаться странным, почему в то время, когда экспертами и сторонами говорилось, что это убийство должно быть совершено несколькими лицами, на скамье подсудимых сидит только один Бейлис. Должен вам сказать, что это не может вызывать каких-либо сомнений в смысле решения дела судом, и вот почему.

* Данное напутственное слово приводится как образец «осторожно продуманной обвинительной речи» (В.Д. Набоков) председательствующего судьи. Дело рассматривалось Киевским окружным судом. 28 октября 1913 г. присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт подсудимому. Фрагменты напутствия, явно свидетельствующие о необъективности председательствующего, выделены мной курсивом. Напутственное слово приводится по: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 3. Прения сторон. Речи прокурора, гражданских истцов, защитников и резюме председателя. Киев, 1913.

Прежде чем дело переходит на суд, оно расследуется следственной властью, оно проходит через руки прокурорского надзора, прокурорский надзор рассматривает все это дело, причем как следственная власть, так и власть прокурорского надзора передает суду только то лицо, против которого собраны достаточно веские улики, которые, с точки зрения прокурорского надзора, считаются настолько достоверными и настолько достаточными, чтобы поставить на суд. Поэтому, раз совершается преступление не одним лицом, может случиться так, что в отношении одного определенного лица судебный следователь и прокурорский надзор, а затем и судебная палата, которая утверждает обвинительный акт, признают, что это лицо в достаточной степени изобличается для того, чтобы придать его суду присяжных заседателей, в отношении же других лиц есть указания, но эти указания представляются не настолько достоверными, не настолько достаточными, чтобы привлечь их и поставить на ваш суд. Вот почему бывают случаи, что при преступлении, совершенном несколькими лицами, все-таки на скамье подсудимых является одно лицо. Но это, я говорю, не исключает все-таки обязанности судей рассмотреть внимательно те улики, которые предстали перед их глазами и которые прошли в судебных заседаниях, и на основании этих улик так или иначе разрешить это дело. Вам здесь во время судебного следствия и в своих прениях стороны указывали еще и на других лиц, подозреваемых в том или ином соучастии в преступлении. Мы их не судим, и я вам советую не останавливаться на обсуждении их виновности в том или ином смысле, этого вы можете касаться только постольку, поскольку это необходимо для освещения и обсуждения тех улик, которые представлены в отношении Бейлиса и в отношении его виновности. Если же вы будете обсуждать детально действия тех лиц, которые не привлечены здесь, то это, конечно, задаст вам как судьям лишнюю обременительную работу и только отвлечет от прямой священной обязанности решить то, что представлено вашему суду в отношении Бейлиса.

Наказание за это преступление — предумышленное убийство закон налагает строгое. Наказание колеблется в таких пределах: каторга без срока — это высшее наказание, которое может быть назначено, и самое низшее наказание — 10 лет каторги. Вот в этих пределах колеблется ответственность. Но вы сами понимаете, что за такое важное серьезное преступление, как убийство с заранее обдуманным намерением, наказание должно быть

строгое. Ни закон, ни общество не могут отнестись мягко к такому человеку, к такому подсудимому, раз его вина представляется доказанной.

Переходя затем к указанию вам фактического материала, к обсуждению этого материала, я должен сказать следующее: материал этот очень велик. Он прошел перед вами, вы очень внимательно вслушивались и очень зорко следили за всем, но все-таки закон ввиду такого большого количества материала и вообще на меня как на председателя возлагает обязанность сделать вам указание по поводу этого фактического материала, о тех местах, на которые нужно обратить внимание. Эти указания мои по закону не считаются для вас обязательными. Закон вам верит, как судьям общественной совести, и требует от вас разрешения дела только по внутреннему убеждению, по вашей совести, взвесив все обстоятельства дела, которые прошли перед вами.

Переходя к этим указаниям, которые я считаю нужным сделать вам, я должен вам разъяснить редакцию вопросов, потому что она до известной степени необычна, она не в той форме предлагается, как всегда: обыкновенно предлагается на разрешение только один вопрос — о виновности, здесь же предлагается вам два вопроса — о доказанности события преступления и затем о виновности. Происходит это вследствие того, что по этому делу предъявлены... гражданские иски **и гражданским истцам важно, чтобы вы признали событие преступления, помимо обсуждения виновности, потому что это дает им известные права в смысле предъявления гражданских исков.** Вот почему закон при наличии такого ходатайства со стороны гражданских истцов обязывает выделить этот вопрос о доказанности преступления в отдельный вопрос.

Поэтому первый вопрос спрашивает вас: доказано ли, что 12 марта 1911 г. в Киеве, на Лукьяновке, в помещении кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице, находящейся в заведовании Марка Ионовича Зайцева, 13-летнему мальчику причинены были такие-то повреждения, причем описывается внешняя сторона повреждений, способ причинения повреждений, а также последовательность их, все в том виде, в каком прошла перед вами экспертиза. В этом вопросе не указано, кто виноват, а спрашивается только, совершилось ли такое-то преступление? Доказано ли, что оно совершилось и доказано ли, что оно совершилось на заводе Зайцева? Таким образом, разрешая этот вопрос, вы виновности не касаетесь, а только обсуждаете внешние факты.

Затем, разрешив этот вопрос, вы перейдете к решению вопроса о виновности. Вот здесь имеются указания на то, что вас спрашивают, доказано ли, что это преступление было совершено в помещении, принадлежащем хирургической больнице, находящейся в заведовании Марка Ионовича Зайцева, т.е. в заводе, принадлежащем хирургической больнице. Собственно говоря, это обстоятельство вам представляется несомненно нужным обсудить, потому что только тогда, когда вы придете к убеждению, что действительно — да, доказано, но не на кирпичном заводе, вы ответите: да, доказано. Если же вы признаете, что это представляется доказанным или сомнительным, тогда эти признаки вы отбросите, т.е. скажете: да, доказано, но не на кирпичном заводе, принадлежащем хирургической больнице, находящейся в заведовании Марка Ионовича Зайцева.

Остановившая ваше внимание на обсуждении события преступления, я укажу вам, каким путем, по моему мнению, было бы планомернее и целесообразнее идти... при обсуждении этого события преступления. Здесь мне представлялось бы для вас весьма важным обсудить все те версии, которые здесь проходили перед вами. Дело, как вы сами знаете, особенное, в нем есть масса, как говорили стороны, наносного материала, и вам как судьям прежде всего надо разобраться в этом наносном материале, обсудить его в том смысле, имеются ли в нем указания на то, что теми лицами, на которых ссылались, могло быть совершено преступление, или этими лицами не могло быть совершено преступление, и тогда, как судьи, вы отбросите этот материал и перейдете к дальнейшему обсуждению дела.

Для того чтобы обсуждать этот материал, мне представляется, вам необходимо будет, прежде всего, установить самим, где было совершено это убийство. Некоторые говорили... что убийство могло быть совершено в Приднепровской слободке, некоторые говорили, что на Лукьяновке. Вам придется поискать в фактических обстоятельствах дела такие данные, которые, несомненно, должны будут вас, как судей, привести к выводам, где именно совершено было это преступление. В этом отношении вам придется вспомнить, что 13-летний мальчик Андрей Ющинский 12 марта, как показывают свидетели Пушка, сестра и брат, ушел из Приднепровской слободки и отправился, видимо, в училище, где учился, так как имел при себе в ремешках книги. Но в училище, как вы слышали здесь от свидетеля Богданова, смотрителя училища, он не пришел. Затем вы слышали показания свидетелей Шаховских, показания свидетеля Голубева.

Главным образом, вам придется остановиться на показаниях свидетелей Шаховских. Они удостоверяют, что около 8 часов утра 12 марта — а это представляется точно установленным, если вы вспомните показания Балашова, того свидетеля, у которого служит фонарщиком Шаховской, который нам удостоверил, что именно 12 марта утром Шаховской занял у Балашова рубль — Шаховская пошла из своей квартиры в лавочку и увидела Андриюшу вместе с Женей Чеберяком, затем она повернула домой и тут опять встретила их, затем вышел Шаховской около 8 часов утра, как он нам это точно удостоверяет, так как была открыта винная лавка, и вот этот Шаховской, проходя по Верхне-Юрковской улице и направляясь ловить щеглов, видел тут Андриюшу и Женю и еще какого-то третьего мальчика, стоящего на дороге. Шаховской затем ушел и больше Андриюшу не видел, а 20-го марта был найден труп Андриюши. Вспомните здесь показания Шаховского, что через 2-3 дня после этого он, встретив Женю, спросил — что же, удалось погулять, на что Женя ответил, что на заводе погулять не удалось, потому что их прогнал... мужчина с черной бородой. Вот вы взвесите эти обстоятельства и взвесите то очень существенное показание матери покойного, что сын ее, уходя в училище, ел постный борщ с картофелем и бураками, а при вскрытии трупа Ющинского, у него в желудке была найдена еще не вполне переваренная кашка, в которой находились остатки бураков и картофеля, причем врачи-эксперты высказывали вам мнение, что, судя по состоянию этой пищевой кашицы, со времени еды прошло около 4 часов. Если вы вспомните, что, как показывает профессор Косоротов, самое убийство в течение минут 15 минимум, если вы вспомните, что было около 8 часов, как говорит Шаховской, то в данном случае вы можете почти точно установить, когда именно покойный был убит.

В этом отношении вам детально разработал этот вопрос поверенный гражданского истца, если вы придете к тому же выводу, что это убийство могло быть совершено в 9 часов утра, или сейчас же после 9 часов, то вы остановитесь на том вопросе: где же это убийство могло быть совершено и могло ли быть совершено где-нибудь вне Лукьяновки. Вы вспомните, что Андриюша очень аккуратный, он посещал, как говорили учителя, очень исправно училище, но, тем не менее, встреча Шаховского с Андриюшей указывает на то, что в этот день Андриюша, видимо, решил не пойти в училище, и вот по чему это можно заключить. Это было время после 8 часов, а, как вы слышали, здесь урок

начинается в половине 9 утра, расстояние от Лукьяновки до Софийского училища вы знаете и, следовательно, в данном случае сообразите, что попасть на урок после встречи с Шаховским Андриюше не представлялось возможности, затем и швейцар Софийского училища Колевский говорил здесь, что не бывало случая, чтобы ученики приходили на второй урок, если они не приходили, то не приходили совсем, но не бывало случаев, чтобы на первый урок ученик не приходил, а приходил на второй; **если вы все это взвесите и обсудите, то тогда вы по этим основаниям можете прийти к тому выводу, что убийство было совершено на Лукьяновке.**

Конечно, для такого вывода вам важно остановиться и обсудить достоверность показания свидетеля Шаховских, в особенности Шаховского. Вы видели этого свидетеля. Он был несколько раз допрошен на предварительном следствии, 6 или 7 раз, но в течение этих допросов он только раз сказал, что Женя ему сказал, что их прогнали, но не указывал на мужчину с черной бородой. На 3-м допросе он указал судебному следователю, что Женя ему рассказывал, что с завода их прогнал мужчина с черной бородой. Шаховской все время стоял на этом, причем иногда добавлял, что этот мужчина был Мендель Бейлис. Затем он от этого отказался, но и здесь под присягой он вам категорически удостоверил то обстоятельство, что мальчиков прогнали с завода Зайцева, что мужчина, прогнавший их, был с черной бородой. Вот если вы этому свидетелю поверите, если его показания признаете достоверным, если взвесите все обстоятельства, сопровождавшие его показания, то, несомненно, показания этого свидетеля в данном случае, как ценные по делу, вы примете к сведению. Конечно, часто свидетель может говорить неправду, утаивать те или другие обстоятельства, и суду приходится разобраться в этом, потому что суд может брать для обсуждения и для обоснования своих выводов только показания того свидетеля, проверив которого, вы придете к безусловному заключению, что это показание в смысле справедливости бесспорное и верное. **Здесь Шаховской производил впечатление какого-то забитого человека, стеснявшегося, волновавшегося, но вы примите во внимание остановку, при которой приходилось ему показывать,** затем, кроме того, примите во внимание те указания, которые он делал вам здесь, когда давал свои показания. Вспомните все, что он здесь говорил, вспомните, что он рассказывал нам, что его перед тем побили, и это заявление не является голословным, а если вы возьмете показания Голубева и

Позднякова о том... что побили Шаховского, то, конечно, **вы вправе, если признаете эти показания Голубева и Позднякова достоверными, прийти к тому выводу, что, если Шаховской и волновался, когда давал вам показания, то это волнение имело у него свои основания.**

Если вы установите с несомненностью, что убийство было совершено на Лукьяновке, совершено именно в то время, как говорил поверенный гражданского истца, детально разбирая это, и на чем я не буду уже останавливаться — то есть после 9 часов или в девять с половиной, то вы, конечно, отбросите все версии о том, что это убийство могло быть на Приднепровской слободке. Но вам, как судьям, придется все-таки и на этих версиях остановиться, придется остановиться, я думаю, так, слегка, потому что на этих версиях и защита в настоящее время уже не настаивает, она признает доказанным, что эти версии не выдерживают до известной степени никакого разумного основания, они детально были разобраны прокурором и поверенным гражданского истца.

Но, останавливаясь на этих версиях, вы все-таки остановитесь и на том вопросе, который здесь много раз возбуждался — это вопрос о деятельности чинов сыскной полиции и других полицейских лиц, в том смысле, что, как говорили прокурор и поверенный гражданского истца, эти лица все как бы искусственно оттягивали место преступления на Приднепровскую слободку и указывали лиц, которые являются как бы подозреваемыми, тоже на Приднепровской слободке. Таким образом, они как бы затемняли дело, заматали следы. На этом вы остановитесь и обдумаете все эти положения. Они вам с разных сторон освещались, освещались и прокурором очень детально, освещались и поверенными гражданского истца в очень талантливых речах, освещались и защитой в довольно талантливых речах, и здесь вам придется заняться только вопросом и подумать над ним — что деятельность этих должностных лиц, этих частных следователей, которые принимали участие, чем она вызывалась в смысле побуждений. Было ли это, так сказать, известное недоумение у должностных лиц, заведующих сыском, известного рода неприготовленность к сыску, известного рода близорукость, непонимание, произвольное непонимание того, что они делают и ищут там, где не нужно, или же это были преднамеренные, составительные действия, с тем чтобы затемнить дело, с тем чтобы придать ему совершенно другую окраску, чтобы оттянуть те улики, которые имелись на Лукьяновке, оттянуть

время и загладить следы. Конечно, если вы признаете, что здесь было недоумение, если вы признаете, что здесь была неспособность, неумение вести сыск теми лицами, которые стояли во главе, как Мишук, Красовский, то этот факт, конечно очень печальный, но такой факт является безразличным для дела. **Но если вы признаете и согласитесь с теми доводами, который вам приводил прокурор, которые приводили поверенные гражданского истца, что здесь были сознательные, умышленные действия со стороны должностных лиц, то вы должны задуматься над этим положением, над тем, что эти лица, действуя так сознательно, затемняя следы и прибегая даже к подлогу, как, например, Мишук, действовали ли они за свой страх и по своей инициативе или здесь было своего рода воздействие, со стороны ли Бейлиса, со стороны ли его сообщников, или вообще лиц заинтересованных, с ведома их и из желания затемнить дело, оттянуть его туда, подальше, и таким образом изгладить следы.** Это все вы обсудите и, конечно, по внутреннему голосу совести, на основании того всего, что прошло, вы разрешите так или иначе этот вопрос. Если вы разрешите этот вопрос отрицательно, то это в смысле обсуждения вопроса о виновности Бейлиса никакого решительного значения иметь не может. Но если вы разрешите этот вопрос положительно, причем признаете, что в данном случае эти умышленные действия со стороны должностных лиц были с ведома и согласия или, по крайней мере, с ведома Бейлиса и его сообщников, то ясно тогда, что вам придется с этим считаться при обсуждении вопроса виновности Бейлиса.

Затем вы перейдете к обсуждению версии, выдвинутой Бразулем-Брушковским, опять-таки и на этой версии вам едва ли нужно долго останавливаться, и вот почему. Вы сами помните из показаний свидетеля Бразуля-Брушковского... что, видимо, Бразуль-Брушковский, подавая это заявление, сам ему не верил, или, по крайней мере, скоро разуверился в нем. Поэтому, вы должны иметь в виду это, Бразуль-Брушковский прямо заявил, что подавал это заявление в виде известного тактического приема, чтобы вызвать неудовольствие среди воровской шайки и, воспользовавшись этим, выяснить настоящее дело. Кроме того, если вы вспомните лиц, на которых там указывается — Мифле, Приходько, Назаренко, Нежинского, то все из них, например, Нежинский, уже обследовался чинами полиции, и было доказано, что он в данном деле не принимал никакого участия. Мифле — слепой, а относительно Назаренко вам представил удостове-

ние прокурор, что Назаренко в то время содержался под стражей. И эти лица были набраны из разных концов, у них не было никакой главной цели, которая бы их соединяла, — единства побуждений. А ясно, что если несколькими лицами совершается известное преступное деяние, то важно установить, что у них был единый двигатель, без этого преступления совершаются только в редких исключительных случаях. Затем, я думаю, ввиду того, что и защита на этой версии не настаивает, **эта версия не отнимет у вас много времени при обсуждении, и вы ее отклоните**, и тогда у вас останется, собственно говоря, версия относительно убийства в квартире Веры Чеберяковой. И здесь у вас первый вопрос — совершено ли убийство на заводе, и затем вам придется обсуждать в смысле, так сказать, обстоятельств, которые исключают возможность убийства на заводе — эту версию об убийстве в квартире Веры Чеберяковой. Здесь господа присяжные заседатели, вы должны обратить внимание, что, собственно говоря, ставится несколько своеобразный вопрос. Прокурор ставит так, что убийство не могло быть совершено в квартире Веры Чеберяковой, оно должно было быть совершено на заводе Зайцева. То же самое здесь доказывали вам и гражданские истцы, защита же, наоборот, вам доказывала, что убийство на заводе Зайцева не могло быть совершено. А могло быть совершено только на квартире у Веры Чеберяковой. Так что ставятся известного рода рамки — или там, или там. Но для судьи, хотя бы на это указывала и защита и прокурор — этого мало. Судья во всяком же случае должен пойти дальше. Он должен обсудить, а не могло ли быть убийство совершено еще в другом месте. Эти рамки, если вы обратили внимание, они ставились всеми: и частными расследователями, и чинами полиции. Когда они убедились, что все такие предположения о том, что убийство совершено на Лукьяновке, немислимы, недопустимы, что это воздушный замок, который совершенно рухнул, то они ставят так: или в квартире Веры Чеберяковой, или на заводе Зайцева. Но я вам говорю — для того, чтобы быть совершенно объективным, нужно обсудить, не могло ли это быть совершено еще в другом месте, и нужно задаться вопросом — почему это ставится такое ограничение, что именно в этих двух местах — или там, или там.

В данном случае, господа присяжные заседатели, для разрешения этого вопроса вам придется... обратиться к личности покойного Андрюши Ющинского, ко времени, когда было совершено убийство, а затем и к тому внешнему виду убийства само-

го, к той особенности убийства, к тому особому зверству, особому раздражению — если это было убийство из-за мести — которые проявились на трупе, к той картине, которую представлял труп. В самом деле, вы слышали, что Андрюша Ющинский был бедный мальчик, что этот мальчик был тихий, хороший, что все, которые встречались с ним, относились к нему очень хорошо, и не в каких проделках учебное начальство его не замечало.

Тут прошла масса категорий лиц и все подтвердили, что это был очень хороший мальчик и ни в каких, даже очень мелких, кражах он не замечался. Затем по тем обстоятельствам, которые прошли перед вами, главным образом, в экспертизе, почти точно доказывается, что это убийство было совершено днем, на Лукьяновке. Вот вы все это взвесите. Кто же мог совершить убийство: тот ли, к кому приходил Андрюша, или на заводе Зайцева, ввиду того предположения, которое строил прокурор и гражданские истцы. Но там, на Лукьяновке, Андрюша у кого бывал, кроме Чеберяковой? Ни у кого не бывал. Там были еще Майстренки с мальчиками, с которыми он дружил. Но, как вы слышали, Майстренки переехали, и в данном случае, ввиду того, что Женя Чеберяк встретился с Андрюшей, в данном случае ввиду показаний Шаховского, что он его видел после 8 часов, в начале 9, до половины 9, затем далее, ввиду того рассказа, о котором говорил Шаховской, слышавший от Жени Чеберяка, что после этого мальчики пошли на завод и что там их прогнал какой-то мужчина с черной бородой — в данном случае надо было употребить известный промежуток времени, для того чтобы пройти на завод, чтобы, когда его прогоняли, убежать или остаться там. Вам ясно должна представиться картина, что — или в квартире Чеберяковой, куда он мог зайти после этого, или на заводе Зайцева, где он мог остаться.

Если вы обдумаете все эти положения, принявши за внимание фигуру самого мальчика, принявши во внимание то особое зверство, с которым преступление было совершено, принявши во внимание то, что здесь эксперты категорически отвергли, что это убийство было совершено сумасшедшим или вообще человеком больным, то вы сами увидите, что такого рода построение прокурора и гражданских истцов, а затем и возражение защиты в этом направлении, что или убийство совершено на квартире Чеберяковой, или на заводе, оно имеет известное основание, но, во всяком случае, вам, как судьям, нужно над этим задуматься.

Если вы придете по фактическому материалу к такому соображению, что убийство могло быть совершено еще в другом

месте, то вы должны это строго взвесить, строго над этим подумать — тогда это обстоятельство будет иметь огромное значение для разрешения того вопроса, где совершено убийство. Раз вы еще предположите — где-нибудь, то, несомненно, такие факты, казалось бы установленные, могут рушиться.

Затем вы перейдите к обсуждению вопроса о том, могло ли это убийство быть совершено на квартире Чеберяковой? По этому поводу перед вами этот вопрос был детально разработан и прокурором, и поверенными гражданского истца, был он разработан детально и защитой. Вы все это взвесите, все обдумайте и придите к одному или другому выводу. В данном случае все будет зависеть от внутреннего убеждения вашей совести, но я должен все-таки вам указать на такие обстоятельства, на которые, по моему мнению, при разрешении этого вопроса должно быть обращено внимание.

Если прямо предполагать, что преступление могло быть совершено на квартире Чеберяковой, то какая побудительная причина была для совершения преступления, какой мотив преступления? Вы сами хорошо понимаете, что для того, чтобы сделать какое-нибудь преступное дело, нужно было, чтобы у человека была какая-нибудь побудительная причина, нужно было, чтобы была внутренняя сила, которая двигает человека на преступное дело, чтобы была действительно сила, которая бы затемнила его разум, затемнила его совесть, чтобы человек решился преступить предписание, веление закона, закона такого, который не только гражданским законом предусматривается, но и законами Божескими, — совершить убийство. Вам здесь выдвигался мотив мести со стороны воровской шайки. Вот вы и обсудите, поскольку этот мотив может быть принят в первое доказательство, а затем соответствует ли этот мотив картине преступления, которое было совершено. Конечно, господа присяжные заседатели, вы ни Сингаевского, ни Рудзинского, ни Чеберякову не судите. **Конечно, здесь такого бесспорного доказательства, что этот мотив существовал, нельзя требовать, но во всяком случае, для того чтобы судья поставил себе или составил себе известное убеждение или предположение, что этот мотив мог быть выдвинут преступниками, нужно, чтобы у судьи сложился такой взгляд: да, это могло быть, да, этот мотив мог существовать, он и мог охватить всех этих лиц и мог довести их до такого ужасного преступления.** Вам выставлялся, таким образом, мотив мести, мотив, который вызвал со стороны лиц, на которых вам указывали, сильное раздражение, и в состоянии

этого сильного раздражения они так расправились с Андрюшей. И вы задайтесь вопросом: какие же основания были у лиц, на которых вам указывали, прийти к выводу, что месть, это раздраженное состояние могло появиться у Сингаевского, Рудзинского, Чеберяковой и Латышева. Здесь говорилось, что могло явиться предположение, лишь предположение, у Рудзинского, Сингаевского и Чеберяковой, что мальчик Андрюша выдал шайку, провалил «малину», и как на фактическое обстоятельство, подтверждающее этот довод, указывалось на то, что 4 марта были арестованы 4 лица, бывавших в квартире Чеберяковой, — это Лисунов, Михалькевич, Масяк и Мандзелевский и затем, 10 марта, был произведен обыск у Чеберяковой, и все это вместе давало этим лицам, Сингаевскому и Рудзинскому, основание предполагать, что их выдал Андрюша Ющинский. Вот вам на этом обстоятельстве, выставленном со стороны фактического следствия, придется остановиться, посмотреть, поискать фактических обстоятельств дела, насколько это все подтверждается фактическими обстоятельствами дела, поскольку это подтверждается и обстановкой, и тем соотношением, которое было между Андрюшей Ющинским, с одной стороны, и этой воровской компанией — с другой. Вы слышали, что Андрюша еще в мае 1910 года переехал с Лукьяновки в Приднепровскую слободку и, собственно говоря, показывался на Лукьяновке редко. Видимо, он очень дружил с Женей, и Женя его привлекал туда, и вот он тогда сюда приходил. Приходил он, видимо, обыкновенно днем, потому что, по показаниям матери и бабушки, Андрюша по вечерам никогда не отлучался из дому и всегда ночевал дома. **Затем вы вздумайте в то, не мог ли этот мальчик иметь сношение с этой воровской шайкой в то время, когда он редко посещал Лукьяновку, так как, если принять во внимание, что эти посещения были редки, что они были случайны, возможно ли допустить, что во время этих редких случайных посещений, он, так сказать, встречался с этими членами шайки и имел с ними какую-нибудь общение и мог ли он играть там какую-нибудь, даже ничтожную, роль в смысле участия в деятельности этой шайки.** Здесь Красовский указывал вам, что... члены этой шайки хотели воспользоваться Андрюшей для того, чтобы совершить кражу в Софийском соборе. Но, как вы слышали из показаний других свидетелей, это были какие-то неопределенные сведения, какие-то неопределенные слухи, ни на чем не основанные. Да я думаю, что и сама защита на этих неопределенных слухах не настаивает, и она выбросила их как ненужный балласт. Вам очень го-

рячо говорил по этому поводу прокурор и на этом я останавливать вашего внимания не буду. Значит, таких соотношений, такой связи, какая часто бывает у мальчиков, которые для известных посылок, для известных поручений служат у воров, у Андриюши Ющинского не было и не могло быть. Здесь говорилось о прутиках, и из этих прутиков делали вывод, что мальчик мог во время ссоры с Женей сказать, что там он видел, как принесли краденое к его матери, и что, таким образом, Женя мог побежать к матери и сказать об этом, и это ставилось в связь с теми данными, от которых говорилось, именно что Андриюша выдал властям этих арестованных лиц. Господа присяжные заседатели, вы обратитесь к обсуждению этих прутиков, но вместе с тем вы прежде взвесьте и в то положение, что воры бывали у Чеберяковых, что у них сбывались краденые вещи, что об этом знал не один Андриюша, об этом знали и Дьяконовы, и Малицкая, и Равич. Так что, собственно говоря, воры эти, а главным образом Чеберяковы, предлагавшие покупать краденое, они этого не скрывали. Это не то что была какая-то конспиративная квартира, опутанная тайной, где, собственно говоря, то, что делалось, никому не было известно. Это не было такое место, куда случайно проник Андриюша, увидел и рассказал, и поэтому на него могло пасть такое подозрение. Это было не такое место, куда никто из посторонних не проникал. Вы вспомните, как разделалась Чеберякова с Малицкой после того, как у нее был второй обыск, когда она заподозрила Малицкую, что она сделала — она ее оскорбила действием. Так что вот такое предположение, что воры могли думать, что Андриюша выдал, — вы задумайтесь, могло ли оно вызвать такую месть, с одной стороны, а с другой стороны, могли ли они допустить Андриюшу Ющинского, только одного Андриюшу как исключительное лицо, которое могло выдать этих Рудзинского, Сингаевского и Чеберякову? Если, конечно, вы допустите, что только один Андриюша мог выдать и знать, тогда, конечно, и такая месть могла появиться, тогда, конечно, у судьи это будет очень важным аргументом. Но если вы все это отвергнете, **если вы вспомните, что самый рассказ о прутиках является крайне проблематичным, крайне неустановленным, рассказ, который, собственно говоря, дальше неизвестно откуда исходящих слухов и молвы не является ничем**, потому что вы помните, когда мы стали разбираться, мы дошли только до пьяной женщины, которая рассказала это Репецкой, но кто была эта женщина, это не установлено, причем эта женщина говорила, что Андрию-

ша был вечером дома и ночевал, что не соответствует фактическим обстоятельствам дела, то я думаю, если вы все это обсудите, вы остановитесь на том: можно ли эти прутики связать с тем чувством мести, которое могло появиться у Рудзинского и Сингаевского, или эти прутики связывать с этим невозможно?

Но у вас есть показания Екатерины Дьяконовой, которая тоже до известной степени освещает этот инцидент с прутиками. Вы и на нем остановитесь. Если вы признаете, что это показания в данном случае является достоверным, что ее рассказ действительно подтверждается материалами дела, то, конечно, этот рассказ о прутиках, который, собственно говоря, едва ли имеет установленное точное начало, откуда он происходит, — он все-таки вами должен быть принят во внимание. Но что нам говорила Дьяконова? Она здесь говорила, что около 12 часов... она была 11 марта в квартире Чеберяковых, и в то время туда пришел Андриюша — «домовой», как все называли его на Лукьяновке, он там известен был под этим прозвищем «домовой», и этого Андриюшу-«домового» Екатерина в первый раз увидела, когда они с Женей собирались идти на Загоровщину. Екатерина Дьяконова попросила Женю вырезать ей прутик. **Вы это показание Дьяконовой проверьте показаниями других и фактическими обстоятельствами дела, которые установлены, сопоставьте их с этими показаниями, и, во всяком случае, если вы признаете, что эти фактических обстоятельства не соответствуют показаниям Екатерины Дьяконовой... то вы тогда в этой части отвергните показания Дьяконовой.** Если же вы придете к другому выводу, то в связи с ним вы можете это принять.

По делу было показания свидетеля Пушки. Он нам говорил, что, как он слышал, 11 марта Андриюша был в школе и в 12 часов после окончания уроков, направился по Владимирской улице по направлению к городскому театру. Затем вы вспомните показания свидетельницы Натальи Ющинской, покойной, и затем бабушки Олимпиады Ющинской. Вы вспомните показания Натальи Ющинской, она говорит, что накануне, 10 марта, когда Андриюша шел в школу, она ему дала 25 копеек и просила после окончания уроков зайти на Бессарабку и там купить кнопок в магазине и принести их, так как кнопки эти ей нужны были для работы. По показаниям той же Натальи Ющинской, около 3 часов (но предположим даже, что часов у Ющинской не было), значит засветло, мальчик пришел к Наталье и принес кнопки, затем, по показаниям Александры Приходько, он еще раз по-

обедал дома. Когда Наталья спросила Андрюшу: отчего ты опоздал? — то он сказал, что он заигрался с мальчиками. Вот вы и сопоставьте это с показаниями Екатерины Дьяконовой и обдумайте: мог ли 11 марта Андрюша быть на Лукьяновке, как говорит Дьяконова (вам расстояние, как местным жителям, хорошо известно). Имейте в виду, что здесь допускалось предположение, что он мог поехать на извозчике. Но, как вы помните, Наталья Ющинская сказала, что дала ему 25 копеек, значит, если он за кнопки заплатил известную сумму, то осталось ли у него столько денег, чтобы поехать на извозчике до Лукьяновки и возвратиться обратно в слободку, успевши все это сделать к тому времени, которое Наталья Ющинская и Александра Приходько определяют. Если вы признаете, что 11 марта он не мог это сделать, то по этому показанию Екатерины Дьяконовой являются едва ли достоверным. Когда вы вспомните, что в течение марта Ющинского не было на Лукьяновке — у нас есть журнал Софийского училища, надзиратель нам по журналу удостоверил, — что только в конце февраля Ющинский пропускал уроки, но тогда Ющинский был болен, но в марте месяце, он нам удостоверил, что Ющинский все время посещал училище, и, таким образом, если этот инцидент в отношении прутиков имел место, то, следовательно, он мог иметь место в конце февраля, и только в конце февраля месяца об этом Женя мог передать своей матери.

Если все это так, то вы рассудите, может ли эта вещь, сказанная задолго, привести в такое состояние раздражения. Могла ли такая вещь, что Ющинский сказал, что у матери Жени есть краденые вещи, могла ли эта вещь, сказанная задолго, за несколько дней, привести в раздражение до чувства страшной мести, привести в то волнение, которое привело Чеберякову, Рудзинского, Сингаевского и Латышева к предполагаемому убийству?

Все это вы взвесьте и если вы на основании этих всех данных найдете, что здесь мести не могло быть, что здесь не было основания даже ее предполагать, то, конечно, вы откинете это обстоятельство. Но, конечно, если... согласитесь с защитой, то вы можете посмотреть иначе.

Это, так сказать, фактические обстоятельства дела, разбора улики я не буду касаться, то есть показания каждого из свидетелей, а только остановлюсь на одном показании, которое подтверждает версию убийства в квартире Чеберяковой. И вот если вы показание это обсудите, в связи с теми детально разобранными показаниями, которые выведены прокурором и защитой,

то если вы признаете не доказанными мотивы мести, то вы к этим показаниям отнесетесь так или иначе.

Итак, господа присяжные заседатели, я вам указал, как вы должны будете обсудить, имеется ли основание думать, что это преступление было совершено здесь, если предположить, что преступление совершено Сингаевским, Рудзинским, Латышевым и Чеберяковой.

Раньше вам еще придется задаться вопросом, если это совершили воры из мести, почему они труп перенесли в пещеру и оставили там вещи с таким указанием, что сразу же обнаружится, кто эта личность. Подумайте. Могут ли воры так неосторожно действовать? Не проще ли было, как указывал здесь поверенный гражданского истца, потом, когда воры должны были прийти в состояние равновесия, когда они поняли страшное дело, которое они совершили, — не проще ли им было бросить этот труп в Днепр или в один из колодцев, на которые здесь указывал свидетель Красовский. Кроме того, здесь возбужден защитой вопрос, спрашивали профессора Бехтерева о том, не было так, что сначала воры нанесли повреждения в состоянии раздражения, из мести, а затем дальнейшие уколы они сделали для того, чтобы придать трупу вид, будто это сделали евреи, подделать его под евреев? На это, если вы помните, профессор Бехтерев ответил, что такое предположение не возможно.

Вы обсудите, что, может быть, самый мотив убийства был именно тот, чтобы потом создать погром? На этом мотиве защита даже не останавливалась, но вы, как судьи, обсуждая всесторонне, на этом остановитесь. Вы вспомните, насколько должен быть жесток, насколько должен низменно пасть человек, чтобы из таких корыстных, низменных мотивов он совершил убийство. Но затем вы вспомните и то, что 13 марта, то есть на другой день, предполагаемые защитой убийцы — Рудзинский, Сингаевский и Латышев — уехали в Москву, и вы обсудите, могли ли такие корыстные низменные побуждения, которые трудно допустить даже, могли ли они руководить этими лицами, если эти люди совершили такое низменное преступление, оставивши так, чтобы труп был обнаружен, и уехали в Москву? Ведь труп мог быть обнаружен без них, и те преступления, которые они предполагали совершить — они не могли этим воспользоваться.

Затем, обсудивши мотивы, вы перейдете к обсуждению тех показаний свидетелей, которые выдвигаются в доказательство этого. Я говорю, что показания этих свидетелей были очень

подробно разобраны прокурором и поверенным гражданского истца и затем защитой. Стороны освещали эти показания с той и другой стороны. Предоставляю и вам, вспомнив эти показания, проверить эти впечатления, эти доводы прокурора, поверенного гражданского истца и защиты и затем вынести тот или другой вывод.

Я не буду разбирать, но я укажу вам для примера 2 показания свидетеля: это Дьяконова и Малицкая. Я должен вам сказать, что конечно, судье нельзя не доверять свидетелю, если он забывает, если он, стесняясь, путаясь иногда вследствие необычной обстановки, допускает ошибочное изложение фактов. Поэтому судья должен взвесить показания свидетеля и, продумавши его, если он верит и видит, что это показание достоверно, он может его взять, а если он видит, что это показание недостоверно, он должен его отбросить. В этом показании Екатерины Дьяконовой, я вам считаю нужным указать... что вы должны обратить внимание... на показание полковника Иванова. По поводу этого полковник Иванов говорил, что Екатерина Дьяконова (и она сама не отрицала этого) была у него агентом... **Вы зададитесь мыслью, как человек, получая известное вознаграждение, служа агентом, не дает известному должностному лицу сведений, вместе с тем дает другим лицам сведения одно другого сенсационнее?** Вы можете прийти к выводу, что эти лица могли, как говорит Красовский, ее больше расположить, так сказать, возбудить в ней доверие. Вы можете предположить то же самое... что они дали больше вознаграждение, что Красовский отвергает. Но если вы придете к тому выводу, что, несмотря на то, что расположение или вознаграждение, которое было дано позже... дало возможность Е. Дьяконовой рассказывать такие вещи, которые она не рассказывала полковнику Иванову, то вы, сопоставивши, можете усомниться в этом показании и достоверности его. Кроме того, вы должны принять во внимание отчасти и показания полковника Иванова о том, что после того, когда производилось частное расследование Выграновым и Красовским, Дьяконова являлась полковнику Иванову и рассказывала ему очень важные сведения. На его вопросы, неожиданные для Дьяконовой, она не отвечала, когда на следующий день она являлась, то она на эти вопросы отвечала обстоятельно? Но на новые вопросы она опять не отвечала.

Затем вы перейдете к обсуждению показаний свидетельницы Малицкой. Нам здесь указывалось, что Малицкая не показала этих сведений, очень важных для того, чтобы подозревать Руд-

зинского, Сингаевского и Латышева... именно потому, что она боялась Чеберякову. Судья, если бы только на этом факте остановился, то, обсудивши всю обстановку, обсудивши, что Чеберякова была женщиной энергичной, мог прийти к убеждению — да, это объяснение очень правдоподобно... Но вспомните эти показания, вспомните, как Малицкая рассказывала нам детально, что она слышала и как она слышала, она рассказывала, сколько было человек, затем рассказывала, что она слышала, когда переносили труп, различая шаги Чеберяковой. Вспомните то впечатление, которое вы получили от осмотра этого здания. Если вы сопоставите, если придете к тому убеждению, что свидетельница эта не могла слышать так далеко, как она говорит. В данном случае есть подходящее обстоятельство. Вам указывали, что производилась проба, и судебный следователь отметил в своем протоколе, что во время разговора слышны голоса и слышны шаги. **Вы, конечно, с этим должны считаться, но вы должны в данном случае, считаться с тем обстоятельством, что когда мы находились там, то мы знали, что наверху будет шум, мы напряженно ждали, мы напрягали все наше внимание, на то, чтобы услышать, что там будет происходить наверху. Вот вы и вдумайтесь в это. Может ли человек не предупрежденный, не находящийся в таком напряженном состоянии, может ли он услышать.** Затем вспомните и то, что, как видно из протокола осмотра, тогда квартира Чеберяк была пуста, там не было мебели, там не жили. Вот если вы все это сопоставите и вдумаетесь, то вы решите, если были слышны шаги и отдельные отзвуки, то могли ли они быть такими явственными, такими характерными, что даже можно было определить действие определенных лиц, как утверждает это Малицкая, или же она могла слышать отдельные звуки, а того, что она нам говорила, не могла слышать? Вот если вы все это взвесите, обследуете показания каждого свидетеля, касающиеся этой версии, обследуете их и с точки зрения прокурора, и гражданских истцов, и с точки зрения защиты, и если вы, продумав все это, придете к убеждению, что эти показания могут заслуживать доверия, то вы их оставите, если же придете к убеждению, что некоторые из показаний доверия не заслуживают, то вы их отбросите. Но тогда подумайте о том, не получится ли тот механизм без колесиков, который действовать не может, и о котором так образно говорил вам тут поверенный гражданского истца? Тогда вы, в конце концов, можете придти к убеждению, что вся эта теория, вся эта версия не представляется вероятной. Если же вы придете к

другому выводу, то, значит, этой версии придадите известное вероятие и тогда примете другое решение.

Но, вместе с тем, вы перейдете к главному — к экспертизе, когда будете решать вопрос о версии убийства на квартире Чеберяк или на заводе Зайцева. Экспертиза, собственно говоря, альфа, от которой должен отправляться судья в каждом деле. Господа присяжные заседатели, эксперты приглашаются в суд, потому что мы, судьи, не имеем специальных сведений по известному рода вопросам. Вот тогда закон и говорит: пригласить людей сведущих и выслушать их показания, и на основании тех доводов, которые ими приведены, разрешить дело. Собственно говоря, эксперт — это увеличительное стекло, через которое судья рассматривает известное специальное свойство вопроса и на основании этого разрешает дело. Но для того, чтобы эксперт убедил нас, нужно вдуматься, является ли его мнение достоверным, является ли настолько убедительным, что иного вывода как того, который сделал эксперт, сделать нельзя, или же его мнение не является убедительным и с ним нужно спорить. В этом отношении закон всецело предоставляет такое право судье. Закон говорит так: «Выслушай эксперта, обсуди, правильно ли он говорит, взвесь все». Понятно, мы, как люди, не имеющие специальных знаний, не можем сказать: этому эксперту не верю, потому что, сказав это, нужно представить и противовес. Этот противовес заключается в обдумывании судьей тех фактических данных, которые надлежит ему сопоставить при разрешении тех специальных вопросов, для которых вызван эксперт. Если вызвано несколько экспертов, то судья должен взвесить показания их всех, и затем в зависимости от того, кому из экспертов он поверит, он и поставит заключение того или иного эксперта в основание для разрешения всех обстоятельств, касающихся дела. Опять-таки вы должны сопоставить их с фактическими обстоятельствами дела.

Здесь были вызваны, как вы знаете, эксперты по судебной медицине по поводу вскрытия трупа. Здесь были эксперт профессор Косоротов, прозектор Туфанов, хирург Павлов и профессор Кадыан. Кроме того, как вы слышали, вскрытие трупа было сделано уездным врачом Карпинским, а затем через 4 дня вторично профессором Оболонским и прозектором Туфановым. Собственно говоря, проф. Оболонский, вскрывавший труп, проз. Туфанов, проф. Кадыан и проф. Косоротов во многих частях сошлись, остался в отдельности только хирург Павлов. Вам придется взвесить все эти объяснения экспертов и

признать, кто из них, так сказать, более вас убедил в освещении тех фактических данных, для чего они и были сюда призваны. Вы проверите все по собственному убеждению. Если придете к тому заключению, что и по количеству экспертов по известному положению, по обстоятельству ответов эти три эксперта, бывших здесь, и четвертый, умерший, имеют силу большей достоверности, то в данном случае с ними согласитесь, если же вы поверите больше проф. Павлову, то, конечно, вы этих экспертов поставите на второй план. **Но вспомните показания проф. Павлова и вспомните то, что он, хотя, может быть, очень знающий человек по своей специальности, по производству операций, но на все наши вопросы отвечал крайне неопределенно, он не дал ничего такого обстоятельного, определенно-ные, ясные ответы,** хотя иногда между собой и разноречивые, но разноречивые потому, что эти мужи науки различно смотрят на одни и те же вещи. Вспомните еще, что хирург Павлов затруднился сказать, почему умер Андрюша. Вот все это взвесьте.

Затем, если поверите показаниям согласных между собой профессоров, по количеству этих экспертов и по определенности их ответов, то вы остановитесь на их экспертизе. Они говорят, что все почти ранения были прижизненны, а что последнее, нанесенное в сердце и было непосредственной причиной смерти, но что смерть последовала от всех повреждений, от всех мучений, которые были нанесены. Причем эксперты разделяют все эти повреждения на две категории. Одни повреждения были сделаны еще тогда, когда сердце функционировало и надлежало руководило кровообращением Андрюши, другие же ранения были нанесены при самой смерти, при самой агонии, когда крови в организме было мало, и когда сердце почти не функционировало. При этом все говорят, что существовал известный перерыв между первыми повреждениями и вторыми, перерыв, который проф. Кадыаном был определен в 5-7 минут. Это был такой промежуток, когда убийцы ничего не делали над своей жертвой. Вам они доказали научно, почему они приходят к такому заключению и указали, что те органы, которые были поранены потом, не дали того обильного кровоизлияния, которые должны были дать, если бы во время эти повреждений было надлежало количество крови в организме. Вам здесь также определил проф. Косоротов, так же как Туфанов и покойный проф. Оболонский, что из Андрюши вытекло крови около 5 стаканов. Проф. Кадыан и проф. Бехтерев, хотя последний по это-

му делу и не специалист, он вызван сюда в качестве эксперта-психиатра, говорят, что кровотечение было обильное, но определить точное количество крови они не могут. Проф. же Косоротов удостоверил, что существует известная табличка, точно исследованная наукой, по которой можно с точностью определить, какое количество крови вытекло, и он определяет это количество в пять стаканов. Все эти эксперты вообще, соглашаясь с картиной убийства, расходятся в одном роковом вопросе, именно на том, что было целью нанесения этих повреждений. Проф. Кадыян и проф. Бехтерев говорили, что лица, наносившие покойному Андрюше удары в голову, преследовали цель убить Андрюшу. Проф. Косоротов и проз. Туфанов говорили, что нет этой цели, судя по тем ранениям, которые были нанесены в голову. Там настолько ранения слабы, что нельзя заключить по ним, что целью было желание убить жертву. Все эксперты пришли к единогласному выводу, что была жестокость, но что не жестокость руководила главным образом убийцами Андрюши, жестокость была только сопровождающим обстоятельством. **Конечно, 47 ран, нанесенные в различные части тела, даже с внешней стороны, жестоки, но эта жестокость в план убийц не входила.** Потому что наиболее чувствительные места на теле Ющинского оставались нетронутыми. Вот на этом основании проф. Косоротов и проф. Туфанов предполагают, что целью убийства было, главным образом, нанесение ран в те места, которые дают наибольшее количество крови.

Это очень серьезный вопрос, и вы должны при разрешении этого разногласия между экспертами на нем сосредоточить все внимание, нужно решить, было ли с момента нанесения удара в голову желание у убийц убить Андрюшу, как говорят проф. Кадыян и проф. Бехтерев, или же была та цель, о которой говорит проф. Косоротов и проз. Туфанов, указывающие, что усматривать только эту цель нельзя и что целью было именно причинение мучений и главным образом нанесение уколов в такие места, которые дают наибольшее количество крови. Вы должны обратиться к фактическим обстоятельствам дела для разрешения этого вопроса и, главным образом, к тем данным, которые имеются в экспертизе. Вы слышали от всех экспертов, что, собственно говоря, повреждения головы зависят от одного удара, который сопровождался бы пробитием черепа. Удары же в голову были сами по себе незначительны, и только удар, который сопровождался повреждением пазухи черепа, являлся повреждением серьезным и тяжким. Проф. Оболон-

ский, — я хочу здесь поправить защитника, который заявил, что будто бы проф. Оболонский признал этот удар смертельным, этого проф. Оболонский не говорил. Он говорил, что вся совокупность причиненных ранений, вызвала малокровие тела, что и вызвало смерть, но чтобы этот удар был смертельным, этого проф. Оболонский не говорил. Проф. Косоротов, признав также это повреждение тяжким, сказал, что смерть Андрюши этот удар вызвать не мог. Вот вы и должны остановиться на том, что если убийцы Андрюши желали его только убить, то так ли они действовали, нанося удары в голову, употребили ли они особую энергию для того, чтобы с ним покончить раньше, и чем их действия при таком положении нужно объяснить? Вам указывалось, что в области головы имеется много таких мест, где достаточно одного укола, и жизнь человека кончена. Вот над этим вопросом задумайтесь. Сопоставьте те повреждения, которые были сделаны в голову, и тогда придете к выводу, дают ли они основания заключить, что энергии было проявлено настолько, что убийца, нанося их, сознавал, что должен убить Андрюшу, или энергия эта была проявлена при последующих, убийных так сказать, ударах в сердце, легкие и печень. Если вы разрешите отрицательно, то есть признаете, что повреждения, нанесенные в голову и шею, сами по себе не указывают на цель, проявленную со стороны убийц, не указывают, что убийцы хотели его убить; если признаете, что следующие удары, которые были нанесены после перерыва и которые более тяжелы, нанесены более сильной рукой, что эти именно удары показывают на желание покончить с жертвой, то в последнем случае вы согласитесь с заключением Косоротова — именно, что здесь была цель заколоть ребенка и сделать укол в те места, которые дают больше крови. Если же вы придете к тому заключению, что ударом в голову было желание причинить убийство, то тогда должны будете согласиться с проф. Кадыяном.

Здесь очень много спорили о том, нанесена ли рана эта в голову с прободением пазухи черепной в последующее время, когда, по мнению Косоротова, были наносимы убийные удары, или она была из первых. Но это уже деталь, на которой едва ли представляется надобность вам останавливаться. Несомненно, эта рана была серьезная, тяжкая, но она не вызвала сейчас же смерть.

Если же вы остановитесь на этом вопросе, то вот на чем, главным образом, должны остановиться. Проф. Кадыян говорил, что от этой раны мальчик потерял сознание и обеспамятел, при этом

он прибавил, что в таком состоянии он должен был упасть. Если это так, то зачем же убийцы после этого наносили такую массу ран? Собственно говоря, вы задайтесь таким вопросом: если внешний вид жертвы указывал на то, что она без памяти, находится в обморочном состоянии, голова разможена, то при таких условиях даже неспециалист должен был придти к убеждению, что жертва мертва. Зачем же после того, как жертва упала, понадобилось еще колоть ее и наносить ранение? Итак: или они преследовали особую цель, или же от этого удара не потеряно сознание, и это ранение в голову было нанесено впоследствии.

Вот это вы обсудите, осветите себе все стороны вопроса, затем вы остановитесь на этом моменте, очень важном, почему убийцы делали перерыв, а то, что перерыв был, это точно установлено. На этом согласились все эксперты судебной медицины. Я не знаю, поняли ли вам, почему эксперты делают такой вывод, что был перерыв. Вы знаете, что труп был обескровлен. Для того чтобы из ранений вытекала кровь, нужно известное время, и через известное время были уже нанесены те ранения, которые отличались от первых поранений и не дали никаких следов в смысле кровоподтеков. Поэтому эксперты приходят к выводу, что эти ранения были нанесены после перерыва. Вот вы и задайтесь вопросом, почему убийцы делали перерыв. Вам здесь защита пыталась объяснить это тем, что в это время, по их предположению, одного из предполагаемых убийц, Латышева, стошнило. Но для этого, прежде всего, нужно признать, что он был там. **Затем, если бы вы признали версию, которая говорит, что убийство было совершено в квартире Чеберяк, то задумайтесь, возможно ли допустить, чтобы убийцы, затеявшие такое злое дело, видевшие перед собой лежащую жертву, с которой нужно так или иначе разделаться, бросили бы эту жертву и стали бы ухаживать за тем, которого рвало. Вдумайтесь хорошенько, могло ли это быть.** Ведь мы знаем, что был перерыв. Значит, был перерыв и текла кровь. Зачем убийцам было допускать, чтобы вытекала кровь? Не проще ли было разделаться одним ударом с жертвой и покончить с ним? Какой смысл был у убийц смотреть на свою жертву, мучимую ими, смотреть, как вытекает кровь. Вы вспомните затем, что убийцы, нанешие эти шейные повреждения, вместе с тем нанесли еще 13 или 14 повреждений на правом виске, о которых здесь так много спорили. Одни говорили, что было 13 уколов на виске, а другие — что 14. Собственно говоря, разница происходит только потому, что одно повреждение

имеет такой вид, что его можно принять за 2. Я говорю, что эксперты нам не дали объяснений, почему убийцы, нанешие такие повреждения Андриюше, потом стали делать ему уколы на виске в количестве 13 или 14. Какой был смысл? Но эксперты не дали нам на это объяснения, и вы должны над этим задуматься и разрешить этот вопрос. Вам этот вопрос осветили прокурор и поверенный гражданского истца, они вам указывали на эту надпись «эхад». Вы все это взвесите и придите к тому или другому выводу, но вместе с тем вспомните указание, сделанное поверенным гражданского истца, о том, что не проще ли было, вместо того чтобы наносить 13 уколов в висок, нанести прямо 1 удар в такое нежное место, как висок, и сразу покончить с Ющинским. Если вы придете к убеждению, что в круг желаний убийц не входило в самом начале намерение лишить жизни или причинить жестокие, мучительные страдания мальчику, то вы должны будете согласиться с заключением проф. Косоротова о том, что цель была исколоть ребенка в тех местах, откуда можно было взять больше крови. Если же вы придете к противоположному выводу, то вы согласитесь с выводом проф. Кадыяна и проф. Бехтерева, хотя говорю опять, что надо принять во внимание, что проф. Бехтерев был здесь в качестве эксперта психолого-психиатрического. Затем вы должны остановиться на той фактической подробности, которую указал вам проф. Косоротов, это относительно ранения в шею. Эти ранения, по мнению проф. Косоротова и проф. Кадыяна, дали обильное кровотечение, но не выпачкали рубахи с правой стороны. Проф. Косоротов объясняет это тем, что ворот рубахи в это время был оттянут, иначе рубаха должна была быть непременно запачкана. Вы это взвесите с бытовой, жизненной стороны и подумайте, является ли такое объяснение эксперта правдоподобным? Если вы признаете это объяснение понятным — все эксперты признали, что рубаха не была выпачкана кровью, — то опять задайтесь вопросом, зачем же убийцам, находившимся в состоянии сильного раздражения, нужно было оттягивать ворот рубахи, когда наносились поранения в шею.

Вы остановитесь также на решении вопроса о том, зачем убийцам нужно было снимать куртку с покойного Андриюши? Вспомните, что все эксперты признали, что ранения на голове были нанесены, когда мальчик был в куртке, когда же дошли до остальных ранений на теле, тогда сняли куртку. **Вы сопоставьте это с таким положением: может ли человек, находясь вне себя,**

снимать со своей жертвы одежду, нанося удары под влиянием мести, раздражения, снимают ли куртку? Вам указал поверенный гражданского истца, что нахождение куртки, казалось бы, было выгодным для убийц, так как куртка была фланелевая или суконная, так как куртка была снята и оттянута была рубаха, то кровь должна была течь на пол. Вы это взвесите и придете к тому или другому выводу. Обсудите также, почему убийцы, прождав известное время, стали наносить, как выразился проф. Косоротов, так называемые убийные своей жертве удары, именно выждав то время, когда вытекло из мальчика значительное количество крови, причем, по объяснению проф. Косоротова, убийцы в это время поднимали рубаху, так как только 3 или 4 удара были нанесены через рубаху и следы этих ударов остались на рубахе. Остальных дыр на рубахе нет, следовательно, удары наносились, по заключению экспертов, в то время, когда рубаха была поднята. Проф. Бехтерев в этом отношении дает объяснение, что до того могли наноситься эти удары, пока Андрюша не показался им убитым, потом, когда у него появились рефлекторные движения, то убийцы... начали тыкать в разные части тела. Причем, по мнению проф. Бехтерева, рубаха могла и сама подняться от движений. Вы зададите себе с точки зрения жизни вопрос, возможно ли допустить, если убийство было совершено из мести, чтобы первые удары были сравнительно более слабые, чем вторые... и мог ли человек, желая мстить, сначала легко ранить жертву, а когда жертва впала в обморочное состояние и когда явились судороги перед смертью, начать наносить удары убийные, сильные, причем не один удар, а 16? Возможно ли допустить, чтобы, каково бы ни было положение покойного Андрюши, лежащее или полустоячее, сама рубаха от этих подергиваний поднималась и облегчала, так сказать, убийцам наносить удары. Все это, господа присяжные заседатели, вы взвесите и придите к тому или другому выводу. Если вы придете к тому выводу, что цели в данном случае нанесения ранений у убийц не было, не было цели самого момента нанесения ранений лишить сейчас же жизни Андрюшу, а что цель была исколоть его в тех местах, которые дают больше крови, а затем, когда он был исколот и кровь вытекла, были нанесены более тяжкие ранения, которые вызвали смерть, то вы тогда решите, могли ли действовать так Сигнаевский, Рудзинский и другие лица в квартире Чеберяковой, руководствуясь местью. Сопоставив экспертизу с этими фактическими данными, признав, что это невозможно, вы должны тогда эту версию откинуть.

Если же вы признаете, что возможно было со стороны Сингаевского, Рудзинского и Чеберяковой из мести нанести эти повреждения, то, конечно, решив таким образом, вы должны признать, что это убийство могло быть совершено в квартире Чеберяковой.

Но я говорил при первом положении, если вы признаете, что это невозможно, и если признаете, что предположить другое место, где могло быть совершено убийство, по самой фигуре Андрея Юцинского невозможно, если признаете за тем, что показания свидетеля Шаховского дают вам полное основание заключить, что Андрей был в это время на заводе, и, сопоставив с показаниями других свидетелей, то придете к несомненному выводу, что это могло быть совершено только на заводе Зайцева. И тогда вы ответите на первый вопрос: «Да, доказано».

Если же у вас появятся сомнения в тех положениях, которые развили вам прокурор и гражданские истцы в связи с пояснениями защиты, то на первый вопрос ответите так: « Да, доказано, — потому что собственно повреждения никто не опровергает — но не на заводе, принадлежащем хирургической больнице и находящемся в ведении Зайцева». Так что вы понимаете, на что вам нужно обратить внимание в этом вопросе.

Когда вы разрешите первый вопрос, вы перейдете к обсуждению виновности Бейлиса, изложенной во втором вопросе. При обсуждении виновности его, вы примете во внимание все те доказательства, которые вам приводил прокурор и поверенный гражданского истца и приводила защита, их всесторонне продумаете, всесторонне взвесите, и только после глубокого убеждения в том, что это в действительности Бейлис и что именно он участвовал в убийстве, вы признаете его виновным. Если же у вас такой уверенности не явится или явится сомнение, то вы тогда ответите на вопрос отрицательно.

Эти улики против Бейлиса сводятся, собственно говоря, к показаниям Люды Чеберяковой, затем Козаченко, Дуни Наконечной, затем Шаховских, Позднякова, Акацатова, Голубева и других лиц. Эти улики очень подробно обсуждали вам прокурор и поверенный гражданских истцов.

Конечно, самое главное показание дает Люда Чеберякова, девочка, которая каталась на мяле вместе с покойным Андрюшей. Перед тем как, по ее удостоверению, его схватил Мендель Бейлис и потащил куда-то.

Остальные показания являются, собственно говоря, косвенными уликами. **Они прямо не указывают на Менделя Бейлиса,**

но так или иначе толкуемые, при сопоставлении, доказывают виновность Менделя Бейлиса. Эти улики вам подробно разобрал прокурор и поверенный гражданского истца Замысловский. Вместе с тем, если вы признаете, что это убийство было совершено на заводе Зайцева, то вы должны будете обсудить и то положение, могло ли бы это убийство быть совершено без участия Бейлиса.

Обсудив все эти улики, взвесив их, вы по вашему глубокому убеждению придете к тому или другому выводу. Здесь вам представляются главным образом косвенные улики. Конечно, для судьи гораздо легче разбираться в прямых уликах. Закон наш прямыми уликами считает сознание подсудимого, поличное, показания свидетелей очевидцев. В данном случае таким показанием является до известной степени показание только Людвы Чеберяковой. От того, признаете ли вы это показание достоверным или нет, будет зависеть ваше решение по настоящему делу.

Но у вас в распоряжении есть много косвенных улик, которые разобрал вам прокурор и поверенный гражданского истца. Каждый судья, разрешая дело, не может остановиться только на прямых уликах, Ясно, что всякая прямая улика гораздо больше убеждает судью в виновности подсудимого, чем косвенная. Косвенные улики главным образом и бывают в тех преступлениях, которые совершаются по предварительному соглашению, потому что раз лицо совершает преступление по обоюдному соглашению, то оно больше обдумывает план своих действий, более предусмотрительно к тому, чтобы устранить от себя те или иные доказательства. Но раз существуют только косвенные улики, судья не может уклониться от обсуждения их. Косвенные улики, как сказал один из блестящих юристов, есть камешки, которые судья должен кропотливо и старательно прикладывать друг к другу. Если из этого составления выйдет известная фигура, которая убеждает в виновности подсудимого, преданного суду, то судья может его осудить. Но если, складывая эти камешки, из них ничего не выходит, если не выходит полного контура, судья должен сказать — этих косвенных улик не достаточно и моя совесть не может сказать, что он виновен. Господа присяжные заседатели, поступите и вы так по настоящему делу: вы обсудите все и в виду серьезности дела особенно вдумчиво и внимательно, отбросив все то, что не считаете возможным признать, за чем не можете признать доказательной силы.

Если, отбросив это и сопоставив все, вы придете к убеждению, что Бейлис виновен, вы осудите его. Если же придете к убеждению, что то, что проходило, не дает право вашей совести сказать с полной уверенностью, что Бейлис виновен, вы его оправдаете.

При этом, обсуждая, вам придется остановиться на показаниях свидетелей и попутно обсуждать показания каждого свидетеля, на котором вы так или иначе будете останавливать свое внимание. Долг судьи обсудить каждого свидетеля всесторонне и взвесить, насколько этот свидетель говорит правду, насколько он достоверен. Часто известные противоречия свидетеля объясняются его неловкостью, конфузливостью, его неходчивостью, растерянностью, но этого не может ставить свидетелю в вину судья, ибо он должен взвесить все это и по внутреннему содержанию показания свидетеля оценить его. Господа присяжные заседатели, в письме Феофилактова и в показаниях полковника Иванова есть указания, кладущие известную тень на показания некоторых свидетелей. Это то, что они получали деньги, стараясь так или иначе. Полковник Иванов нам заявил, что в жандармском управлении есть отделение, где находятся определенные секретные сведения, за достоверность которых он ручается, о том, что Бразуль-Брушковский, Красовский, Махалин и Караев получали известное вознаграждение за свои действия. Иванов нам сказал, что по долгу службы он не может сказать, откуда эти сведения, и, как совершенно правильно заметила защита, нам важно все-таки знать источник происхождения этих сведений. Но хотя и было это сказано, судье недостаточно еще знать, что свидетель был подкуплен, судья должен взвесить всю обстановку, при которой показывал свидетель, должен взвесить всю его деятельность, все его действия в этом деле. Если он покажется подозрительным, и если это показание Иванова на вас произвело впечатление, то свой вывод в данном случае судья вправе подкрепить тем показанием, которое дал Иванов в смысле получения свидетелем денежного вознаграждения. Но если самое показание свидетеля на судью производит впечатление достоверности, в котором он усомниться не может, то, конечно, такое заявление Иванова должно вызвать большую осторожность к показаниям этого свидетеля и вызвать известное сомнение в правильности его показаний, но не может окончательно решить вопроса о полной недостоверности свидетеля. Здесь оглашалось вам письмо Феофилактова, в котором точно указано, что за труд Караев должен получить 5 ты-

сяч рублей. Как оценить это письмо, это дело внутреннего убеждения. Обсуждая виновность Бейлиса, вы должны все эти частные вопросы обсудить в том смысле, доказано или не доказано, и при недоказанности их отклонить. Закон обязывает меня сделать эти указания.

Здесь указывается в такой форме: Бейлис обвиняется в том, что заранее задумал совершить убийство по соглашению с другими лицами — обвиняется в убийстве с заранее обдуманном намерением. Если вы, признав виновность Бейлиса, пришли к заключению, что — да, убийство было, но не доказано, что оно было заранее обдумано, тогда этот признак вы можете отвергнуть и тогда получится простое умышленное убийство, за которое полагается наказание, смотря по тому, отвергнете вы другой признак или нет, от 10 до 20 лет каторги.

Затем, если бы вы остановились на вопросе, вызвано ли преступление желанием причинить мучительные страдания, и если бы вы пришли к заключению, что в план преступления не входило это мучительство, а что это мучительство появилось как последствие нанесения ранений, то и этот признак вы должны отклонить, потому что только то, что может входить в план действий преступника, только то и должно быть принято.

Если вы отвергнете и это обстоятельство, а признаете его виновным в простом убийстве, то по закону это преступление называется каторгой от 8 до 15 лет.

Кроме того, вы, конечно, обратите внимание и на мотивы, о которых спрашивает второй вопрос, то есть: были ли здесь побуждения религиозного изуверства. Если вы признаете, что целью убийства мальчика было, чтобы из него вытекала кровь, если вы признаете обстоятельства, о котором говорил прокурор и гражданский истец, что эта кровь собиралась, и если вы придете к тому выводу, что, раз убийце нужно было, чтобы у жертвы вытекла кровь, — **а в этом удовольствие, конечно, убийцы не могли видеть, потому, что это совершил не сумасшедший, не безумец**, если вы придете к этому выводу, то согласитесь с доводами и прокурора и гражданских истцов о том, что это был фанатик еврей, к которым принадлежит Бейлис, по тем соображениям, которые выставляли прокурор и гражданский истец, что Бейлис мог быть в том состоянии фанатизма, и они могли прийти к этому на основании тех исследований, которые здесь происходили. Если вы придете к этим же выводам, что именно эти мотивы религиозного изуверства вызвали это преступление, то вы должны признать его виновным. Если вы

придете к выводу, что другой мотив не мог руководить Бейлисом, кроме мотива религиозного изуверства, но если признаете, что мотивы эти не доказаны, то по закону можете также их отвергнуть. При этом должен объяснить, что мотивы побуждения не входят как законный признак в состав преступления, они только объясняют преступление и входят в фактическую сторону деяния. Таким образом, в смысле ответственности это не играет роли. Но если картина преступления такова, что здесь другого мотива нельзя предположить, как тот, о котором вам говорил и прокурор и поверенный гражданских истцов, и вы согласитесь с ними, то вы признаете наличность его. Если же, наоборот, вы придете к тем выводам, которые представляла защита, то вы отвергнете его, и в таком случае, если признаете, что улики, приведенные против Бейлиса, недостаточны, признаете его оправданным.

Еще должен сказать вам о некоторых чисто фактических обстоятельствах и поправках, которые, несомненно, вами будут приняты во внимание при обсуждении дела.

Здесь, во-первых, много говорилось о наволочке, которая являлась как бы доказательством того, что убийство совершено на квартире Чеберяк. Мы слышали от экспертов, что эта наволочка никакой непосредственной роли в убийстве не принимала. Ею не зажимали рот, но на ней остались кровавые помарки, так что может быть, как эксперты говорят, ею вытирали. Вам защита говорила, что эта наволочка играет роль, в том смысле, что является доказательством, что убийство было совершено в квартире Чеберяк ее компанией. Это вам придется обсудить. Собственно говоря, эта доказательственная сила главным образом зиждется на показаниях свидетельницы Дьяконовой. Все это зависит от того, как вы оцените эти показания, признаете их достоверность или не признаете. Вместе с тем, вы должны вдуматься и в то, возможно ли по такому куску признать, что эта вещь принадлежит определенному лицу и признать еще через два года с лишним после того, как было совершено преступление. Вывод в этом отношении опять-таки вам покажет ваш житейский опыт. Защита ставила в укор судебному следователю, что эта наволочка не была предъявлена на предварительном следствии. Вам подробно об этом говорил прокурор, и этого касались гражданские истцы, но вместе с тем я должен вам напомнить и то обстоятельство, что на предварительном следствии они обе заявили, что вензеля на наволочках у Чеберяковой были вышиты красной ниткой, что там не было ни черных,

ни синих ниток, поэтому прокурор делает вывод, что следователь и не считал нужным предъявлять эту наволочку. Ведь вы помните, что это были швейки, это были специалистки своего дела, это не то что если бы вам сказали — посмотрите на метки и узнайте. Далее, вспомните показания Гаевской, которая категорически удостоверения, что, прожив в квартире Чеберяковой до конца февраля, она у нее никаких наволочек на подушках не видела. Вы сопоставьте ее показания с этим куском наволочки, затем сделайте тот или другой вывод и, кроме того, вспомните заключение экспертов, что этой наволочкой не зажимался рот покойного. Но в таком случае, если эта наволочка непосредственного участия в деле не принимала, то зачем же было Чеберяковой в таком случае рвать наволочку с подушки и отрезать от нее кусок.

Затем здесь говорилось о ботинках. Говорилось, что ботинки якобы Андрюши носила какая-то девочка, родственница Чеберяковой, и это видели на Лукьяновке. Мы это проверили... Оказалось так, что после убийства Екатерина Дьяконова видела ботинки у Равич. Ботинки недомерок, мужской, а затем она увидела на девочке, родственнице Чеберяковой тот же недомерок и спросила девочку — зачем это мужские ботинки, чьи это ботинки? И та ответила, что это Женины. Но Екатерина Дьяконова сказала — а не Андрюшины ли это ботинки? Тогда Чеберякова ей ответила: «Какие ты глупости говоришь!» Вот, собственно говоря, все фактические данные об этих ботинках, которые здесь приводились.

Затем вам говорилось о волосах, четырех волосах, которые были найдены на кальсонах покойного Андрюши. Здесь тоже эксперты вам сказали, что, собственно, по их мнению, эти волосы не имеют значения, что они могли найтись и в глине, когда потом мальчика Андрюшу втаскивали в пещеру, так там вместе с глиной они могли примешаться и остаться на подштаниках Андрюши. Но такое мнение экспертов не может для вас иметь решающего значения — может быть, так, а может быть, и не так. Защита указывала, что в данном случае был промах — почему не исследовали волос Сингаевского, Рудзинского и Латышева, но эксперт Туфанов сказал, что эти волосы по всем вероятностям, он даже почти уверенно сказал, что они из бороды. Вы слышали здесь показания Екатерины Дьяконовой, когда ей предъявили фотографические карточки Сингаевского, Рудзинского и Латышева, то она узнала, назвала фамилии и сказала, что это именно они. А на вопрос, не знаю кем предложенный, сторонами или мною, что эти лица находились в том же виде, были без бороды или с бородами,

когда она с ними встретилась — она ответила, что они были без бороды. Таким образом предъявлять на исследование волосы следователю едва ли представлялось возможным. Затем я должен сделать поправку неточности, допущенной со стороны защиты. Собственного говоря, волосы эти были не темно-русые, а, как сказано в протоколе, «темные», почти черные.

Затем вам указывали относительно ковра. По некоторым версиям ковер это тот самый, в который Чеберякова завернула труп покойного Юцинского, и защита спрашивала, почему этот ковер не приведен в качестве вещественного доказательства. Вам здесь очень обстоятельно объяснял прозектор Туфанов, как он исследовал этот ковер, он говорил вам здесь, что он рассматривал его через лупу и все, что было сомнительного, он вырезал и исследовал микроскопическим способом, но там крови не оказалось.

Затем вам здесь говорили о том, что не была исследована глина в сарае, принадлежащем Чеберяковой. Следователь, видимо, не признал надобности в исследовании этой глины. Вдумайтесь, представлялась ли надобность в исследовании этой глины? Ведь по той версии, если убийство было совершено в квартире Чеберяковой, как полагает, по крайней мере, защита, если на квартире, то при чем же тут глина. Вам здесь эксперт Косоротов говорил, что там осталась глина. Господа присяжные заседатели, я должен остановить ваше внимание дальше относительно глины, о которой говорилось здесь, и, указывалось на то, почему не была исследована глина из сарая Чеберяковой. Вы вспомните этот сарай, вы его видели. Вспомните показания Балавина, квартиранта, который нам категорически удостоверил, что еще до убийства сарай с погребом уже не находился и во владении Чеберяковой, а у нее был именно тот, на который нам указывалось. Вы вспомните его размеры, вы вспомните заключения экспертов Косоротова и Кадыяна. Эксперт Косоротов признавал, что убийство это было совершено в нежилом помещении, потому что глина пропиталась кровью, т.е. на сорочке, фуфайке и на куртке были в тех местах, где была глина, помарки. В этом отношении вы вспомните и заключение проф. Кадыяна. Проф. Кадыян нам говорил, что такого рода помарки или пропитывание глины могло получиться и потом, именно, если труп был до 12 часов перенесен в место, где находилась глина. И так как кровь в течение 12 часов не высыхает, то здесь кровь смешалась с глиной. Вы сопоставьте это и припомните, что, если даже пойти по пути проф. Кадыяна, то выйдет так: значит, труп был вынесен до 12 часов после убий-

ства, причем так как помарки были на рубаше, то вы обсудите, и если кровь не высохла, то вы можете придти к выводу, что труп выносился открытым. Только при таком положении, вы, обсудивши это, можете прийти к тому или иному выводу, и обсудите, возможно ли убийцам, не закрывши трупа, выносить его, мог ли быть местом совершения убийства сарай?

Затем я сделаю две поправки к неточностям, допущенным в речах защитников, именно присяжным поверенным Грузенбергом, на которые я указывал еще во время судебного заседания, именно относительно бумажек с протоколами. Г-н защитник указывал вам, что об этих бумажках Чеберякова говорила, что этими бумажками играли возчики в почту, это не совсем точно. Собственно говоря, это было в показании на предварительном следствии, но так как оно оглашено, то я считаю нужным установить, что Чеберякова говорила не то, что возчики играли в почту, а что такие бумажки она видела у возчиков при расчете, у рабочих, когда они уходили с завода. Затем одно неточное заявление присяжного поверенного Карабчевского. Карабчевский вчера вам в своей защитительной речи заявил, что мать покойного Приходько отказывалась от гражданского иска, не хотела выдавать доверенности и что Голубеву она отказала. Это — по заявлению Голубева. Вы вспомните показания свидетеля Голубева. Голубев говорил, что в первый раз она поехала с ним, чтобы выдать доверенность, но там не хватило бумаг, и доверенность не была выдана, а во второй раз, когда он приехал, Приходько не хотела ехать, говорила, что у нее был какой-то господин, который грозил ей, что, если она выдаст доверенность, то ей будет плохо. И это произвело на нее такое впечатление, что она раздумала выдавать доверенность. Это такого рода фактическое обстоятельство, которое я счел нужным поправить. Затем, господа присяжные заседатели, вы остановитесь и на экспертизе духовной. Здесь защита говорила, что эта экспертиза как будто совершенно не нужна и излишняя.

Должен вам сказать, что на суд ничего лишнего не допускается, а допускается только все то, что необходимо для разъяснения дела, и здесь была допущена эта экспертиза, для того чтобы выяснить, нужна ли фанатику при известном соображении, при известном фанатизме, при известной страстности, для такого рода изуверского преступления живая жертва в виде лица, в виде живого существа, в виде ребенка. Вам здесь говорили, что вы разрешаете в этом случае мировой вопрос. Господа присяжные заседатели это совершенно неверно. Никаких миро-

вых вопросов в суде не разрешается, судья не может разрешать мирового вопроса, он разрешает вопрос данного дела. Вот, собственно говоря, тот пункт, который вам предложен во втором вопросе, и вам нужно разрешить его только с точки зрения данного дела, исключительно данного дела...

Если вы согласитесь с теми выводами, которые вам вывели прокурор и гражданский истец Шмаков, то вы тогда признаете, что такие фанатики могут быть, что такие изуверские преступления бывают. Если же вы согласитесь с доводами защиты, то, конечно, вы это отвергнете. Вот, господа присяжные, все, что я считал нужным сказать по фактическим обстоятельствам дела.

Опять повторяю, что такие указания о фактических обстоятельствах дела закон обязывает меня дать, но они для вас никакого значения в смысле руководства беспорядного, обязательного не имеют. Вы с этим можете считаться или нет, вы решаете все по собственному убеждению, по внутренней совести. Принявши все обстоятельства дела во внимание, вы разрешите вопрос — так или иначе.

Еще здесь много говорилось о слухах, о молве... Это вы, господа присяжные заседатели, совершенно отбросьте — это никуда не годное обстоятельство, и закон с ними не считается. Говорилось о том впечатлении, которое производило на подсудимого Бейлиса то или другое обстоятельство дела, о впечатлении, которое производили здесь свидетели своей внешностью. Это тоже не доказательство, это тоже нужно отбросить, так как если судья с этим будет считаться, то он может впасть в ошибку, а судья должен прежде всего заботиться о том, чтобы в ошибку не впасть и принимать во внимание только доказательства.

Итак, господа присяжные заседатели, вы меня поняли. Если, сведя все воедино, вы признаете, что это убийство было совершено при таких обстоятельствах, которые изложены в первых вопросах, то вы ответите — да, доказано. Если вы признаете, что это убийство было совершено вне завода, то вы скажете: да, доказано, но не на заводе, находящемся в заведовании Зайцева.

Второй вопрос, — если вы признаете все признаки, которые здесь имеются и признаете вину Бейлиса, то вы ответите: да, виновен. Если вы некоторые признаки — об обдуманности — откинете, то ответите: да, виновен, но не заранее обдумав и согласившись с другими лицами. Если вы признаете, что эти повреждения, хотя и мучительны, но не вызывали мучительных страданий, то вы ответите: да, но не вызывали мучительных

страданий. Если вы признаете мотив другой, то есть побуждение другое, а не религиозное изуверство, то вы ответите: да, виновен, но без религиозного изуверства.

Должен вам сказать, что, отвечая на первый вопрос, вы еще дело не разрешаете по существу. Вы признаете только само событие преступления. Только при разрешении второго вопроса вы разрешаете виновность Бейлиса. Сказав на первый вопрос — да, доказано, вы все-таки не разрешили виновность Бейлиса.

Затем, если вы признаете Бейлиса виновным, то вы должны обсудить еще вопрос о снисхождении, обсудить данные, которые имеются в этом деле, — вызывающие снисхождение.

Если те обстоятельства, которые прошли перед вами, не приводят вас к заключению о виновности Бейлиса, то вы ответите — нет.

Порядок совещания таков: закон стремится к тому, чтобы каждое дело было решено единогласно, но закон не может этого достичь, так как трудно рассчитывать, чтобы все были одного и того же убеждения. Поэтому каждый вопрос решается по закону большинством голосов. Значит, в данном случае если семь против пяти будут за виновность, то вы скажете: да, виновен; а если семь против пяти будут против виновности, то скажете: нет, не виновен. Затем, если поровну голоса разделяются — значит, нет, не виновен. Всякая недомолвка, всякое сомнение — в пользу подсудимого.

Старшина — руководитель в вашем совещании, но его голос не имеет перевеса, его голос считается наравне с другими.

Я должен вам сказать, что, удаляясь в совещательную комнату, вы должны быть бесстрастными, забыть ту страстность, которая иногда проявлялась в процессе. Для судьи эта страстность невозможна. Он должен быть покоен и, обсудивши все, должен прийти к такому-то убеждению.

Здесь много говорилось о еврействе — это вы все забудьте. Говорят, что это дело имеет мировое значение — это все равно для судьи. Для судьи всякое дело важно потому, что всякое дело, как бы оно ни было ничтожно по наказанию, оно всегда для подсудимого очень важно. Судья должен сосредоточиться. Важность той обязанности, которую вы призваны исполнять, должна быть руководящим стимулом вашей деятельности. Забудьте то, что вы слышали об этом деле, то, что вы читали об этом, пока не были в суде. Забудьте те разговоры, которые были «за» или «против». Вы должны судить только по тому, что

здесь было пред вашими глазами, по тому материалу, который вам здесь предоставлялся, и только под влиянием его вы должны разрешить это дело. Будьте справедливы, беспристрастны и совершенно спокойны. Повторяю, никакого возбуждения, никакой страстности в дело не вносите. Вы разрешаете дело об убийстве, и вам нужно руководствоваться данными именно по отношению к этому делу.

Вот все, что я хотел вам сказать.

2. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу М. Жюжан*

Господа присяжные заседатели!

Двухдневное судебное следствие и оживленные прения сторон дали вам богатый разнообразный материал: он так велик и имеет такую разнородную доказательную силу, что, быть может, вам полезно получить от меня несколько указаний на те приемы, посредством которых надо обсуждать и оценивать этот материал. Закон обязывает меня дать вам эти указания, но отнюдь не считает их обязательными для вас.

Вам говорилось о характере преступления, подлежащего вашему рассмотрению. Указания обвинителя согласны с сущностью этого преступления и с обыкновенною житейскою обстановкою его. Действительно, это преступление коварное и, если можно так выразиться, трусливое. Совершитель отравления не имеет обыкновенно той смелости, которая заставляет более или менее рисковать собою, нападая на другого. Он действует тайно и иногда с видимым спокойствием удаляется прочь, когда его орудие и невидимый союзник — яд — только еще начинает свое дело. Между орудием преступления и виновником нет, обыкновенно, непосредственной тесной связи, ему нечего бояться брызг крови от удара ножом, криков жертвы, борьбы с нею, шума и дыма выстрела. Когда яд начнет действовать, виновник может быть уже в полной безопасности, скрывая и извращая следы своего участия, а иногда даже приходя с лицемерною и поздною помощью. Коварство — главное свойство отравления. Оно — продукт слабости, а не силы, ненависти и корысти, но никогда не гнева. Из этих свойств отравления вытекает трудность собрания доказательств, из них же вытекает, с другой стороны, и возможность широких предположений и догадок, не всегда основанных на действительных обстоятельствах или на верной и спокойной их оценке. Когда предлагается вопрос об отравлении, первое, что должно занять внимание, — это вопрос, о том, было ли отравление? Не имеем ли мы дела с естественной смертью? Если найдено, что отравление было, тогда, естественно, взоры обращаются к тому, кто заподозрен. Изучается его личность для того, чтобы определить, был ли он способен на такое преступление, и затем рассматриваются его

* Дело Маргариты Жюжан рассматривалось Петербургским окружным судом 6–8 ноября 1878 г. Присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт подсудимой. Напутственное слово приводится по: Кони А.Ф. Собр. соч. Т.3. М.: Юрид. лит., 1966. С. 412–424.

отношения к покойному. Они должны содержать ответ на то, была ли причина ненависти, был ли повод к такому ее проявлению. Но это далеко не все. Этого достаточно для того, чтобы заподозрить человека. Но для того, чтобы обвинять, необходимо, чтобы между отравкою и личностью заподозренного была связь, было соединение, смычка. Для того же, чтобы обвинить, чтобы выразить не мимолетное мнение, а обдуманый и взвешенный приговор о судьбе человека, всегда необходимо, чтобы это соединение было прочно, чтобы оно выдерживало серьезный напор возражений.

Нет сомнения, что в большинстве дел об отравлении нельзя искать и странно было бы требовать прямых доказательств виновности. Самая природа преступления противоречит этому. Могут быть только улики, только косвенные доказательства, из которых должно складываться предположение о виновности, о том, что именно это лицо дало этот яд и что иначе объяснить себе его присутствие в организме невозможно. Предположение это должно быть веское, должно покоиться на твердо установленных данных дела. Если житейский опыт, если обстоятельства дела говорят, что это предположение самое правильное, что оно естественно и неуклонно вытекает из сведений о личности обвиняемого, об его отношениях к отравленному, об его действиях, то смычка между личностью обвиняемого и найденным ядом существует, и обвинение тем более доказано, чем прочнее эта смычка. Но если, наряду с предположением о существовании связи между личностью обвиняемого и ядом, можно представить несколько противоположных, но равно правдоподобных, равно логичных и практических соображений и предположений, основанных тоже на прочно доказанных фактах дела, то смычка может быть разорвана и обвинение должно окантаться шатким.

Итак, умер ли Николай Познанский естественною смертью или от яду?

Вы слышали экспертизу. Она произведена профессором-специалистом при участии прозектора и полицейского врача, которые, по своей специальности, особенно привыкли обращаться с трупами и видели на своем веку многих людей, умерших естественною смертью или насильственной, от своей или чужой руки. Двое последних сами производили вскрытие Николая Познанского и говорят нам не о том, что слышали от других или прочли, а о том, что видели. Вы знаете, как шло их исследование. Они двигались ощупью, боясь ошибиться, тщательно исследуя почву

под ногами. Они долго колебались, прежде чем произнесли роковое слово «отравлен». Они призывали к себе на помощь других специалистов и, в окончательном результате свидетельствуют здесь, что Познанский лишился жизни от приема морфия в количестве, достаточном для причинения смерти взрослому человеку. Когда экспертиза произведена знающими людьми и с тою осторожностью и недоверчивостью к себе, которые вызываются ее важностью для дела, ей можно верить. Вы, конечно, можете ее отвергнуть, но так как, вероятно, вы этого не сделаете, то вам надо будет перейти к рассмотрению сведений о личности Жюжан, о характере и свойстве отношений ее к покойному.

В этом отношении данные дела разделяются на две группы — за и против Жюжан. К первой группе относятся показания свидетеля Мягкова, квартирных хозяек подсудимой и письма, написанные к ней и о ней, представленные вам на суде. У вас может явиться мысль, что те, кто в письмах так горячо относится к ней, так молит Бога поддержать ее в несчастье, лучше бы сделали, если бы явились сюда подкрепить живым словом свое письменное участие к Жюжан. Но я должен вам объяснить, что свидетели такого рода могли явиться лишь в случае вызова их подсудимую. Явка в суд и продолжительное ожидание допроса не всегда признаются приятною обязанностью, а эти лица принадлежат к тем, в среде и в заведениях которых Жюжан давала уроки. Если она уверена в своей невинности, если она питает надежду выйти из суда оправданною, естественно, что она не хочет тревожить тех, к кому ей, может быть, придется обратиться потом за помощью, — и она ограничивается их письмами. Вам было представлено весьма характеристическое разделение знакомых Жюжан на два слоя. В одном Жюжан была строгою, высоко нравственною воспитательницею, в другом — сама собою, со всеми порывами страстной французской природы, вращающейся в среде русского распущенного добродушия. Свидетельство, идущее из первого слоя, должно поэтому рисовать перед вами не настоящую, а искусственную Жюжан — и не заслуживает доверия. Вы оцените основательность такого разделения знавших Жюжан, но вы примете, однако, во внимание живые национальные особенности подсудимой, при которых, быть может, ей было бы трудно постоянно играть роль и раздвояться, а также и то, что ее квартирные хозяйки едва ли могут быть отнесены к первому слою.

Вторая группа данных весьма разнообразна. Прежде, чем оценивать их, я советую вам припомнить, что обыкновенно,

когда преступление или какое-нибудь тягостное событие взволновывает и иногда даже совершенно разбивает какой-нибудь кружок или семью, то подозрения и предположения, спавшие мертвым сном до события, вдруг всплывают наружу самым неожиданным образом. Тут появляется обыкновенно то, что можно назвать предусмотрительностью задним числом. Рядом с этим, подозрительность нередко внушает такое одностороннее истолкование фактов, что на деле, рядом с серьезными уликами, образуются излишние наслоения, лишённые внутреннего содержания пузыри.

Обязанность суда, господа присяжные заседатели, срезать эти наслоения, снять эти пузыри. К таким данным, которые можно без ущерба для справедливости выбросить совершенно из соображений по делу, относятся — рассказ о котлетах, поданных накануне смерти Николаю Познанскому и возвращенных в кухню «в растерзанном виде», и рассказ о подкупе подсудимую няни Рудневой. История о котлетах явилась на суде так неожиданно, так непроверенно и неопределенно, что ей нельзя придавать значения, а о подкупе Рудневой тоже трудно сказать что-нибудь точное. Могло быть недоразумение, весьма понятное между русскою нянею и французскою, не умеющей правильно употреблять слова «свой», «себе». Но суд должен иметь дело с фактами, а не с недоразумениями. Здесь говорилось много о поведении Жюжан во время похорон Познанского и в первое время по получении известия о его смерти. Поведение подсудимой, после совершения приписываемого ей преступления, может быть рассматриваемо двояко: как ряд действий, выражавших стремление скрыть следы преступления, отклонить или направить исследование на ложный путь, или как ряд поступков, слов, движений, выражающих душевное ее настроение. Действия для скрытия следов преступления должны подлежать тщательной проверке; иногда они содержат в себе неотразимые указания на виновность. Но душевное настроение обвиняемого после приписываемого ему преступления — это скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы, произвольность которых бывает связана с отсутствием каких-либо для них границ. Лучше не ступать на эту почву, ибо на ней нет ничего бесспорного. Подсудимая целовала голову отца Познанского, убирала гроб его сына цветами, ночевала недалеко от трупа; встревоженная и ослабевшая, по словам юнкера Бергера, в первую минуту, она была потом, по-видимому, спокойна и только на последней панихиде впала в истерику и звала госпожу Познанскую, от которой перед

тем получила на память запонки отравленного. Какая закоренелость, какое преступное бездушие! — воскликнут одни... А быть может, спокойствие сознаваемой невинности, ответят другие. Где правда? Где мерило для оценки значения душевного настроения Жюжан? Несомненно лишь то, что горе, которое, как близкая в семье Познанских, Жюжан должна была чувствовать, если она была невиновна, могло выразиться в ряде действий, о которых я только что сказал. И свидетели, и подсудимая в этом согласны. Но законов для выражения горя не существует. Горе и радость, больше чем все другие душевные настроения и порывы, не подходят под какие-либо психологические правила. Все зависит от личных свойств, от темперамента, от нервности, от обстановки, от впечатлительности. Одного горе поражает сразу и «отпускает» понемножку; другие его принимают бодро и холодно, но хранят его в душе, как вино, которое тем сильнее, чем старше. От одного и того же нравственного удара один человек застывает и, уходя в себя, не в силах даже облегчить себя слезами, тогда как другой разливается рекою слез. Вот почему, господа, вы можете оставить поведение Жюжан, после смерти Познанского, без рассмотрения. Но если вы пожелаете ему придать значение, то в интересах правосудия, советую вам смотреть на него, как на последнюю дополнительную черту к преступлению, которое перед вами «доказано», а не как на улику, «доказывающую» преступление, в котором обвиняется подсудимая.

Когда эта группа данных будет очищена от излишних наслоений, в ней останется ряд показаний об отношениях между Жюжан и покойным Познанским. Подсудимая говорила здесь, что все существенное, что показывают эти свидетели, — ложь или, как она выразилась, «вранье». Вы припомните весь ряд этих свидетелей, начиная с шести молодых учащих людей, в обществе которых Жюжан, по их словам, допускала слишком вольное с собою обращение, переходя к няне Рудневой и горничной Яковлевой, которые слышали от нее сознания, исполненные грязных подробностей о ее связи с невывшедшим еще из отрочества Познанским, и кончая Татьяною Казанской, которая, не щадя и себя, нарисовала пред вами последствия ее пиროвания с Жюжан. Если вы найдете, что все эти свидетели, несмотря на разность лет, положений и отношений к Жюжан, несмотря на связующую их всех присягу, поголовно говорят ложь, вы отвергнете их показания, и в деле останется пробел, который трудно будет чем-либо наполнить; но если вы не отвергнете эти показания, то вам придется припомнить существенные их черты и до-

полнить рассказами Николая Познанского. Эти существенные черты содержат в себе указания на первоначальную нежность отношений между Жюжан и ее учеником, которого расположил к ней ее веселый, необидчивый нрав, на довольно скорый переход от нежности к страсти со стороны Жюжан и к пробуждению инстинктов в Познанском, последствием которого явились их близкие отношения между собою. Если признавать существование этих отношений, то необходимо иметь в виду, что по самой разности лет отношения эти не могли долго оставаться одинаковыми. По естественному ходу вещей, каждый месяц должен был приближать подсудимую к старости, каждый месяц должен был открывать перед мужавшим отроком, который притом пользовался полною свободой, новые горизонты и возможность иных, лучших отношений. Отсюда могли, по мнению обвинителя, вытекать охлаждение, с одной стороны, и стремление удержать за собою привязанность юноши, с другой стороны, стремление, от которого легок переход к ревности. Житейский опыт поможет вам, господа присяжные, осветить эту часть дела надлежащим образом, а память восстановит разные мелочные подробности, о которых вы слышали преимущественно при закрытых дверях. Для оценки характера этих отношений, во всяком случае, не следует забывать неотвергаемой и самую подсудимую сцены ссоры с Николаем Познанским, начавшейся требованием Познанского, чтобы Жюжан увели из его комнаты, за что она взяла его за ухо, и кончившейся тем, что приведенного в исступление юношу пришлось крестить и запирать на ключ. Не надо упускать из виду и того цинического выражения покойного о Жюжан, которое написал вчера, по моему предложению, на бумаге гимназист Соловьев. Если вы поверите ему, что такие именно слова были произнесены Познанским в кругу товарищей, то вы, конечно, найдете, что в них нет следа любви, нежности или просто даже уважения, с которым обыкновенно относится молодое существо к предмету своей привязанности, и что они представляют собою выражение грубого, чувственного молодечества, от которого недалеко до охлаждения и даже до отвращения. Когда пред вами, так или иначе, выразится Жюжан в отношениях своих к Николаю Познанскому, вам придется вернуться к причине смерти его — отравлению и удостовериться, существует ли между ядом в теле Познанского и Маргаритой Жюжан та связь, та смычка, о которой я вам говорил.

Данные, которые должны смыкать отравителя с его жертвою, распадаются на два неизбежных звена: желание причинить

вред и самое причинение вреда. Они должны быть тесно связаны одно с другим, они немыслимы, при умышленном отравлении, одно без другого.

Рассматривая вопрос о желании Жюжан причинить вред или погубить Познанскому, вы прежде всего остановитесь на доносе. Он был подвергнут двоякой экспертизе, по содержанию и по способу письма. Защита доказывала вам, что каллиграфическая экспертиза вообще не заслуживает доверия. Я должен сказать, что хотя такая экспертиза в последнее время, в особенности во Франции, и сделала большие успехи, но она еще не достигла полной степени совершенства. Здесь, впрочем, экспертом Бувеским был употреблен не только прежний прием сравнения очертания букв, но и новый прием исследования «привычек» письма. Поэтому экспертиза эта представляется произведенною с достаточною полнотою. Рядом с нею идет экспертиза «стиля», т. е. языка доноса. Если б экспертизы расходились или противоречили одна другой, их бы следовало исключить из числа соображений, но они сходятся в выводах. Вы столь внимательно вникали в производство их, сами тщательно рассматривая, читая и сличая донос, что, конечно, придете в оценке экспертиз этих к правильному выводу. Напомню только, что эксперты второго рода признали, что донос написан человеком, владеющим французским языком, но с такими грубыми ошибками, которых не нарочно не может сделать знающий язык и не делают обыкновенно учащиеся языку. Мог ли русский лакей Василий, прислуживавший на гимназической пирушке, написать такое письмо — разрешите вы сами.

Переходя к обсуждению значения этого доноса, приходится встретиться с двумя крайними мнениями. Защита, не допуская вообще возможности написания такого доноса, высказывает предположение, что если б он и был написан подсудимой, то не иначе, как в виде шутки, необдуманной и глупой, но все-таки шутки. Обвинение видит в доносе проявление глубокой и долго сдерживаемой ненависти против Познанского и всей его среды. Это крик неразборчивого и ослепленного мщения, желающего гибели отнимаемому и отнимающим. Вы припомните обстановку подсудимой и то, что она всего более была близка с семейством, где она не могла не слышать неоднократно о том, какие тяжелые результаты могут иметь обвинения вроде тех, которые взводятся в доносе на Познанского и товарищей его, где она не могла не понять, каким, в тревожные времена, опасным оружием является донос с обвинением «в дистиллирова-

нии ядов для целей образовавшегося заговора». Вы определите, таким образом, могла ли здесь быть только шутка и для чего было так странно шутить. Если окажется, что это мало похоже на шутку, то придется обратиться к предположению обвинения в том, что желание погубить Николая Познанского было довольно несомненным. Но, обсуждая обвинение с этой стороны, следует, однако, разрешить вопрос: было ли это исключительное желание гибели этого юноши, суда над ним, строгой кары, которая отразилась бы на всей его жизни? Не был ли донос вызван желанием вернуть к себе охлаждающего юношу, которого отвлекает кружок молодых людей и девушек, и для этого разогнать, распугать этот кружок производством о них какого-то «дела», которое, без сомнения, кончилось бы пустяками, ибо не имело бы фактических оснований, но которое заставило бы испуганных родителей принять меры, чтобы дети побольше сидели дома, с книгами и друзьями, вроде Маргариты Жюжан, и поменьше бывали в навлекающем подозрение кружке. Вы оцените каждое из этих трех возможных объяснений доноса и остановитесь на том, которое ближе других к жизни и характеру подсудимой.

Второе звено — причинение вреда — должно заставить вас тщательно обсудить ряд предположений, высказанных на следствии и вытекающих из дела. Но прежде всего два слова о предположении самой подсудимой, помещенном в обвинительном акте и о котором говорил здесь полковник Познанский. Хотя о нем в прениях не упоминалось и самая чудовищность такого обвинения против родителей, по-видимому, остановила и Жюжан от повторения его на суде, но я все-таки считаю нужным напомнить вам отношения семьи к покойному, воспоминания о которых должны изгладить самый след такого подозрения. Вы найдете, может быть, что в семье этой, к сожалению, невмешательство в поведение сына основывалось не на разумной свободе действий, а на смутной неопределенности отношений, и что между распущенностью перерезанного организма, с одной стороны, и неокрепшим духовно и физически организмом сына — с другой, родительская власть не становилась как преграда, не только законная, но в данном случае даже обязательная. Но вы найдете также, без сомнения, в показаниях родителей, данных пред вами, такую горячую любовь к сыну и такую глубокую скорбь о его безвременной кончине, что вы решительно отвергнете всякую, даже отдаленную, возможность мрачного предположения Маргариты Жюжан. Оно не более, как змейка, которая скользнула по

делу, никого не успев ужалить. Затем вы придете к ряду предположений, заслуживающих внимания и разбора. При этом вы не забудете, конечно, что яд, который найден в теле покойного, найден после весьма сложных исследований со стороны специалистов и в лекарстве, которое принимал покойный. Йодистый калий, который находится здесь пред вами в стеклянке, содержит в себе, вопреки сигнатурке аптеки, морфий в таком количестве, что столовая ложка раствора заключает в себе около трех гранов морфия. Это обстоятельство надо иметь в виду при всех соображениях, и в какие бы предположения о причинах смерти мы ни вдавались, лекарство с морфием должно служить компасом, не допускающим слишком уклоняться в сторону произвольных выводов. Первое предположение — случай. Возможно ли отравление случайное? Морфий, как показали свидетели, был обыкновенным лекарством полковника Познанского. Он не очень охранялся. Он составлял домашнее снадобье, находившееся всегда под рукою. В деле нет непреложных указаний, чтоб он не мог попасть в комнату или в руки Николая Познанского. Йодистый калий принимался с прибавлением яблочно-кислого железа. От прибавления морфия вкус, по мнению экспертов, значительно измениться не мог. Николай Познанский был болен краснухою, которая вызывает слабость глаз, он носил консервы и мог смешать железо с морфием. Обсуждая это предположение, вы не забудете, однако, что морфий был в порошке, который приходилось бы «высыпать» в стеклянку или в ложку, а яблочно-кислое железо было прописано в каплях, которые приходилось бы «вливать»; что покойный вообще не принимал лекарства ночью и что он был до крайности, как видно из нескольких эпизодов, относительно здоровья и употребления лекарств.

Второе предположение — ошибка аптеки, о которой прежде всего стала думать и говорить госпожа Познанская, найдя в комнате сына стеклянку с белыми потоками, а на губах сына смывтый ею осадок белого порошка. Ошибки аптек и неосторожные, вследствие этого, отравления возможны и, как показывает судебная практика, хотя не часты, к счастью, но все же иногда бывают. Николай Познанский принял с 16 апреля не менее четырех ложек — и следов отравления не было. Вы не забудьте, что раствор *Kali jodatum**, в момент смерти Николая Познанского, содержал на каждую ложку такое количество морфия, которого достаточно, чтобы отравить взрослого человека.

* Йодистого калия (лат.).

Третье предположение — самоубийство. В последние годы, господа присяжные заседатели, наше общество страдает тяжелым нравственным недугом. Развитие его не может не озабочивать всякого мыслящего человека. Недуг этот — самоубийство. Известиями о лишивших себя жизни полны вседневные известия газет. Быть может, недуг этот врывается и в среду близких или знакомых нам людей. В этом явлении есть одна особенно тяжелая сторона. Лишают себя жизни не только люди утомленные, пресыщенные или измученные жизнью, самоубийство простерло свое черное крыло и над юностью, и над детством, когда ни о пресыщении, ни об утомлении не может быть и речи. Здесь не место исследовать причины этого явления, но нельзя не заметить, что иногда, при рассмотрении обстоятельств жизни некоторых юных самоубийц, оказывается, что они вступили в жизнь, предьявляя к ней большие и нетерпеливые требования, богатые сырым материалом знаний и бедные душевною жизнью, равнодушные к вечным вопросам веры и преждевременно разочарованные. Жизнь никому не дает пощады, и когда она наносит свои первые удары таким людям, пред ними сразу меркнет всякая надежда, смущенная душа ни в чем не находит опоры, да и не умеет ее искать, и они в бессильном отчаянии опускают руки, а затем — поднимают их на себя.

Вглядитесь в личность Николая Познанского и обдумайте, принадлежит ли он, по свойствам своим и воспитанию, к таким людям, были ли у него причины тяготиться едва начинавшеюся жизнью и поводы к разлуке с нею? Вы слышали, что в дневнике своем он выражает недовольство собою, с холодным потом вспоминает последствия волнения, в которое была приведена его кровь с 14-летнего возраста; боится разочарования и неизбежного, по его мнению, одиночества в жизни и с горем сознает, что потерял веру в Бога, которую ему ничто уже возвратить не может. В этом же дневнике он огорчается на нравящуюся ему девушку и предвидит, что ему или его сопернику рано или поздно придется переселиться в лучший мир... Если эти места дневника возбудят в вас предположение о самоубийстве, то вам придется тщательно обсудить вопросы, зачем он отравился посредством лекарства, а не прямо? Зачем морфием, а не ядом из сильнейших и быстрейших ядов — цианистым калием, который был у него в лаборатории в большом количестве? Почему по примеру большинства образованных самоубийц, лишавших себя жизни не в припадке безумия, не оставил он предсмертной записки, нескольких слов о том, что в его смерти

никто невиновен, чтобы иметь возможность уничтожить подозрения на невинных? Вы сопоставите также это предположение с указанной многими свидетелями любовью его к жизни и страхом смерти, о которой он не любил даже говорить или слышать, а при оценке степени его огорчения на госпожу Плюцинскую припомните те два письма, которые были прочитаны вчера. Эти письма явились, как две светлые точки, как два чистых звука среди массы неприятных и нечистых подробностей вчерашнего заседания. Они делают честь людям, их писавшим, и отнюдь не содержат в себе указания на огорчение, могущее довести до самоубийства. Наконец, надлежит припомнить дневник во всем объеме, прочитанном на суде. Рядом с недовольством собою, с горькими открытиями об «отношениях к женщинам и к родителям» Николай Познанский выражает в нем заботу о здоровье, стремление воздерживаться от пылкости, жажду деятельности и славы, желание облегчить родителей своим трудом, надежду на успех в музыке и медицине. «Я свой собственный кумир, — говорит он, — я люблю себя, как нежная мать свое дитя». «Работы! Работы!» — восклицает он в другом месте. Вообще я должен сказать вам, что дневник всегда является доказательством, к которому надо относиться очень осторожно. Кроме тех редких случаев, когда дневник бывает результатом спокойных наблюдений над жизнью со стороны взрослого и много пережившего человека, он пишется в юности, которой свойственно увлечение и невольное преувеличение своих ощущений и впечатлений. Предчувствие житейской борьбы и брожение новых чувств налагают некоторый оттенок тихой грусти на размышления, передаваемые бумаге, и человек, правдивый в передаче фактов и событий, обманывает сам себя в передаче своих чувств и мнений. Притом — и всякий, кто вел дневник, вероятно, не станет отрицать этого — юноша обыкновенно почти бессознательно отдается представлению о каком-то отдаленном будущем читателе, к которому попадет когда-нибудь в руки дневник и который скажет: «Какой был хороший человек тот, кто писал этот дневник, какие благородные мысли и побуждения были у него» — или «как бичевал он себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умел он питать». Поэтому дневник может служить скрепою и дополнением между другими уликами, но как к самостоятельному доказательству к нему надо относиться весьма осмотрительно.

Четвертое предположение — отравление постороннею рукою. Здесь вы встретитесь неизбежно с обвинением, взводи-

мым на Жюжан. Вы обсудите его со всем вниманием, призвав на помощь вашу совесть, разум и житейский опыт. Вы выведете решение, которое вам подскажет первая и которое не должно противоречить ни второму, ни третьему. Я только напомню вам, что Жюжан, пред уходом, около часу ночи, давала лекарство Познанскому, что в седьмом часу Лидия Шульц слышала у него в комнате стук, похожий на чирканье спичкой и удар твердым телом, что в 9 часов он был найден еще теплым, в необычном положении на своей постели, что, по мнению экспертов, при отравлении морфием, до наступления спячки, возможны конвульсивные движения и что срок смерти зависит от особенностей организма и состояния желудка, что покойный не ужиная и принял слабительное и что, наконец, по словам свидетелей, Жюжан выражала особое опасение за его здоровье, когда другие такой опасности не замечали. В этих данных и в тех подробностях, которые вы припомните из дела, вы будете черпать основы для суждения о том, была ли смерть Познанского делом рук Жюжан и есть ли это самое сильное и прочное из всех предположений, которые можно сделать в этом деле... Порядок совещаний ваших вам известен: решение постановляется по большинству, при равенстве голосов решение основывается на голосах, благоприятных подсудимой. Сомнение, строго продуманное и оставшееся таким после тщательного разбора, толкуется в пользу обвиняемого. При признании виновности во всяком случае вы можете дать снисхождение. Закон требует, чтобы оно было основано на «обстоятельствах дела». Но из всех обстоятельств дела, конечно, самое главное — сам подсудимый. Поэтому если в его жизни, в его личности, даже в слабостях его характера, вытекающих из его темперамента и его физической природы, вы найдете основание для снисхождения, вы можете к строгому голосу осуждения присоединить слово христианского милосердия. Вашему разрешению подлежит трудное дело. Желаю вам выйти из него с величайшею принадлежностью судьи — спокойною совестью пред обществом, которое вы должны ограждать и от осуждения невинных, и от безнаказанности виновных.

3. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу К. Юханцева*

Господа присяжные заседатели!

Чем сложнее дело, подлежащее нашему разрешению, тем более внимания должны вы употребить на то, чтобы из массы мелких подробностей и частных выделитель те обыкновенно немногие, но коренные данные, по которым составляется ясное представление о существе самого дела. Забудьте на время эти подробности. Они не в силах создать зрелого убеждения о вине или невинности подсудимого; они только могут более или менее ярко окрасить впечатления, выносимые вами из дела. Сосредоточьте всю силу разума вашего на немногих, но неизбежных вопросах. Позвольте мне помочь вам в этой работе. В каждом уголовном деле есть три вопроса, тесно между собою связанные. Они одинаково достойны серьезного обсуждения. Их можно рассматривать отдельно, но итог надо подводить по всем вместе. Иначе решение будет неполно, односторонне, не будет проникнуто живым чувством правды. Прежде всего, доказано ли преступление, в котором обвиняется Юханцев? Подсудимый и прежде, и здесь на суде не отрицал совершения растраты денег, в огромной сумме вверенных его хранению. Подсудимый не умаляет требований гражданского истца, не смягчает размеров своего деяния. Собственное сознание всегда признавалось одним из лучших доказательств, если оно дано было без принуждения, нравственного или физического, или если нельзя было заподозрить, что признающийся сознательно, в виде каких-либо великодушных порывов, губит себя и приносит себя в жертву, или, наоборот — торгуется с судом, и сознанием в меньшей вине старается купить возможность умолчания о большей вине и оставления ее без рассмотрения. Вы посудите, есть ли в словах Юханцева признаки такой жертвы или попытка войти сделку с правосудием. Если вы не найдете ни того, ни другого, то припомните, что сознание сделано им открыто и без колебаний, впервые даже и не суду или его органам, а кассиру Мерцу. Следовательно, оно не было вынуждено, но было добровольное. Но этого мало. Опасно приписывать человеку преступление только потому, что он сам себя обвиняет, когда обстоятельства, эти молчаливые свидетели и до-

* Дело слушалось в Петербургском окружном суде 22–25 января 1879 г. Подсудимый вердиктом присяжных был признан виновным. Напутственное слово приводится по: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 3. М.: Юрид. лит., 1966. С. 397–411.

казчики преступления, идут вразрез с сознанием или не подтверждают его. Они должны сопровождать сознание. Они придают ему цену и как доказательству преступления и как указанию на отношение подсудимого к своей вине. Отыскивая эти обстоятельства в деле, вы остановитесь на экспертизе, весьма редкой по своему содержанию. Бухгалтерская экспертиза требует особого навыка и особых специальных знаний. Если в представителях ее вы не найдете признаков навыка или ручательства в полном обладании прочными знаниями счетоводной техники, если заключение их нетвердо, шатко, уклончиво, вы хорошо поступите, если отвергнете экспертизу и не будете ее считать доказательством. Но если экспертиза произведена и выражена со спокойствием и достоинством истинного знания, если сами эксперты являются настоящими представителями своей специальности, то экспертизу надо принять и прислушаться к ней со вниманием и уважением. Вы слышали, что говорили эксперты, вы знаете, кто они: один — опытный чиновник министерства финансов, другой — бухгалтер частного банка, третий — представитель счетоводного учреждения и изобретатель новой системы, системы тройной бухгалтерии. Они подтверждают цифрами и строгим исследованием то, что по своим воспоминаниям говорит Юханцев. Поэтому вы, вероятно, признаете деяние Юханцева доказанным. Тогда из ряда подробностей и отдельных объяснений, данных на суде, вы восстановите простейшую картину того, что делал он. Вы увидите, что, имея в руках чековые книжки по текущему счету Общества взаимного земельного кредита, открытому Государственным банком, подсудимый брал по чекам, доверчиво подписанным управляющим и иногда даже бухгалтером, деньги с текущего счета, показывая затем чеки на меньшую против действительности сумму или вовсе не показывая их в своих ведомостях или памятных записках, т.е. совершал или перебор денег Общества, или прямое их присвоение. Вы припомните затем, что подобные действия повторялись и с деньгами, на взнос которых на текущий счет подсудимый получал ордера. Он или не вносил их вовсе, присваивая себе, или же вносил меньше, чем следует, оставляя недостающую сумму себе. Когда, по некоторым признакам, начинала на его казначейском горизонте показываться туча, называемая ревизией, подсудимый пополнял пробелы и прорехи своих текущих счетов и для этого сводил концы с концами взносами наличных денег. Из его слов вы знаете, что он изглаживал таким образом следы одного злоупотребления посредством другого.

Это другое состояло в том, что он закладывал в Государственном банке облигации, которые хранились в кассе в пакетах. Это были большие и прочные ценности, рассчитанные на фунты стерлингов, т.е. на золото, и составлявшие часть вспомогательного капитала, данного правительством Обществу, чтобы придать его операциям наибольшую солидность. В 1875 году в ревизии кассы был внесен несколько больший, хотя все еще недостаточный порядок, и подсудимый, прекратив свои действия с чеками, начал с этого времени исключительно пользоваться вверенными ему ценными бумагами, закладывая их, продавая в разные руки и получая разницу между ценою, по которой они бывали заложены, и биржевою, по которой их продавал Зингер, причем к началу 1878 года дошел до громадной цифры, превышающей два с половиною миллиона рублей. Эксперты определили вам, сколько приблизительно осталось в его пользу за вычетом расходов по оплате купонов, платежу куртажных денег, процентов по ссудам из банка и т.д. Остается все-таки большая сумма. Что сделано с нею? Истратил, роздал, разбросал в неудержимых тратах без оглядки назад, без заглядывания вперед, говорит подсудимый. Припрятал, утаил, припас на черные дни, говорят обвинители. Растратил, выражаясь юридическим языком, говорит Юханцев, присвоил — утверждает прокурор. Я должен вам сказать, господа присяжные заседатели, что для нравственного суда над Юханцевым без сомнения полезно определить, что именно он сделал с деньгами, которые он так широко черпал в кассе Общества. Между растратою и присвоением существует серьезная нравственная разница, и о какой бы сильной распущенности ни говорила растрата, разбрасывание чужих денег, но она все-таки по отношению к обвиняемому лучше, чем та преступная предусмотрительность и запасливость, которыми характеризуется присвоение, в котором место увлечения занимает уже расчет. Но, с точки зрения закона, присвоение и растрата суть преступления равносильные. Закон видит исходную точку преступления в обоих случаях одинаково в обмане доверия, злоупотреблении положением и указывает на результат преступления — вред или убыток, одинаковый и от растраты чужих денег, и от их припрятания.

Вот почему я не советую вам долго останавливаться над рассмотрением этого спора, тем более что для точного и справедливого его разрешения не представляется достаточных данных, а есть только предположения, основанные на сомнении в возможности истратить в пять лет такие суммы. Но предположения

и сомнения, как бы правдоподобны они ни казались, без фактической опоры — непрочный материал для верного решения. Вот почему и суд спрашивает вас не о том, растратил ли или присвоил себе Юханцев деньги, а ждет вашего ответа на более широкий вопрос — употребил ли Юханцев в свою пользу ценности, вверенные ему Обществом?

Когда будет уяснено, когда и как сделал Юханцев злоупотребление своим положением кассира, надо будет взглянуть в условия, при которых совершены его деяния. Человек действует не в пустом пространстве, и чтобы правильно оценить его действия, необходимо знать условия, в которые он был поставлен, обстановку, в среде которой совершено было преступление. В речах сторон вам намекалось, что эта обстановка была слишком заманчива для человека со слабою волею и широкими замашками, каким считает Юханцева защита, для смиренного хищника, как называет его представитель обвинения. Обстановка, по мнению сторон, слишком облегчала преступление, слишком широко открывала ему доступ в недра кассы Общества. При обсуждении этой стороны дела вы, вероятно, остановитесь, господа присяжные, на этом свойстве кассовой обстановки Юханцева. Я только советую вам не разбрасывать ваших сил и не вдаваться, следуя за сторонами, в слишком подробную оценку участия членов правления и администрации Общества в допущении порядков или, пожалуй, беспорядков, под покровом которых действовал Юханцев. В настоящем деле вы призваны судить Юханцева, а не их. Те ошибки и недосмотры, на которые указывают вам, не могут оправдывать Юханцева и не должны мешать вам разглядеть свойство его действий; притом вопрос об имущественной ответственности членов правления и администрации Общества настоящим делом отнюдь не исчерпывается. Поэтому обсуждайте действия этих лиц постольку, поскольку они касаются кассирской деятельности подсудимого, и не вступайте в путь, без сомнения интересный и богатый выводами, но отвлекающий вас от прямой задачи вашей. «Не клади плохо, не вводи вора во грех», говорит пословица — выражение народной мудрости, и в жизни она часто приводится как объяснение действий «введенного во грех». Но мудрость не всегда одно и то же, что нравственность. Нравственное достоинство этой пословицы весьма сомнительного качества, а мудрость в ней заключается более в совете и предостережении кладущему, чем в оправдании берущего. Действительно, если вы припомните все раскрытые здесь факты об

устройстве контроля над кассиром, то вы, вероятно, придете к заключению, что контроль этот почти отсутствовал, был какой-то мнимый. Он состоял, в общих чертах, в проверке показаний кассира по справке из контокоррентной книги Общества, веденной согласно с сведениями, которые сообщал тот же кассир. При таком контроле ревизия кассира сводилась к тому, что, в сущности, кассир ревизовал бухгалтера в правильном записывании сообщаемых им сведений. Такая мнимая ревизия сопровождалась приемами, преисполненными неосторожного доверия. Вы припомните показание подсудимого о бланковых чеках, выдаваемых ему бесконтрольно на руки, и о том, что если бы, по словам Юханцева, при ревизии хоть раз была сосчитана в книжке текущего счета сумма, то подведенный им итог оказался бы неверным и все бы открылось. Не подлежит сомнению, что отношения правления и управляющего к Юханцеву были проникнуты не спасительною в финансовых делах осторожностью и зоркою наблюдательностью, а безграничным доверием, которое проявлялось с самым открытым простодушием. Нельзя не пожалеть об этом, нельзя не видеть вреда в таком нецелесообразном и неуместном доверии, но для оценки его значения по отношению к Юханцеву надо принять в соображение, при каких условиях оно ему оказывалось и в какие условия оно его ставило. Доверие и особенно такое безграничное, оказанное сразу, без колебаний и испытаний, человеку новому, пришлому, мало известному, в некоторых случаях являлось бы преступною неосторожностью. Человек взят из чужой сферы и сразу бесконтрольно и безнадзорно допущен к миллионам, к золоту, которого он прежде, быть может, и не видывал в таких массах. Это его может опьянить, пошатнуть слабую волю, смутить дряблую совесть. Вы посудите, однако, был ли Юханцев таким человеком, было ли ему оказано такое доверие сразу как человеку новому и пришлому, или начало растрат относится ко времени, которое следовало за шестилетней безупречною и регулярно деятельностью его в качестве испытанного кассира. В последнем случае этому доверию вы отведете небольшое место в числе тех факторов, которые привели Юханцева к тому, в чем он сознается. Вы обсудите потом, насколько отсутствие правильного контроля облегчало совершение растрат и их размер. Вы вспомните при этом, что, по мнению экспертов, при правильно построенном контроле растрата была бы открыта на первых же порах, т.е. в 1873 году, и не превышала бы 9 тыс. руб., и возобновите в вашей памяти эпизод о слухах, доходив-

ших до правления о жизни Юханцева и о появлении на бирже именно тех, по удостоверению Зака и Эстеррейха, консолидированных облигаций, которые должны были храниться в кассе Общества. С другой стороны, вы обратите внимание и на то, что отсутствие правильного контроля, обуславливая легкую возможность пользования ценностями Общества, в то же время давало и возможность подсудимому не раз одуматься, остановиться и собраться с силами, чтобы восполнить, до обнаружения, те недочеты, которые он сделал в кассе, ему вверенной. Где контроль строг и действителен, там обыкновенно нет времени и возможности оглянуться, как уже растрата выяснена и закреплена каким-нибудь актом. В этих случаях оттяжки рокового часа открытия и возможности исправления не существует. Вы спросите себя, так ли было в деле Юханцева. Если не так, то вы найдете, что существовавший до 1876 года контроль, дававший возможность совершать растраты, не отнимал в то же время возможности исправить сделанное, не махая в безнадежном отчаянии рукою на будущее.

Третий вопрос — внутренняя сторона действий подсудимого, его мотивы, побуждения. Вы слышали историю происхождения растраты, рассказанную Юханцевым. Страстная любовь к жене, которая, по словам его, не хотела признавать за мужем никаких прав, а допускала с его стороны лишь обязанность удовлетворять своему избалованному вкусу к роскоши, вовлекала его в долги, которые были покрыты из текущего счета Общества взаимного поземельного кредита, а этот счет был покрыт из кассового сундука с ценностями, причем оттуда было захвачено много более, чем было нужно для погашения долгов, ибо в это время, окончательно лишившись жены, Юханцев потерял голову и сам не знает, как и куда тратил громадные суммы, отыскивая развлечения и забвения... Вы решите, насколько правдоподобна эта история растраты и насколько необходима для укрепления этой правдоподобности разоблачения, сделанные подсудимым, из такой области своей домашней жизни, которая обыкновенно скрывается от чужих взоров и любопытства. Вам главным образом принадлежит право оценить, насколько, для справедливого освещения дела, следовало «оживлять» на суде ту семейную жизнь, которая, по словам письма подсудимого к брату, должна была «умереть между ними», и изображать себя игрищем судьбы между одинаково не принадлежавшими ему ценностями и женою. Люди житейского опыта, вносящие в свою деятельность знание жизни в ее обык-

новенной, трезвой обстановке, вы, быть может, найдете в объяснениях подсудимого, отбрасывая в сторону их подробности, указание на то, что он, так или иначе, не был счастлив в семейной жизни. Насколько же в несчастливой или даже несчастной семейной обстановке можно искать объяснения поступкам Юханцева? Счастье семейное — далеко не общее правило, и бывают переходные времена, когда в известных слоях общества вследствие разных нравственных колебаний счастливый склад семейной жизни вместо общего правила становится исключением из него. Вы видывали, конечно, в жизни такие положения, знаете и обыкновенный более или менее понятный исход из них. Человек развитой, не весь преданный стремлениям к личному счастью и одаренный волею, ищет обыкновенно утешения во внешней деятельности, в общественных заботах, в таком труде, который, хотя бы материально, наполнял его жизнь, не давая времени задумываться над неприглядностью своего домашнего положения. Быть может, если бы заглянуть в глубину частной жизни некоторых горячих тружеников общественного или государственного дела, в ней была бы открыта именно такая неприглядность домашней обстановки. Человек со слабой волею, не находящий удовлетворения вне своего я, будет искать утешения и забвения нередко в вине. Этот тип встречается, как вы знаете, чаще. Итак, — или честная, поглощающая деятельность, или стремление заглушить свое сознание. Но можно ли, натурально ли искать утешения в том, что к ощущению семейной пустоты еще прибавляет сознание совершаемого преступления и совершаемого притом не в минутном увлечении или порыве? Этот вопрос решите вы, не забыв притом, что обыкновенно у человека, теряющего голову от семейного несчастья, даже в чаду хмеля и кутежа сквозит скорбь о разбитом счастье и сознание невозможности замены его чем-либо иным, новым, ибо — раз эта замена найдена — несчастье отходит в область прошедшего и теряет едкую силу горькой действительности. К какому из двух типов ближе подходит Юханцев, помогает решить он сам рассказами о своей жизни за последние годы. Если вы признаете, что та несчастная обстановка, на которую указывает Юханцев, могла заставить его, для удовлетворения прихотей жены, тронуть кассу и для утешения в разлуке с нею продолжать черпать из этой кассы деньги для грандиозно организованных пиров, то вы отведете этой обстановке надлежащее место в обсуждении причин, приведших Юханцева на скамью подсудимых. Решая эту сторону дела, вы, однако, не

упустите из вида и того, что траты на жену здесь на следствии оказались не могущими идти ни в какое сравнение с тратами после разлуки с нею, когда в один год было истрачено Юханцевым в свою пользу более 550 тыс. руб. серебром; что, затем, тоска по нежно любимой жене выражалась, по сознанию самого Юханцева, в кутежах с кокотками и в нескольких связях и что, наконец, в действиях его по опустошению кассы, совершенных «сам не знает как», по мнению экспертов, проглядывает ясная и обдуманная, приноровленная к обстановке, система...

Когда вы разрешите, по совести и убеждению, основанному на всем здесь виденном и слышанном, указанные мною вопросы, у вас может возникнуть мысль о значении того, что сделал Юханцев. Каждое преступное деяние имеет двойное значение — по отношению к личности обвиняемого и по отношению к обществу. Личное значение того, в чем обвиняется Юханцев, едва ли может возбудить споры. Это огромное нарушение доверия, это широкое злоупотребление своим положением, личным и официальным. Сама защита Юханцева признает это свойство деяния подсудимого как бесспорное. Но в оценке общественного значения стороны существенно расходятся. Обвинитель указывает нам на вред, который причинен Обществу взаимного поземельного кредита как учреждению, имеющему государственный характер; защитник видит лишь ущерб для обособленной группы весьма достаточных людей, которые соединились для преследования своих личных выгод, не всегда соответствующих интересам окружающего населения, не имеющего никаких кредитных учреждений. Господа присяжные заседатели, когда было упразднено крепостное право, тогда были ограничены в своей деятельности и вскоре вовсе упразднены кредитные государственные учреждения, помогавшие своими ссудами помещицкому сословию. Но новое хозяйство, возникавшее на облагоустроенной почве свободных отношений, нуждалось в поддержке и помощи. Эту помощь мог оказать кредит, не случайный, приходящий извне, а внутренний, взаимный, основанный на единстве целей и потребностей. Ему должно было служить обширное Общество, на помощь которому пришло правительство, гарантируя прочность его операций своим вспомогательным капиталом. Россия вовсе не страна крупного землевладения; в ней развито землевладение средних размеров, как вы это можете заключить даже из той оценки, которая делается, по словам защитника, имениям наибольшего числа заемщиков Общества. Притом это землевладение, с упразднением крепостного права, утратило свой исключительный

сословный характер, и Общество взаимного поземельного кредита приходит на помощь преимущественно к землевладельцу средней руки. Кредит, помощь в ссуде — дает возможность поддержать в тяжелые экономические минуты хозяйство, с которым естественным образом связано предложение труда и заработка окружающему населению. Печально, что это население не имеет своих кредитных учреждений или что они, вернее говоря, плохо принимаются, но каждый шаг на пути развития народа приближает их распространение и укрепление. Следует ли, однако, из этого отсутствия или малого развития кредитных учреждений в народе, что надо отрицать значение для страны и такого кредитного учреждения, как Общество? Можно ли смотреть на него как на нечто не только чуждое, но даже враждебное хозяйственному развитию страны, искусственно противопоставляя интересы одной части населения другой и забывая, что экономическое благосостояние государства зависит от взаимодействия всех сил страны, причем одни могут быть более организованы, другие, к сожалению, менее? Вы взгляните на этот вопрос с трезвой, житейской точки зрения, и если вы найдете, что Общество не есть учреждение исключительное и что поддержание кредита во всех его видах желательно, то вам станет ясно, что деяние Юханцева имеет значение общественное. Оно подрывает, расшатывает авторитет Общества и ослабляет доверие к нему. Но если в стране начинают колебаться и не внушать доверия такие большие учреждения, как Общество взаимного поземельного кредита, имеющее правительственную поддержку, то нельзя от стесненного в своих хозяйственных делах землевладельца ждать особого доверия и к другим частным кредитным учреждениям, к так называемым ипотечным банкам. А без поддержки поземельным кредитом землевладельцу в тяжелые экономические минуты придется стать лицом к лицу с действительным эксплуататором, с кулаком, барышником, скупщиком земель и уступить ему свое место. Но такой человек, тип, народившийся в последнее время, ничем не связан с землею. Она для него не «кормилица», с нею не связано для него привычки труда или дорогих личных воспоминаний. Она — предмет, из которого надо вытянуть всю наживу, она — тот грош, на который надо норовить, по русскому выражению, закупить пятаков. И лес вырубается, и земля безжалостно истощается, и начинается хищническое хозяйничанье, при которых эксплуатация окружающего бедного и темного люда уже, конечно, не меньше той, о которой упомянул защитник. Вот почему вы, быть может, признаете, что всякий удар, наноси-

мый большому кредитному учреждению, имеет общественное значение.

Порядок совещаний ваших, господа, вам известен. Вы кончаете сессию и, конечно, хорошо изучили свои права, обязанности и способ их выполнения. Скажу вам еще несколько слов о постановленных судом на ваше разрешение вопросах. В первом вопросе вас спрашивает суд, виновен ли Юханцев в употреблении в свою пользу денег, которые были у него на должности кассира? Здесь был возбужден спор о том, был ли должностным лицом в Обществе Юханцев и не совершил ли он свои деяния как частный человек, не имевший по отношению к Обществу никакого официального, служебного положения? Параграф 25 устава Общества говорит, что служащие, и в том числе кассир, снабжаются подробною инструкциею. Такой инструкцией, однако, Юханцев снабжен не был. Она существовала только в проекте и имела, по словам Герстфельда, значение обычая, но обязательной силы не приобрела. Если вы найдете, что отсутствие инструкции ставило Юханцева в неопределенные отношения частного человека к Обществу, случайно вручившему ему свои ценности, то вы отвергнете служебный характер и скажете, «не исполняя должности кассира». Но если вы признаете, что отдельные недосмотры и пробелы не изменяют существа организации Общества; что Общество не могло существовать без кассира и обращаться для ведения своих денежных операций к частным, непричастным к его организации, лицам; что Юханцев был определен журнальным постановлением правления от 30 июля 1865 г. на должность кассира и от него или, лучше сказать, за него был взят установленный залог в 5 тыс. руб.; что он сам считал себя кассиром и именовался этим званием, то вы ответите на первый вопрос утвердительно или отрицательно, но, во всяком случае, без ограничительных слов. Во втором вопросе суд желает слышать ваше решение о сломании печатей. Вы знаете, что Юханцев, при той организации, которая существовала в кассе за его время, имел право распечатывать пакеты с ценными бумагами для отрезывания купонов, нумерации и т.п. Распечатанный пакет переходил в категорию тех, которые подлежали подробной проверке своего содержимого при ревизии. Я должен сознаться, что, на мой взгляд, история с теми печатями, которые оказались на пакете с остатком консолей второго выпуска, совершенно не выяснилась на судебном следствии. Это что-то неясное и вполне неопределенное. Поэтому вы поступите правильно, если оставите совершенно без

рассмотрения вопрос о том, кем, как и какие именно печати оказались наложенными на этот пакет. Затем вам останется решить, распечатал ли Юханцев пакет для законных целей, пользуясь своим правом кассира, или же он распечатал его без законной надобности, с исключительной целью взять в свою пользу хранившиеся в нем облигации. Вы разрешите этот вопрос только по внутреннему убеждению вашему, не вступая на путь юридических тонкостей, чуждых вашему призванию судей по совести.

В первом случае вы ответите отрицательно, во втором положительно и притом с возможною определенностью.

В третьем вопросе существенна первая его часть. По букве закона, по точному содержанию ст. 362 Уложения о наказаниях, рапорты, сведения и т.п. сообщения для совершения подлога должны иметь официальный характер и носить его признаки, т.е. иметь печать, быть написанными на бланке за номером и т.д. По духу ст. 362 Уложения, сведения эти должны, в целях совершителя подлога, вводить в заблуждение того, кто их получает. Справки и памятные записки, которые Юханцев сообщал в бухгалтерию, для занесения в контокоррентную книгу, никакого официального признака не имеют. Поэтому, по букве закона, они под ст. 362 Уложения, следовательно, под понятие подлога не подходят. Поэтому, если вы станете на эту точку зрения, то вы по третьему вопросу можете произнести отрицательное решение. Но вы его произнесете, однако, лишь тогда, когда убедитесь, что нет указаний, что по существу своему деяние Юханцева подходит под те действия, которые указаны в этой статье. Вы будете при этом иметь в виду, что закон о подлогах по службе применяется по Уложению о наказаниях и к кассирам частных кредитных учреждений, и эти лица, по свойству своих служебных отношений, никаких рапортов, донесений и т.п. не пишут. Сношения служащих в частных учреждениях не вставлены в такие строгие официальные формы. Между тем закон применяет 362 статью к кассирам и казначеям частных банков. Что это значит? Это значит, что закон связывает понятие о преступлениях подлога по службе не с формою, не с названием, не с рангом бумаги, а с назначением, которое имеет или должно иметь ее содержание. Если содержание бумаги, как бы она ни называлась, было таково, что ею кассир вводил, с корыстной целью, в обман тех, кому сообщал он свои ложные сведения; если эта бумага, в какой бы форме она ни являлась, удостоверяла перед другими органами учреждения такие вещи, которых в действи-

тельности не существовало, такая бумага и такие действия кассира подходят под смысл и дух статьи закона, говорящей о должностных подлогах. Если в двух случаях вред одинаков, если преступное намерение одно и то же, если служебное положение, права и обязанности обвиняемых тождественны, то закон был бы лишеною смысла безжизненною формулою, карая одного за то, что он выставил нумер и написал на бланке, и отпуская другого только за то, что у него не было под рукою бланка или он забыл выставить нумер. Вы обсудите поэтому, господа присяжные, на чем более следует вам остановиться: на букве закона или на его внутреннем смысле, и если остановитесь на последнем, то определите затем, соответствуют ли действия Юханцева указаниям закона.

Вам говорилось здесь о вашей задаче и о значении вашего приговора. Вас приглашали признать, что подсудимый достаточно наказан десятимесячным предварительным заключением и теми нравственными страданиями, которые должен испытывать он при сознании пред вами неприглядности своей прошлой деятельности. Поэтому от вас ждут вменения подсудимому того, что он испытал, вменения, которое на языке суда присяжных называется оправданием. Вам говорят, что такой ваш приговор, указывая, что вы рассматриваете действия Юханцева лишь как последствие дурной организации Общества взаимного поземельного кредита, будет иметь влияние на законодательные меры к улучшению внутреннего устройства кредитных учреждений. Таким образом, побуждая законодателя прислушаться к вашему приговору и именно тем объяснить себе оправдание растраты в два с половиною миллиона, вы сами косвенным образом примете участие в законодательстве, содействуя его оживлению и улучшению. Вам указывают также и на необходимость обвинительного приговора в виду общественного мнения Европы, в виду оценки иностранцами вашей способности к отправлению правосудия. Я советую вам, господа, совершенно отрешиться от этих взглядов. Следуя им, вы отступите от вашей прямой обязанности пред обществом, которого вы являетесь представителями. Вы войдете в область, где ваша ясная и высокая задача делается неопределенною и гадательною. Вы произнесете приговор не о том, достаточно ли наказан подсудимый, а о том, виновен ли он. Вы не имеете права говорить «ты невиновен потому, что, по нашему мнению, ты уже довольно испытал неудобств и стеснений». Это значит не оправдывать, а прощать. Скамья подсудимых видит на себе не

мало людей преступных, но между ними есть люди, которые, нарушив закон, не упали, однако, нравственно до того, чтобы успокоиться на сознании, что их не оправдали, а простили. При этом, вы всегда имеете возможность примирить строгие требования закона с голосом сострадания к его нарушителю. Вам принадлежит широкое, ничем не стесняемое право давать снисхождение, и слово снисхождения, сказанное вами, обязательно для суда. Да и можно ли становиться на почву понесенного, предварительно, неизбежного по сложности дела, наказания? Где ручательство, что даже в вашей среде не окажется одних, которые скажут, что десять месяцев ареста — достаточная кара, и других, которые найдут, ослепляясь чрезмерною строгостью, что за растрату двух с половиною миллионов во всех наших законах нет достаточной кары. Что касается до страданий душевных, испытываемых на суде, то, как бы они тяжелы ни были, они не должны ложиться в основание вашего приговора. Здесь все неуловимо и все зависит от нравственной природы, характера, восприимчивости и взглядов человека на окружающую жизнь. Эти страдания, отрицать которые было бы несправедливо, не поддаются никакому мерилу. Я говорю вам не о Юханцеве, и вы, вероятно, не усомнитесь, что ему и горько, и тяжело сидеть пред вами. Но я хочу сказать вам вообще, что могут быть случаи, когда пред вами предстанет лукавый лицемер и будет вызывать вас на оправдание картиною тяжких душевных мук и раскаяния; и предстанет человек хотя и преступный, но в гордой душе которого, несмотря на действительные страдания, никогда не найдет места мысль, чтобы выставлять их напоказ и ради их униженно просить у вас, как милостыни, прощения. И что же? Как распознаете вы того или другого, и чем оградите вы себя от того, чтобы не помиловать первого и не осудить сурово второго? Вы также и не законодатели — ни прямые, ни косвенные. Если на законы влияют благотворно судебные процессы, то, конечно, не приговорами, в них постановленными, а фактами, в них раскрытыми. В этом великое значение гласности суда. И каков бы ни был ваш приговор, поучительная сторона этого процесса вполне и окончательно раскрылась еще вчера, когда закончилось судебное следствие. Ни изменить, ни иначе осветить фактов, в нем раскрытых, приговор ваш не может. Нельзя отрицать, что есть, однако, исключительные случаи, где и ваши приговоры, повторяясь однородно в течение долгого времени, могут служить для законодателя указанием на то, что представители общественной совести не видят вины в де-

янии, которое признается с формальной точки зрения нарушением закона, такого закона, который устарел вследствие того, что экономические административные условия, его вызвавшие, исчезли или изменились. Но таковы проступки не против прав известных лиц или общества, а против целой системы правил, которые уже опережены жизнью. Таковы, например, некоторые проступки против паспортной системы и т.п. Но законодатель никогда не может черпать для себя указаний в таких приговорах, которые относятся не к проступкам против временной системы, а к преступлениям, нарушающим вечные понятия, давным-давно выраженные словами «не убий», «не укради» и т.д. Исполняя свой долг, вам также незачем оглядываться на Европу и задумываться над тем, что там скажут, как истолкуют ваш приговор и какого мнения будут о русском правосудии. Помните, что одно из условий отправления действительного правосудия — слушать голос своей совести и не заботиться о том, «что скажут». Если следует вам помнить о ком-нибудь, так это о честных людях на родине вашей, сердца которых жаждут справедливости, состоящей в оправдании невинного и в признании вины за виновным. Чувства этих людей для вас должны быть дороже выводов законодателей и мнений иностранцев. Господин старшина, получите вопросный лист. Передаю его вам с уверенностью, что присяжные приступят к исполнению своей обязанности спокойно, с сознанием всей ее важности.

4. Напутственное слово А.Ф. Кони по делу В. Засулич*

Господа присяжные заседатели!

Судебные прения окончены, и вам предстоит произнести ваш приговор. Вам была представлена возможность всесторонне рассмотреть настоящее дело, перед вами были открыты беспрепятственно все обстоятельства, которые, по мнению сторон, должны были разъяснить сущность деяния подсудимой, — и суд имеет основание ожидать от вас приговора обдуманного и основанного на серьезной оценке имеющегося у вас материала. Но прежде чем вы приступите к означенному обсуждению дела, я обязан дать вам некоторые указания о том, как и в каком порядке надо приступить к оценке данных дела.

Когда вам предлагается вопрос о виновности подсудимого в каком-либо преступлении, у вас естественно и прежде всего возникает два вопроса: кем совершено деяние и что именно совершено. Вы должны спросить себя, находится ли перед вами лицо, ответственное за свои проступки, то есть не такое, в котором старость ослабила, молодость не вполне развила, болезнь погасила умственные силы. Вы должны убедиться, что перед вами находится человек, сознающий свои поступки и, следовательно, могущий подлежать за них ответственности.

В настоящем деле нет указаний на душевную болезнь, нет и вопроса о возрасте, и если защитник говорил пред вами о состоянии «постоянного аффекта», то есть гнетущего и страстного порыва, то и он не указывал на то, чтобы этим состоянием у подсудимой затемнялось сознание. Что же касается до нервности подсудимой, следы которой не могли ускользнуть от вас, то нервность лишь вызывает большую впечатлительность.

Поэтому я думаю, что первый вопрос не представит для вас особых трудностей. Но второй вопрос труднее. Вы должны знать, на основании твердых данных, что именно совершено. Мало знать, что то или другое преступное деяние совершено, — необходимо знать, для чего оно совершено, то есть знать цель и уяснить себе намерение подсудимого.

А затем возникает более общий вопрос: из каких побуждений сделано то, что привело подсудимого пред вас.

Есть дела, где эти вопросы разрешаются сравнительно легко, где в самом преступлении содержится уже и его объяснение,

содержится указание на его цель. В таких делах, по большей части, для всякого ясно, к чему стремится обвиняемый. Так, кража в огромном большинстве случаев совершается для завладения чужим имуществом тайно, грабеж — для похищения его явно, изнасилование для удовлетворения животной страсти и т.д.

Но есть дела более сложные. В них неизбежно надо исследовать внутреннюю сторону деяния. Один факт еще ничего не говорит или, во всяком случае, говорит очень мало. Таково убийство. Убийство есть лишение жизни. Оно является преступным, когда совершается не для самообороны. Но оно может быть совершаемо различно. Я могу совершить убийство необдуманно, играя заряженным оружием; я могу убить в драке, нанося удары направо и налево; могу прийти в негодование и в порыве гнева убить оскорбителя; могу, не ослепляемый раздражением, сознательно лишить жизни другого и могу, наконец, воспитать в себе прочную ненависть и под влиянием ее в течение многих иногда дней подготовить себя к тому, чтобы решительным, но задолго предвиденным ударом лишить кого-либо жизни. Все это будут ступени одной и той же лестницы, все они называются убийством, — но какая между ними разница! И для того, чтобы ошибочно не стать ступенью ниже, или, в особенности, ступенью выше, чем следует по справедливости, — необходимо рассматривать внутреннюю сторону преступления. Это рассмотрение укажет, какое это убийство, если только это убийство.

Но в настоящем деле обвинением поднят вопрос о покушении. Вам из явлений обыденной жизни известно, что такое покушение. Оно может быть различно. Бывают случаи, когда человек сам останавливается, приступив к совершению преступления. Стыд, страх, внутренний голос, слабость воли могут остановить его в самом начале. Но когда и выстрелил человек, когда замахнулся оружием, могут быть разные исходы: удар пришелся мимо, последовал промах, или удар пришелся в защищенное, случайно или неслучайно, место и, встретив препятствие, не причинил вреда, или же, наконец, удар дошел по назначению, но особенности организма того, кому он был назначен, уничтожили, ослабили смертоносную силу. Удар может быть нанесен так, что есть полная вероятность, что он разрушит такие части тела, с невредимостью которых связана самая жизнь, а между тем случайное отклонение лезвия ножа или пути, избранного пулею, оставит важные внутренние органы без существенных повреждений или причинит такие, для борьбы против которых окажется достаточно жизненной силы у пов-

* Дело рассматривалось в Санкт-Петербургском окружном суде 31 марта 1878 г. Присяжные заседатели вынесли подсудимой оправдательный вердикт.

режденного организма. В этих последних случаях закон считает, что обвиняемый исполнил все, что от него зависело. Смерть не произошла не по его воле, и не от него уже зависело устранить ее, отдалить ее приход.

С таким именно случаем, по мнению представителя обвинительной власти, имеете вы теперь дело. Вы вдумаетесь в обстоятельства дела и в то, что было объясняемо вам здесь, и решите — есть ли прочные данные для этого вывода.

Картина самого события в приемной градоначальника 24 января должна быть вам ясна. Все свидетельские показания согласны между собою в описании того, что сделала Засулич. Револьвер, брошенный ею, перед вами. Объяснение, почему она его бросила, вы слышали. Оно подтверждается как устройством спуска курка револьвера, так и тою предвиденною ею суматохой около нее после выстрела, о которой обстоятельно рассказали здесь Курнеев и Греч. Некоторое сомнение может возбудить лишь показание потерпевшего, прочитанное здесь на суде. Но это сомнение будет мимолетное. Для него нет оснований, и предположение о борьбе со стороны Засулич и о желании выстрелить еще раз ничем не подтверждается. Надо помнить, что показание потерпевшего дано почти тотчас после выстрела, когда под влиянием физических страданий и нравственного потрясения, в жару боли и волнения, генерал-адъютант Трепов не мог вполне ясно различать и припоминать все происходившее вокруг него. Поэтому, без ущерба для вашей задачи, вы можете не останавливаться на этом показании.

Факт выстрела, причинившего рану, несомненен. Но какая это рана, какой ее исход, каково ее значение? Здесь были заслушаны эксперты. Эксперты — те же свидетели. Они также говорят о том, что видели или слышали. Но они отличаются одним свойством от свидетелей обыкновенных. Обыкновенный свидетель — человек простой, относящийся непосредственно к виденному и слышанному. Его личные впечатления и выводы иногда затемняют то красноречие фактов, которое содержится в его показании. Но эксперт — свидетель по преимуществу, вооруженный научным знанием и специальным опытом. Поэтому он не только может, но должен говорить о значении того, что он видит и слышит; его выводы освещают дело, устраняют многие сомнения и неясность обыденных представлений заменяют определенным взглядом, основанным на строгих данных науки.

И к свидетелям, и к экспертам можно относиться с большим или меньшим доверием. Я напомним вам, что доверие к свиде-

телю на суде должно основываться на нравственном, а если они даны экспертом, то и на научном его авторитете.

Вы примените эти условия к показаниям экспертов, бывших перед вами. Если вы найдете, что эксперты относились к делу с полным спокойствием и вниманием, что они, несмотря на разнообразное свое положение, вполне свободно сошлись в одних и тех же выводах, то вы, вероятно, отнесетесь к ним с доверием. Если, затем, вы припомните, что здесь перед вами были трое из наиболее выдающихся хирургов столицы, и в том числе два профессора хирургии, и что они имели возможность проследить ранение и его последствия, так сказать, по горячим следам, у постели больного, то вы придадите их показаниям научный авторитет. Сущность этих показаний от вас не ускользнула: рана нанесена, как оказывается из осмотра опаленного места на мундире, почти в упор — рана тяжелая и грозившая опасностью жизни.

Внутренняя сторона деяния Засулич будет затем подлежать особому вашему обсуждению. Здесь надо приложить всю силу разума, чтобы правильнее оценить цель и намерение, вложенные в действия подсудимой. Я укажу лишь на то, что более выдающимися основаниями для осуждения представляются здесь: во-первых, собственное объяснение подсудимой и, во-вторых, обстоятельства дела, независимые от этого объяснения, но которыми во многих отношениях может быть проверена его правильность или неправильность.

Собственное объяснение подсудимой прежде всего оценивается по тому доверию, какое вообще внушает или не внушает личность подсудимой. На скамью обвиняемых являются люди самых различных свойств. Обстановка, в которой они действовали до появления на этой скамье, обыкновенно отражается и на степени доверия, внушаемого их объяснениями перед судом. В большинстве случаев к объяснениям подсудимого надо относиться с осторожностью. Он слишком близкий к делу человек, он слишком большое участие в нем принимает, чтобы относиться к нему со спокойствием, чтобы иногда, под влиянием своего положения невольно не смотреть на деяние свое односторонне, то есть не вполне согласно с истиной. Это настолько понятное явление, что обращаться к подсудимому с укором не следует, а следует лишь искать проверки объяснения подсудимого в сложившихся, так или иначе, фактах дела. Но собственное объяснение подсудимого, в особенности в делах, подобных настоящему, всегда должно быть принимаемо во внимание.

Существует, если можно так выразиться, два крайних типа, по отношению к значению даваемых ими объяснений. С одной стороны — обвиняемый в преступлении, построенном на своекорыстном побуждении, желавший воспользоваться в личную выгоду плодами преступления, хотевший скрыть следы своего дела, бежать сам и на суде продолжающий то же, в надежде лживыми объяснениями выпутаться из беды, которой он всегда рассчитывал избежать, — игрок, которому изменила ловкость, поставивший на ставку свою свободу и желающий отыграться на суде. С другой стороны — отсутствие личной выгоды в преступлении, решимость принять его неизбежные последствия, без стремления уйти от правосудия, — совершение деяния в обстановке, которая заранее исключает возможность отрицания вины.

Между этими двумя типами укладываются все обвиняемые, бывающие на суде, приближаясь то к тому, то к другому. Очевидно, что обвиняемый первого типа заслуживает менее доверия, чем обвиняемый второго. Приближение к тому или другому типу не может уничтожать преступности деяния, приведшего обвиняемого к необходимости давать свои объяснения на суде, но может влиять на степень доверия к этим объяснениям.

К какому типу ближе подходит Вера Засулич, решите вы, и сообразно с этим отнесетесь с большим или меньшим доверием к ее словам о том, что именно она имела в виду сделать, стреляя в генерал-адъютанта Трепова. Вы слышали объяснения Засулич здесь, вы помните сущность ее объяснения тотчас после происшествия. Оно приведено в обвинительном акте. Оба эти показания, в сущности, сводятся к желанию нанесением раны или причинением смерти отомстить генерал-адъютанту Трепову за наказание розгами Боголюбова и тем обратить на случившееся в предварительной тюрьме общее внимание. Этим, по ее словам, она хотела сделать менее возможным на будущее время повторение подобных случаев.

Вы слышали прения сторон. Обвинитель находит, что подсудимая совершила мщение, имевшее целью убить генерал-адъютанта Трепова. Обвинитель указывал вам на то нравственное осуждение, которому должны подвергаться избранные подсудимую средства, даже и в тех случаях, когда ими стремятся достигнуть нравственных целей. Вам было указано на возможность такого порядка вещей, при котором каждый, считающий свои или чужие права нарушенными, постановлял бы свой личный, произвольный приговор и сам приводил бы его в исполнение. Рассматривая с этой точки зрения объяснения подсуди-

мой и проверяя их обстановкою преступления, прокурор находит, что подсудимая хотела лишить жизни потерпевшего.

Вы слышали затем доводы защиты. Они были направлены преимущественно на позднейшее объяснение подсудимой, в силу которого рана или смерть генерал-адъютанта Трепова была безразлична для Засулич, — важен был выстрел, обращавший на причины, по которым он был произведен, общее внимание. Таким образом, по предположению защиты, подсудимая считала себя поднимающею вопрос о восстановлении чести Боголюбова и разъяснении действительного характера происшествия 13 июля, и не только перед судом России, но и перед лицом Европы. То, что последовало после выстрела, не входило в расчеты подсудимой.

Вы посмотрите спокойным взглядом на те и другие доводы, господа присяжные заседатели. Вы остановитесь на их беспристрастном разборе и, производя его, вероятно, встретитесь с вопросами.

Если нужно обращать на что-либо общее внимание, хотя бы путем необыкновенного или даже незаконного поступка, то является ли стрельба из револьвера и на расстоянии, на котором трудно промахнуться, единственным неизбежным средством? Общее внимание исключительно ли связано с действиями, которые почти неминуемо сопровождаются пролитием крови? Выстрел, направленный не в человека, но с внешними признаками покушения, не так же ли может поднять вопрос? Наконец, поднятие вопросов, хотя бы и о действительно больных сторонах общественной жизни, способом, избранным подсудимой, не является ли резким нарушением правильного устройства этой жизни, не является ли лекарством, которое оставляет болезненные следы, так как определение в каждом данном случае вопроса, который должен быть таким образом поднят, ставится в зависимость от произвола, от развития, от разума или неразумия отдельного лица.

Обратясь к показанию Засулич, вы поищите в нем доказательств того, что она могла быть твердо уверена, что дело ее будет разбираться обыкновенным судом, публичным, гласным; ввиду этого вопроса, я должен вам напомнить, что она здесь, на суде, объяснила именованье себя Екатериною Козловой боязнию за своих знакомых, так как предполагала, что дело о ней будет производиться политическим порядком. А по этим делам закон разрешает закрывать двери суда всегда, когда это будет признано судом нужным.

Обсуждая доводы прокурора, вам придется остановиться на том, что надо понимать под мщением. Придется разобрать значение первоначального заявления подсудимой о желании отомстить. Быть может, в самом этом слове вы найдете и объяснение практической цели, для которой был произведен выстрел, если вы согласитесь с обвинителем в его взгляде на поступок Засулич.

Чувство мщения свойственно немногим людям; оно не так естественно, не так тесно связано с человеческой природой, как страсть, например, ревность, но оно бывает иногда весьма сильно, если человек не употребит благороднейших чувств души на подавление в себе стремления отомстить, если даст этому чувству настолько ослепить себя и подавить, что станет смешивать отомщение с правосудием, забывая, что враждебное настроение — плохое подспорье для справедливого решения. Каждый более или менее, в эпоху когда еще характер не сложился окончательно, испытывал на себе это чувство. Состоит ли оно в неприменном желании уничтожить предмет гнева, виновника страданий, вызвавшего в душе прочное чувство мести? Или наряду с желанием уничтожить — и притом гораздо чаще — существует желание лишь причинить нравственное или физическое страдание, или и то, и другое страдание вместе? Акты мщения встречаются, к сожалению, в жизни в разнообразных формах, но нельзя сказать, чтобы в основе их всегда лежало желание уничтожить, стереть с лица земли предмет мщения.

Вы знаете жизнь, вы и решите этот вопрос. Быть может, вы найдете, что в мщении выражается не исключительное желание истребить, а и желание причинить страдание и подвергнуть человека нравственным ударам. Если вы найдете это, то у вас может явиться соображение, что указание Засулич на желание отомстить еще не указывает на ее желание непременно убить генерал-адъютанта Трепова.

Разрешить, так или иначе, вопрос о степени доверия к показанию подсудимой нельзя, не перейдя к проверке его данными дела. И здесь вы снова встретитесь с рядом вопросов. Во-первых, вы обратите внимание на оружие и на то, что оно куплено по поручению подсудимой. Показание Лежена охарактеризовало перед вами свойства револьвера. Это — один из сильнейших. Вместе с тем по конструкции своей он один из самых коротких. Вы припомните мнение обвинителя, что калибр револьвера, его боевая сила указывают на желание убить, но вы не упустите из виду и того соображения, что размер револьве-

ра делал удобным его ношение в кармане и его незаметное вынутье оттуда, причем не цель неперемного убийства могла быть в виду, а лишь обстановка, в которой придется стрелять. Во-вторых, вы обсудите расстояние, с которого произведен выстрел, и место, куда он произведен. То, что он произведен почти в упор, может служить указанием на желание причинить смертельное повреждение, но не надо упускать из виду, что расстояние между генерал-адъютантом Треповым и Засулич обуславливалось обстановкою, и, быть может, с другого места выстрела уже и нельзя было произвести. Вы решите, было ли расстояние, с которого был произведен столь близкий выстрел, выбрано Засулич произвольно, и не было ли бы удобнее для целей убийства стрелять с несколько большего расстояния, так как тогда можно, не стесняясь расстоянием, навести пистолет в наиболее опасную часть тела. При этом вы сделаете и оценку выбора места, куда произведен был выстрел. Вы припомните, что говорил обвинитель о волнении подсудимой, мешавшем ей сделать выстрел иначе, но не забудете также и того, что, и по обыденным понятиям и по медицинскому исходу настоящего ранения, наиболее опасными местами для причинения смерти являются голова и грудь. Вы вообще обратите особое внимание на оценку данных самого события.

Перед вами здесь было высказано, что для определения того, что Засулич не хотела убить, не нужно особенно останавливаться на фактах, — они, по-видимому, представляются не имеющими значения. Но я не могу со своей стороны дать вам такого совета. Я думаю, что на факты нужно во всяком деле обращать особое внимание. На одних предположениях и теоретических выводах судебного решения — обвинительного или оправдательного — безразлично, — строить нельзя. Предположения и выводы являются иногда прочною и верною связью между фактами, но сами по себе еще ничего не доказывают. Всего лучше и несомненнее цифры, где нет цифр, там остаются факты, но если цифр нет, если факты отбрасываются в сторону, то всякий вывод является произвольным и лишенным оснований. Поэтому, повторяю, при обсуждении двух возникающих из дела вопросов о покушении на убийство и о нанесении раны вдумайтесь в факты и подвергните их тщательному разбору. Отвечая на первый из поставленных вам вопросов, вы ответите на вопрос о ране — тяжелой и обдуманной заранее; отвечая не только на первый, но и на второй вопрос, вы отвечаете на вопрос об убийстве, которое, как вы видите из прежнего вопроса,

предполагается не совершившимся только от причин, которые устранить или создать было не в силах Засулич. Ответ на все эти вопросы дает полную картину покушения на убийство, ответ на один первый дает картину нанесения, сознательно и обдуманно, тяжелой раны.

При признании подсудимой виновною вам придется выбрать между этими двумя ответами. Быть может, у вас возникнут сомнения относительно выбора одного из этих ответов. Ввиду этого я должен вам напомнить, что по общему юридическому и нравственному правилу всякое сомнение толкуется в пользу подсудимой: в применении к двум обвинениям в различных преступлениях это значит, что избирается обвинение в преступлении слабейшем.

Остается указать еще на ту часть вопроса первого, одинаково применимую и к покушению на убийство, и к нанесению тяжелой раны, которая говорит о заранее обдуманном намерении.

Каждое действие чем серьезнее, тем более оно обдуманно; то же и по отношению к преступлению. Обвинительная власть находит, что подсудимая учинила свое деяние, задолго его обдумав и приготовившись к нему; защита полагает, что ничего обдуманного заранее не было и что Засулич, думая о том, что она впоследствии совершила в приемной градоначальника, находилась в состоянии постоянного аффекта, то есть в состоянии постоянного гнетущего и страстного раздражения. Преступления, совершенные в состоянии раздражения, существенно отличаются от обдуманных заранее. Если вы признаете, что подсудимая в то время, когда стреляла в генерал-адъютанта Трепова, находилась в состоянии вызванного в ней незадолго перед тем раздражения и гнева, то вы отвергнете обдуманность и исключите ее из первого вопроса, прибавив к нему, в случае утвердительного ответа на прочие его части, «но без обдуманного намерения». Закон, однако, признает запальчивость и раздражение как последствия внезапно налетевшего гнева, который вполне овладевает человеком. Неожиданная обида, насилие, явное притеснение, возмутительное поведение могут в очевидцах или в потерпевшем вызвать негодование, которое заставит его забыть об окружающем и броситься на обидчика или, вступив с ним в объяснение, постепенно потерять всякое самообладание и свершить над ним преступное деяние, последствий которого совершитель за час, за полчаса иногда вовсе и не предвидел и которых он в спокойном состоянии сам ужаснулся бы. Но где есть некоторое время подумать, побыть с самим собою,

где на первом плане не гнев, а более спокойное и более глубокое враждебное чувство, там убийство является уже умышленным. Там же, где желание причинить вред или убить существует более или менее продолжительное время, где человек встает и ложится с одной мыслью, с одной решимостью, где он приобретает средства для своего деяния и затем, однажды все обдумав и предусмотрев и на все решившись, идет на свершение своего дела, — там мы, с точки зрения закона, имеем дело с преступлением предумышленным, то есть совершенным с заранее обдуманным намерением. Каждый день, в течение долгого приготовления и обдумывания, человек этот может негодовать на свою будущую жертву, каждый день воспоминание о ней может возбуждать и гнев, и раздражение, и все-таки, если это продолжалось много-много дней и в течение их мысль о будущем деле созрела и развивалась, закон указывает на предумышление.

Не в гневе, не в страстном негодовании отличие преступления, совершенного предумышленно, от деяния, сделанного в раздражении, а в промежутке времени, дающем возможность одуматься, критически отнестись к себе и к задуманному делу и, призвав на помощь силу воли, отказаться от заманчивого плана. Там, где была эта возможность критики, возможность отказа, возвращения назад, возможность раздумия, там закон видит условия обдуманности. Где этого нет, когда человек неожиданно поглощен страстным порывом, там закон видит аффект.

Господа присяжные! Мне нечего говорить вам о порядке ваших совещаний: он вам известен. Нечего говорить о важности ваших обязанностей как представителей общественной совести, призванных творить суд. Открывая заседание, я уже говорил вам об этом, и то внимание, с которым вы относились к делу, служит залогом вашего серьезного отношения к вашей задаче. Указания, которые я вам делал теперь, есть не что иное, как советы, могущие облегчить вам разбор данных дела и приведение их в систему. Они для вас нисколько не обязательны. Вы можете их забыть, вы можете их принять во внимание. Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому важному, без сомнения, делу. Вы произнесете это слово по убеждению вашему; глубокому, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести.

Если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающею снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятель-

ства вы можете понимать в широком смысле. К ним относится все то, что обрисовывает перед вами личность виновного. Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойною, более впечатлительною и более болезненною по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения.

Получите вопросный лист. Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть в приговоре вашем скажется тот «дух правды», которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи.

5. Напутственное слово Е.Е. Люминарского по делу А. Данилова*

Господа присяжные заседатели!

Вручая вашему старшине вопросный лист, я обязан по закону изложить вам: во-первых, существенные обстоятельства дела, подлежащего вашему рассмотрению, вех-вторых, законы, относящиеся к определению свойства тех преступлений, в которых обвиняется подсудимый, и, наконец, в-третьих, общие юридические основания к суждению о силе доказательств за и против подсудимого.

Сущность настоящего дела состоит в следующем: в числе знакомых г-жи Соковниной был подсудимый Данилов, он даже пользовался особенной приязнью и доверием ее, доказательством чему могут служить неоднократные поручения, которые она ему давала. Так, она ему поручила заложить пятипроцентные билеты внутреннего с выигрышами займа и продать перстень, осыпанный бриллиантами. Подсудимый объявил ей о разных ценах, которые предлагают за перстень, и она наконец изъявила согласие уступить его за 550 рублей. Для оценки перстня Данилов обращался к разным бриллианщикам, в том числе и к г. Феллеру. Возымев намерение заложить перстень у закладчика Попова, он просил бриллианщика Феллера оценить его подороже Попову, с которым потом вновь являлся к

* Дело рассматривалось в феврале 1867 г. в Московском окружном суде. Из пяти пунктов обвинения присяжные признали А.М. Данилова виновным вумышленном убийстве с корыстной целью, но заслуживающим снисхождения, а также в именовании себя чужими фамилиями. На основании вердикта присяжных заседателей суд приговорил обвиняемого к лишению всех прав состояния, ссылке на каторжные работы сроком на 9 лет и последующему поселению в Сибири навсегда. На этот приговор А.М. Данилов принес кассационную жалобу. Основными моментами заявленной жалобы были запрет на пользование услугами двух адвокатов при рассмотрении дела в Московском окружном суде и выявление факта нахождения под судом одного из 12 присяжных заседателей — купца Чибисова. За пять лет до описываемых событий последний попадал под суд, но был отпущен за незначительностью вины. Закон же допускал в члены присяжного присутствия суда только лиц несудимых либо оправданных по суду. В заседании уголовного кассационного департамента Сената жалобу А.М. Данилова поддерживал адвокат А.В. Лохвицкий, заключение на решение Московского окружного суда приносил обер-прокурор М.Е. Ковалевский. Дело рассматривалось 5 мая 1867 г., оснований для отмены приговора от 15 февраля 1867 г. не было найдено, и приговор остался в силе. Хронологически и своей фабулой «дело Данилова» совпадает с событиями, описанными в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Но совпадение это абсолютно случайно, поскольку к моменту рассмотрения дела в суде роман уже был написан, но не был опубликован.

г. Феллеру. 17 декабря хлопоты Данилова кончились залогом перстня у вышеуказанного Попова за 750 рублей. Г-же Соковниной же подсудимый заявил, что он продал перстень за 580 рублей, не добавив ей при этом 10 рублей, потерянных им будто бы при промене одного банковского билета.

Кроме продажи перстня г-жа Соковнина, как я уже говорил, поручила ему и еще заложить пятипроцентные с выигрышами билеты. Билеты эти он заложил у г. Рамиха; 8 января один из этих билетов за № 09828 был им выкуплен у последнего и 11 января заложен у Попова, убийство которого и его служанки Марии Нордман совершилось 12 января.

Я не намерен, господа присяжные заседатели, повторять подробности осмотров квартиры Попова, трупа его и служанки Марии Нордман — судебное следствие разъяснило вам это достаточно. Считаю, впрочем, излишним напомнить вам, что поводом к открытию обвиняемого ныне в убийстве Попова и Нордман дворянина Алексея Данилова послужили: нахождение в числе вещей Попова, заложенных неизвестным Григорьевым, перстня и билета за № 09828 и следы крови на левой стороне лестницы, если идти из комнат вниз на двор, из чего достоверно можно было заключить, что убийца был ранен в левую руку. Феллер (к которому было найдено в квартире Попова письмо) и работники его подробно описали приметы ценившего, заложенный 17 декабря перстень, и один из них проследил мнимого Григорьева, назвавшегося при оценке перстня (как показал Феллер) Всеволожским, до его квартиры. Человек этот оказался сыном коллежского асессора Алексеем Михайловым Даниловым. При первоначальных допросах Данилов не только отказался от бытности 12 января в квартире Попова, но даже и от знакомства с ним и Феллером, объяснив, что 12 января он весь вечер был дома и что у родителей его в это время была девица Шваллингер. Относительно же раны на левой руке показал, что она произошла от обжога утюгом и от падения с лошади. Для того чтобы рассказ этот не встретил опровержения со стороны родителей подсудимого и девицы Шваллингер, Данилов предупреждал их об оном записками, которые и передал депутату от университета Должикову, а сей последний представил их к делу. Наконец, когда сами родители Данилова показали, что рану на руке сын объяснял тем, что получил ее на Кисловке от неизвестного человека, который, заподозрив его в том, что он, проходя по улице, видел в окошко совершение какого-то преступления, ранил его кинжалом в левую руку, когда оказа-

лось, что билеты Соковниной он заложил у Рамиха, назвавшись Новосильцевым, и один из них за № 09828 выкупил в начале января, Данилов 6 апреля сознался не только в оценке перстня у Феллера и в залоге одного Попову, но и в бытности 12 января вечером в квартире последнего. Последний факт он передавал следующим образом: Феллер, встретив его 8 января в Немецком клубе, предложил ему заложить что-либо у Попова, вследствие чего он передал ему выкупленный им по поручению Соковниной от Рамиха пятипроцентный билет за № 09828. 11 января он вновь встретился в Немецком клубе с Феллером, который ему сказал, что означенный билет он заложил Попову, и, выдав Данилову 100 рублей, приглашал его прийти в среду вечером (т.е. 12 января) к Попову для перевода и других в его ведение. Вследствие чего он, Данилов, вечером 12 января отправился в квартиру Попова. Придя к флигелью, в котором последний проживал, он нашел входную дверь полуотворенной, а взойдя на лестницу, увидел в первой комнате что-то темное, похожее на труп женщины, которая отворяла ему дверь во время прежних посещений Попова. Едва он сделал один шаг в комнату, как увидел вышедшего из спальни Попова неизвестного человека, который с криком: «А, это вы!» — бросился на него с кинжалом и ранил его в ладонь левой руки. Убегая от неизвестного злодея по лестнице и придерживаясь левой рукой за стену, он получил новую рану в руку, но с другой стороны. Выбжав со двора на улицу, он немедленно поехал домой, не заявив никому о случившемся. На другой или на третий день он получил анонимное письмо, в котором неизвестные лица просили его хранить все виденное и слышанное в тайне, говоря, что они берут с него в том клятву. Вскоре после того он был остановлен на улице неизвестным ему человеком, который передал ему конверт, в коем находилось письмо, подобное первому, и билет за № 09828, который он в тот же день заложил у Юнкера. Наконец, он получил еще анонимное письмо, в котором неизвестные злодеи уведомляли его, что они в безопасности, и советовали, в награду за полученную им рану, купить шкаф Попова, в котором должны храниться деньги. Все эти письма были им уничтожены. При судебном следствии Данилов подтвердил показание 6 апреля с тем только изменением, что анонимных писем он не получал и что, приняв билет от неизвестного человека, он усомнился, чтобы билет этот был заложен Феллером Попову. Феллер в данном под присягой на судебном следствии показании отверг всякое участие в залоге Попову билета. Вот,

господа присяжные, в чем заключаются существенные обстоятельства настоящего дела.

Переходя за сим к обозначению признаков, коими определяются преступления, приписываемые подсудимому, я начну с главного, с убийства. Оно может быть учинено или без заранее обдуманного намерения или умысла, или же с обдуманным заранее намерением. Само собой разумеется, что обдуманное убийство почитается более преступным того, которое учинено без предварительного умысла. Наконец, обдуманное убийство может быть сделано с целью воспользоваться чужой собственностью, и в этом роде убийства закон видит наиболее преступной воли со стороны обвиняемого. Укрывателем признается по закону тот, кто, не участвуя в преступлении, по свершении оно-го скроет следы преступления или преступника или же воспользуется заведомо противозаконно добытой вещью. Наконец, о признаках недонесения о содеянном преступлении я считаю излишним распространяться, так как значение слова «недонесение» понятно для каждого. Мошенничеством называется добытие чужой вещи или денег посредством обмана. При этом я должен вам заметить, что закон видит более преступной воли в том из обвиняемых в мошенничестве, кто пользовался особым доверием со стороны обманутого.

Теперь я перехожу к силе доказательств, представленных за и против подсудимого. При этом я вам должен сказать, что прежняя теория доказательств, на основании которой одно доказательство считалось более достоверным, а другое менее, эта теория в настоящее время у нас более не существует, и потому я ограничусь лишь некоторыми указаниями о силе доказательств, почерпнутыми из юридической практики. Против подсудимого со стороны обвинения представлены следующие данные: во-первых, знакомство его с Поповым; во-вторых, залог у него подсудимым перстня и билета, из коих последний оказался после преступления в руках Данилова; в-третьих, следы крови в квартире Попова на левой стороне и рана у подсудимого на левой руке; в-четвертых, первоначальный отказ подсудимого от знакомства с Феллером и Поповым, опровергнутый отзывом сведущих людей, сличавших записки, найденные у Попова за подписью Григорьева с почерком руки подсудимого; в-пятых, старание его доказать бытность свою 12 января вечером дома, и, наконец, в-шестых, собственное сознание в том, что 12 января вечером он был в квартире Попова, видел злодеев, коими, по-видимому, был узнан, получил от них билет, сам же преступ-

ников не узнал и никому о случившемся не объявил. Подробности сознания Данилова вам известны. Если даже вы и не дадите веры его рассказу о последствиях, которыми сопровождался для него приход к Попову, то и в таком случае его сознание подтверждает нахождение его на месте совершения преступления. Сознание подсудимого считается достоверным доказательством, если оно согласно с обстоятельствами дела и не вынужденное. Свидетельство сведущих людей считается также при отсутствии подозрения в пристрастии достоверным доказательством. Осмотр, составляемый по требуемым правилам, имеет также силу доказательства, но только относительно описания, как и в каком положении и виде найдены известные предметы. Соображения же лиц, учинивших осмотр, почему найденные предметы оказались в таком, а не в другом положении, уже не имеют такого характера достоверности, как описательная часть осмотра. Из свидетельских показаний считаются достоверными те, которые даны под присягой или хотя и без присяги, но таким лицом, которого в пристрастии заподозрить нельзя. Что же касается до улики вообще, то они приобретают тем более силы и убедительности, чем более одна согласна с другой, чем более одна дополняет другую, чем более они обуславливают друг друга и в конечном результате доводят до того факта, из которого уже само преступление истекает как необходимое следствие из известной причины. Вы слышали также сознание подсудимого в укрывательстве убийства, т.е. в том, что ему был передан билет, заложенный им у Попова и добытый через преступление, и что билет этот он в тот же день заложил у Юнкера. Г-жа Соковнина, допущенная самим подсудимым к спросу под присягой, показала, что подсудимый ей заявил о продаже им перстня за 580 рублей, между тем как он его заложил в 750 рублей. Заявление же ее, что она на подсудимого претензии не имеет, еще не освобождает его от законной ответственности за мошенничество, если он в таком будет вами признан виновным. Кроме того, подсудимый назывался различными именами, на что есть присяжные показания гг. Рамиха, Феллера и собственное его сознание. В оправдание свое подсудимый сослался на показания свидетелей; некоторые из них были вызваны судом, другие приглашены самим обвиняемым. Вы слышали, господа присяжные, их показания и можете сами судить, насколько они служат к оправданию подсудимого. Отец его засвидетельствовал, что он знал сына человеком хорошим, сам наблюдал за его воспитанием. Сестра его, что 12 января

она с братом ехала по Кузнецкому мосту; ее он оставил у Бартельса, а сам куда-то уехал и возвратился домой часов в восемь, когда семейство их пило чай. О полученных ранах он показал ей согласно с объяснением, данным на суде, но просил скрыть о том от отца. Показания Миланова и Врубеля и бывшего при следствии священника Озерова опровергают показания Данилова о пристрастных действиях следственной комиссии.

Господа присяжные заседатели! Все сказанное мной не должно иметь в ваших глазах характера непреложных положений, это не более как предостережение от увлечения к обвинению подсудимого или к оправданию его по чувствам снисхождения. Приговор вы должны постановить по внутреннему убеждению вашей совести, основанному на всестороннем обсуждении дела. Кроме того, я должен вам сказать, что в случае признания подсудимого виновным закон предоставляет вам драгоценное право признать подсудимого заслуживающим снисхождения, но этим правом вы не должны пользоваться произвольно. Вы можете и обязаны воспользоваться этим правом лишь в том случае, если найдете достаточные к тому основания при подробном и всестороннем обсуждении обстоятельств дела.

6. Напутственное слово председательствующего по делу С.Л. Рагимова, Л.В. Копынина и Л.В. Таросова*

Господа присяжные заседатели!

Закончились судебное следствие и судебные прения. Скоро вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вердикта, которым называется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ней вопросам, включая вопрос о виновности и подсудимого. Вопросный лист вам передан. Но прежде чем вы удалитесь в совещательную комнату, я по закону должна обратиться к вам с напутственным словом, в котором приведу содержание обвинения, предъявленное подсудимым, содержание уголовного закона, напомним исследованные в суде доказательства, изложу позиции сторон, разъясню основные правила оценки доказательств, сущность презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого с тем, чтобы помочь вам разобраться в этом деле.

Ваш вердикт должен быть основан на вашей опытности и знании действительной жизни. Вердикт вы должны постановить по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем обсуждении дела. Ваше слово завершит это дело. Вы посвятили несколько дней рассмотрению того материала, который представили органы предварительного следствия. Эти дни вы напряженно работали, исполняя свой гражданский долг.

Я надеюсь, ваш труд не будет бесплодным, и жду от вас вердикта обдуманного и взвешенного. Вы судьи общественной совести.

Содержание обвинения и закона, предусматривающего ответственность за деяния, в которых обвиняются подсудимые

Московской транспортной прокуратурой Рагимов С.Л. обвиняется в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах гр. Макаревича М.И.

Копынин Л.В. и Таросов Л.В. обвиняются в заранее не обещанном укрывательстве умышленного убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах.

Преступления по версии органов предварительного следствия совершены при следующих обстоятельствах, изложенных в обвинительном акте.

19 мая 1991 года в 22 часу Рагимов, Таросов, Копынин и Куличков, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с его смертью, распивали спиртные напитки в лесополосе неда-

* Дело рассматривалось в Московском областном суде.

леко от дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда Московской области. Около 22 часов Рагимов и Куличков зашли в квартиру 81 д. 4 по той же улице, в которой проживала Логачева С.В., где они встретили Макаревича — ранее знакомого Куличкову.

Рагимов и Куличков в 23 часу вернулись в лесополосу, где продолжили распитие спиртных напитков с Таросовым и Копыниным.

Следом за ними пришел Макаревич. Рагимов, из хулиганских побуждений, используя незначительный предлог — якобы имевший место донос в милицию, совместно с Куличковым стали избивать Макаревича, нанеся ему множество ударов по лицу, голове и телу, причиняя ему особые мучения и страдания. После одного из таких ударов Макаревич упал на землю, тогда Рагимов прыгнул двумя ногами на Макаревича сверху. Затем Рагимов и Куличков ушли к дому номер 4, а Макаревич остался лежать на земле. Вернувшись через несколько минут, Рагимов поднял с земли палку и умышленно с целью убийства нанес три удара Макаревичу в голову. В результате избиения Макаревичу были причинены ушибленные раны затылочной области с переломом затылочной кости, двусторонние переломы ребер с ссадинами и кровоподтеками грудной клетки, относящиеся к тяжким телесным повреждениям, опасным для жизни в момент причинения, перелом левой скуловой кости, относящийся к менее тяжким телесным повреждениям, многочисленные ушибленные раны и ссадины лица, спины и конечностей, относящиеся к легким телесным повреждениям. После ударов Рагимова Макаревич потерял сознание и не подавал признаков жизни, вследствие чего Рагимов, Куличков, Таросов и Копынин решили, что он мертв. Тогда Куличков предложил отнести тело Макаревича на железнодорожные рельсы для сокрытия преступления и инсценировки несчастного случая. Для этого они подсунули под жертву палку, которой Рагимов бил по голове потерпевшего, и отнесли его на второй главный путь перегона Подлипки-Болшево Московской железной дороги. Положили его на железнодорожное полотно лицом вниз, головой внутрь колеи, шей на крайний рельс, а затем дождались проследования электропоезда, колесами которого Макаревичу было причинено полное травматическое отделение головы от туловища в области шеи, отчего и наступила смерть Макаревича. Тем самым Рагимов совершил умышленное убийство Макаревича с особой жестокостью из хулиганских побуждений и по предварительномуговору группой лиц.

Копынин и Таросов обвиняются в том, что совершили заранее не обещанное укрывательство преступления, предусмотренного п. «б», «г», «н» ст. 102 УК РСФСР, выразившееся в том, что, решив, что Макаревич мертв от действий Рагимова и Куличкова, по предложению последнего для сокрытия преступления и инсценировки несчастного случая отнесли потерпевшего на железнодорожное полотно. Колесами проследовавшего электропоезда Макаревичу было причинено полное травматическое отделение головы от туловища, отчего наступила смерть последнего. Копынин в подвале дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда спрягал палку, на которой он, Таросов, Куличков и Рагимов переносили Макаревича.

Содержание п. «б», «г», «н» ст. 102 УК РСФСР — умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах — наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет или смертной казнью.

Грозящее подсудимому наказание не должно влиять на решение, вопроса о виновности в совершении преступления, и эта информация доводится до вашего сведения только для обдуманного и взвешенного решения вопроса о снисхождении или особом снисхождении.

Понятие «убийство» всем известно. Это насильственное лишение жизни другого человека. Убийство признается умышленным при условии, если виновное лицо сознает, что своими действиями оно может причинить смерть человеку, желает этого или допускает наступление смерти.

Пункт «г» ст. 102 УК РСФСР — совершение убийства с особой жестокостью.

Что такая особая жестокость применительно к уголовному закону, по которому привлекается подсудимый Рагимов? Особая жестокость при убийстве — это убийство, сопровождавшееся истязанием над личностью, причинением жертве особых мучений и физических страданий. При убийстве с особой жестокостью жертва выносит более продолжительную и высокую степень страдания, чем при обычном убийстве. Органы следствия в данном случае усмотрели особую жестокость в способе убийства, выпарившемся в нанесении множественных ударов. Судебная практика также связывает особую жестокость, помимо других обстоятельств, со способом убийства путем нанесения множества ударов и причинения большого количества телесных повреждений жертве, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых мучений и стра-

даний. В данном деле, согласно обвинительному акту, не менее шести ударов нанесено по телу и голове потерпевшего ногами и руками и три удара палкой по голове. Но в любом случае виновное лицо должно сознавать, что своими действиями причиняет жертве особые мучения и страдания при совершении убийства.

Пункт «б» ст. 102 УК РСФСР — совершение умышленного убийства из хулиганских побуждений, то есть убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение. Это преступление совершается без повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства. При убийстве из хулиганских побуждений выбор жертвы бывает случайным. Суть в том, что виновное лицо желает противопоставить свое «Я» другому человеку. Хулиганские побуждения бессмысленны и безрассудны с точки зрения здравого смысла, но являются реальными и достаточно сильными побудительными мотивами к совершению преступления. Виновное лицо как бы самоутверждает значимость своей персоны в глазах других при совершении убийства.

Пункт «н» ст. 102 УК РСФСР — совершение убийства по предварительному сговору группой лиц, то есть убийство, совершенное двумя и более лицами с единым умыслом на совершение убийства при совместных и согласованных действиях при лишении жизни потерпевшего.

Статья 189 ч. 1 УК РСФСР — укрывательство преступлений. Ее содержание применительно к обвинению Таросова и Копынина — заранее не обещанное укрывательство умышленного убийства — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок от одного года до двух лет.

Под укрывательством преступления понимается создание всевозможных препятствий в обнаружении доказательств совершения преступления, например, путем сокрытия орудия преступления, трупа, инсценировка самоубийства, несчастного случая и т.д.

Доказательства, исследованные в судебном заседании

Подсудимый Рагимов вину в умышленном убийстве не признал и пояснил, что 19 мая 1993 года вечером он, Копынин, Таросов,

Куличков распивали спиртные напитки возле дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда. Затем он и Куличков пошли к Логачевой за водой, где встретили Макаревича. Макаревич стал ругаться нецензурной бранью. Логачева попросила вывести Макаревича из дома, что они и попытались сделать, но тот пошел на него. Тогда он, Рагимов, один раз ударил Макаревича по лицу, после чего вместе с Куличковым вышел из квартиры и пошел к месту, где находились Копынин и Таросов. Макаревич пошел вслед за ними. Куличков сказал, что Макаревич сдавал его милиции и начал последнего избивать. Он, Рагимов, тоже ударил Макаревича один раз рукой по лицу, почему ударил — объяснить не мог. От ударов Куличкова Макаревич упал и больше не вставал. После этого он и Куличков вновь пошли к Логачевой, чтобы та вызвала скорую помощь или забрала Макаревича. Но Логачевой не оказалось дома. Вновь вернулись к месту происшествия. Куличков сказал, что надо отнести Макаревича на рельсы. Он, Копынин, Таросов сначала не соглашались, но потом Куличков им стал угрожать расправой, и они по требованию Куличкова понесли потерпевшего к железнодорожному полотну. По пути около насыпи он, Рагимов, споткнулся, подвернул ногу и больше не нес Макаревича. Ударов палкой по голове потерпевшего он не наносил, на грудь ему не прыгал. Повода для избиения Макаревича у него не было. Считал, что Макаревич был мертв, когда его несли к рельсам.

Подсудимый Копынин вину признал и пояснил, что 19 мая 1993 года распивал спиртные напитки с Рагимовым, Таросовым, Куличковым возле дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда. У них кончилась вода, и Куличков с Рагимовым пошли за водой к Логачевой. Через некоторое время они вернулись, за ними шел Макаревич, который что-то бубнил, но что — он не расслышал. Куличков сказал, что Макаревич сдавал его милиции. Куличков ударил несколько раз Макаревича, заставлял его есть листья. Рагимов тоже нанес удары Макаревичу, за что — не знает, сколько нанес ударов — не помнит, но один раз точно ударил рукой по лицу. От ударов, чьих — не помнит, возможно, Куличкова, Макаревич упал и больше не вставал. Затем Рагимов и Куличков ушли к Логачевой, но минут через десять вернулись. Рагимов палкой ударил три раза по затылку потерпевшего, и тот обмяк. Куличков предложил все это скрыть. Они подложили пол Макаревича палку и понесли на рельсы, положили на рельсы. Когда шли обратно, обернулись и увидели, что прошел поезд. Палку, с помощью которой несли пострадавшего, он Согласно

выводам комиссионной судебно-медицинской экспертизы, проведенной в стадии предварительного следствия, и заключению эксперта в суде непосредственной причиной смерти Макаревича явилось травматическое отделение головы от туловища. У Макаревича имелись следующие телесные повреждения: тяжелая черепно-мозговая травма и переломы ребер грудной клетки, относящиеся к тяжким телесным повреждениям, перелом левой скуловой челюсти в двух местах, относящийся к менее тяжким телесным повреждениям, перелом костей носа, многочисленные ссадины и кровоподтеки на голове, лице, туловище и конечностях, относящиеся к легким телесным повреждениям. Все телесные повреждения образовались от неоднократных ударных воздействий кулаком, обувью ногой, палкой и т.п. Всего пострадавшему было нанесено не менее 12-13 воздействий, причем по голове с местами приложения силы в затылочной области со значительной силой, возможно палкой. Повреждения в области головы и груди при отсутствии квалифицированной медицинской помощи могли явиться причиной смерти пострадавшего, но в более отдаленный период, исчисляемый несколькими часами. Даже при оказании квалифицированной медицинской помощи Макаревичу при наличии у него таких повреждений не была бы гарантирована жизнь. Пострадавший был в таком состоянии, что подсудимые могли считать, что тот мертв.

Из заключения судебно-биологической экспертизы следует, что на образцах почвы с места происшествия, соскобе с пола, полуботинке и носке Копынина обнаружена кровь, которая могла произойти от Макаревича. На одежде Копынина и Таросова обнаружена кровь человека.

Согласно протоколу осмотра места происшествия напротив дома 4 по ул. Сакко и Ванцетти г. Калининграда обнаружено бревно. От него на расстоянии трех метров две лужи вещества, похожего на кровь. От них следы волочения со следами красно-бурового цвета, похожего на кровь, в сторону железнодорожных путей 2 главного пути перегона 22 км ст. Подлипки-Болшево. На железнодорожных путях обильное пятно красно-бурого цвета, похожего на кровь (на рельсах и щебеночных покрытиях).

В судебном заседании оглашался протокол следственного эксперимента с участием подсудимых, адвокатов, понятых, статистов, где они рассказывали об обстоятельствах происшедшего: Куличков нанес несколько ударов рукой Макаревичу за то, что тот сдавал ребят милиции. Затем Куличков ногами бил Макаревича. Тот упал и не поднимался. После возвращения Рагимова

и Куличкова от Логачевой, по утверждению Копынина и Таросова, Рагимов 2-3 раза ударил палкой по голове потерпевшего. Рагимов же утверждал, что такого не было. Потом, как показали обвиняемые, по требованию Куличкова отнесли Макаревича на рельсы, чтобы все списать на несчастный случай.

Согласно акту судебно-психиатрической экспертизы Рагимов в отношении инкриминируемого ему деяния признан вменяемым, способным отдавать отчет своим действиям и руководить ими.

Позиции сторон

Государственный обвинитель считает, что вина Рагимова в умышленном убийстве Макаревича, совершенном по предварительномуговору группой лиц из хулиганских побуждений и с особой жестокостью полностью доказана всеми исследованными в судебном заседании доказательствами.

Показаниям Таросова и Копынина на предварительном следствии, из которых следует, что Рагимов совместно с Куличковым избивал Макаревича, имея умысел на его убийство, прыгал на нем, нанес удары палкой по голове и положил пострадавшего на рельсы, так как думал, что тот мертв, и чтобы инсценировать несчастный случай, следует верить. В судебном заседании подсудимые Копынин и Куличков лишь частично изменили свои показания. Их доводы об оказанном на них давлении со стороны следователя Лапиной опровергаются показаниями свидетелей Лапиной и Алахвердяна в судебном заседании, тем обстоятельством, что подсудимые такие же показания давали и другому следователю и прокурору. В их протоколах допросов имеются собственноручные записи, что давления на них не оказывалось в период предварительного следствия. Каких-либо жалоб на незаконные методы ведения следствия подсудимые в период производства предварительного следствия не предъявляли.

Государственный обвинитель считает, что Рагимов убийство совершил из хулиганских побуждений, то есть используя незначительный повод как предлог для убийства, сам Рагимов даже не мог объяснить, почему он нанес удар Макаревичу, которого ранее не знал, и с особой жестокостью, так как по заключению судебно-медицинского эксперта Макаревичу причинено не менее 12-14 воздействий по голове и телу.

Государственный обвинитель также считает, что вина Копынина и Таросова в укрывательстве умышленного убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах, также полностью доказана.

Адвокат Воропанов находит, что вина Рагимова в умышленном убийстве не доказана. Доказан только один факт — это нанесения Рагимовым одного удара рукой Макаревичу. На Копынина и Таросова в период предварительного следствия оказывалось давление. Их показания противоречивые, поэтому их нельзя принимать во внимание при решении вопроса о виновности Рагимова. Следует верить показаниям Рагимова, так как его показания последовательные. Далее защитник утверждает, что в то время, когда было совершено деяние, вменяемое подсудимым, в Уголовном кодексе не было п. «н» ст. 102. Поэтому все телесные повреждения, причиненные Макаревичу, нельзя вменять Рагимову, каждый должен отвечать за свои действия.

Разъясняя вам, что наличие или отсутствие в деяниях, совершенных Рагимовым, конечно при условии доказанности совершения действий, изложенных в первом и во втором вопросе, п. «н» ст. 102 УК РСФСР, — это мое дело. Этот вопрос буду решать я. Ваша задача установить, доказано или нет, что убийство Макаревича было совершено совместными и согласованными действиями Рагимова и другого лица (по обвинительному заключению с Куличковым) с единым умыслом на лишение жизни. Скажу только, что и до введения в действие п. «н» ст. 102 УК РСФСР при совершении убийства двумя и более лицами с единым умыслом на лишение жизни при согласованных и совместных действиях все действия, совершенные этими лицами в процессе убийства, вменялись каждому, и они несли ответственность за все действия, а не каждый за свои конкретные действия.

Защитник Воропанов, по его выражению, «даже если допустить, что Рагимов будет признан виновным в убийстве», то никак нельзя говорить о доказанности хулиганских побуждений в действиях Рагимова и совершения убийства с особой жестокостью. По мнению защитника можно лишь говорить о совершении Рагимовым неосторожного убийства, так как Макаревича кляли на рельсы еще живого.

Защитники Валяев и Месяцев в речах утверждали, что вывод о виновности их подзащитных Копынина и Таросова полностью зависит от вывода о виновности Рагимова. По их мнению, вина Рагимова в умышленном убийстве Макаревича не доказана, а значит и не доказана вина Копынина и Таросова в укрывательстве умышленного убийства.

Разъясняя вам, что действительно, виновность Копынина и Таросова в укрывательстве преступления, в данном случае

умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, зависит от доказанности вины Рагимова в этом преступлении. Но вопросы в вопросном листе вам поставлены по фактам. Вы судьи фактов. И должны ответить по вопросам факта. А под какое деяние, предусмотренное уголовным кодексом, подпадают их действия или вообще не подпадают, решать буду я. Это вопросы юридической квалификации, по закону отнесенные к моей компетенции.

Прошу вас не вникать в те юридические вопросы, отнесенные законом к разрешению судьи — профессионала, в которые пытались ввести вас защитники, при решении вопросов факта о доказанности деяний, вмененных Копынину и Таросову органами предварительного следствия, и поставленные вам в вопросном листе.

По первому вопросу, поставленному в вопросном листе, у сторон нет спора, поэтому я думаю, для вас не будет особой сложностью дать на него ответ.

По второму вопросу у государственного обвинителя и у защиты позиции разные. Если вы полностью соглашаетесь с позицией государственного обвинителя, то должны ответить на этот вопрос положительно. Если вы частично соглашаетесь с позицией обвинения, то должны ответить, в какой части доказано обвинение в отношении Рагимова. Если вы соглашаетесь с позицией защиты, то должны ответить по позиции защиты, что доказано только, что Рагимов нанес один удар в шею Макаревичу, а остальное не доказано. Хотя вы можете признать, что не доказан даже и этот факт.

По третьему вопросу у сторон также расходятся позиции. Если вы соглашаетесь с позицией государственного обвинения, то должны ответить на него положительно. Если соглашаетесь в части, то должны ответить, в какой части доказаны те обстоятельства, о которых идет речь в вопросе, и в какой — не доказаны. Если вы соглашаетесь с позицией защиты, то должны ответить на этот вопрос отрицательно.

Я считаю необходимым отмстить следующее. Государственный обвинитель вам сказал в речи, что Макаревичу особые мучения и страдания причинены путем нанесения большого количества ударов — по заключению эксперта 12-13. Разъясняю вам, что вы должны исходить из 6 ударов по голове и телу и трех ударов палкой по голове, так как предъявлено обвинение. Прокурор, не перепредъявив обвинение, произвольно увеличил его. Это запрещено законом.

Вам судить, это большое количество или нет, и могли ли такими ударами быть причинены жертве особые мучения и страдания, а главное — был ли умысел Рагимова, при условии доказанности совершения им убийства, направлен именно на причинение жертве особых мучений и страданий при лишении жизни.

Из своей недавней практики скажу, что я рассмотрела два дела, по которым виновные были осуждены за убийство с особой жестокостью: один, совершая убийство, причинил потерпевшему 100 ножевых ранений, а другой нанес жертве 35 ударов руками и ногами.

При ответе на четвертый вопрос, виновен ли Рагимов в умышленном лишении жизни Макаревича при условии положительного ответа на второй вопрос, вам следует ответить утвердительно, если вы соглашаетесь с позицией государственного обвинителя. Если соглашаетесь с позицией защиты о совершении Рагимовым неосторожного убийства, то должны ответить: он виновен, но в совершении убийства по неосторожности.

Как в законе понимается умышленное убийство, я вам уже разъясняла. Теперь разъясню, как в законе понимается совершение убийства по неосторожности.

Неосторожным признается убийство тогда, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Причем расчет виновного на случайные обстоятельства, «на авось», свидетельствует о наличии у него косвенного умысла, т.е. умышленного убийства. Изложенное в законе понятие о неосторожных преступлениях сложно для понимания. Поэтому я вам просто расскажу о классических примерах совершения убийства по неосторожности. Например, лицо, не желая смерти потерпевшего и не допуская ее наступления, наносит удар в голову потерпевшего. У здорового человека от такого удара имелись бы только легкие телесные повреждения. Но в данном случае у пострадавшего было заболевание сосудов головного мозга, и от нанесенного ему одного удара произошло кровоизлияние в мозг, человек умер.

Другой пример. Лицо также наносит удар, тоже не желая и не допуская смерти потерпевшего, который падает, ударяется о твердое, допустим, бетонное покрытие и умирает от черепно-мозговой травмы, полученной при падении, а не непосред-

ственно от полученного удара. При таких обстоятельствах налицо неосторожные убийства.

Теперь вспомните обстоятельства данного дела, когда потерпевшего в бессознательном состоянии с тяжелой черепно-мозговой травмой кладут под рельсы, и электропоездом происходит травматическое отделение головы от тела. Вы также должны ответить на вопросы о том, заслуживают ли подсудимые снисхождения либо особого снисхождения при условии признания их виновными. Не скрою от вас, что в случае положительного ответа на эти вопросы закон ставит меня в определенные рамки при назначении наказания. Какие конкретно эти рамки — мне бы не хотелось вам говорить, чтобы вы не ставили решение вопроса о виновности в зависимость от конкретных мер наказания, которые могут быть назначены подсудимым. Вы должны при ответе на вопросы о том, заслуживают ли подсудимые снисхождения либо особого снисхождения, исходить только из обстоятельств дела.

Основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность принципа презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого

В совещательной комнате вам предстоит решить вопрос, доказал ли государственный обвинитель предъявленное подсудимому обвинение и в каком объеме, полностью или частично. От вас не требуется с математической точностью установить, что произошло в действительности.

Ваша служба будет исполнена, если ваш вердикт оценил, доказано или не доказано обвинение.

Любой подсудимый, проходящий по делу, считается невиновным.

По разуму наших законов, и прежде всего Конституции, ни в коем случае нельзя предполагать виновности подсудимого. Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность.

Если вы находите, что обвинение несомненно доказало вину подсудимых, ваш долг признать его виновным, а если обвинение не смогло с несомненностью доказать виновность, вы обязаны признать их невиновными. Сомнения должны толковаться в пользу подсудимых. Но сомнения эти должны быть разумными и неустранимыми.

Что такое разумные сомнения? Это такие сомнения, которые можно разумно объяснить, основанные на здравом смысле, а не на предвзятом мнении, предположениях, воображениях, чувстве симпатии или антипатии к подсудимым, желании угождать общественному мнению, оправдать ожидания друзей. Не-

устранимые сомнения — это те сомнения, которые невозможно устранить путем тщательного и всестороннего анализа представленных вам доказательств, остающиеся после долгой, и внимательной оценки каждого доказательства в отдельности и в совокупности.

По выражению выдающегося русского юриста А.Ф. Кони, с сомнением нужно бороться — и победить его или быть им побежденным, так чтобы в конце концов, «не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово — «виновен» или «не виновен»».

Обвинительный вердикт не может быть основан на предположениях и догадках, только на доказательствах. Но не все, что вы здесь увидели и услышали, является доказательством.

Не является доказательством обвинительный акт, из него нельзя делать выводы относительно вины. В нем изложена лишь версия обвинения.

Не являются доказательствами заявления и аргументы противоположных сторон. Речи сторон в прениях позволяют систематизировать доказательства, но сами по себе доказательствами не являются.

То, что подсудимый находится под стражей, не является доказательством его виновности.

Доказательствами являются любые фактические данные, содержащиеся в показаниях свидетелей, потерпевших, подсудимых, заключениях экспертов, протоколах следственных действий, а также вещественные доказательства.

Никакое доказательство не имеет заранее установленной силы, не лучшего и не худшего вида. Оценивать все доказательства вы должны по своему внутреннему убеждению, основанному на полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела.

Доказательства оцениваются по их источнику, содержанию и психологическим свойствам.

Одни лишь вы должны решить, каким доказательствам верить и до какой степени, а каким — нет. При оценке показаний подсудимых и свидетелей вы можете иметь в виду, последовательны их показания или нет, даны ли показания непринужденно, без давления или наоборот, имеется ли у них интерес в деле, и какой, а иногда и манеру поведения в суде.

При противоречивых показаниях надо иметь в виду, идет ли речь о важных или маловажных деталях и являются ли эти расхождения следствием невинной лжи, например, забывания, что является обычным делом, или умышленной ложью.

Следует иметь в виду, что у подсудимых есть важнейший интерес в деле. Но подсудимый имеет право выступать в свою защиту. Его показания не должны восприниматься с недоверием лишь потому, что он является подсудимым.

Если показания подсудимого непоследовательные, т.е. противоречивые, это не означает, что подсудимый сознает свою вину. Вам следует рассматривать непоследовательные показания подсудимого и оценивать их наряду со всеми прочими доказательствами по делу в совокупности.

Протоколы следственных действий являются достоверными доказательствами, если они составлены в соответствии с требованиями закона, по правилам.

Заключение эксперта — это заключение специалиста в области каких-либо знаний, это доказательство равное другим доказательствам. Оно не имеет какого-то преимущественного значения. Эксперты должны обладать высокой квалификацией, знать данное дело и быть добросовестными. Если вы считаете, что эксперты обладают этими свойствами, то ничего не мешает вам поверить им как специалистам.

Вещественные доказательства — это плоды, орудия и следы преступления.

Что касается доказательств вообще, то они приобретают тем больше силы и убедительности, чем больше одно доказательство согласуется с другим, чем больше одно доказательство дополняет другое, чем больше они обуславливают друг друга. Это и есть оценка доказательств в их совокупности.

Все что я вам сказала, вы можете принять во внимание, а можете не принять. Я старалась не высказать свое мнение по делу.

Порядок совещания, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосование по ответам и вынесение вердикта.

Вы выносите вердикт в совещательной комнате. В совещательную комнату удаляются только комплектные присяжные заседатели, запасные присяжные заседатели остаются в зале. Присутствие в совещательной комнате иных лиц, кроме комплектных присяжных заседателей, не допускается. С наступлением ночного времени, а с моего разрешения также по окончании рабочего времени, вы вправе прервать совещание для отдыха. Все то, что происходило в совещательной комнате, все ваши мнения и обсуждения вы не можете разглашать. Тайна совещания присяжных заседателей должна быть сохранена.

Вашим совещанием руководит старшина. Он последовательно ставит на обсуждение подлежащие разрешению вопросы,

проводит голосование и ведет подсчет голосов. При обсуждении вопросов вы должны стремиться к принятию единодушных решений. Если в течение трех часов после удаления в совещательную комнату вы не пришли к единодушному решению по всем поставленным перед вами вопросам, то приступаете к формулированию ответов, принятых большинством голосов в результате проведенного голосования. Еще раз повторяю, что к голосованию по большинству вы можете перейти только по истечении трех часов, а до этого стремитесь к принятию единодушных ответов по всем поставленным вопросам. Прошу старшину, когда вы удалитесь в совещательную комнату, отметить время. А впрочем, я сама объявлю время удаления в совещательную комнату, со старшиной сверим время. Если вам все-таки придется голосовать, то голосование проводится открыто, никто из вас не вправе воздержаться при голосовании. Старшина подает свой голос последним.

Ответ на каждый вопрос, поставленный в вопросном листе, должен представлять собой утвердительное «да» или отрицательное «нет» с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, раскрывающим сущность ответа («да, виновен»; «нет, не виновен»; «да, доказано»: «нет, не доказано»: «да, заслуживает снисхождения»; «нет, не заслуживает снисхождения»).

Ответы на вопросы вносит в вопросный лист старшина непосредственно после каждого голосования на все вопросы по порядку. Если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, старшина с согласия большинства присяжных заседателей вписывает после него слова «без ответа».

Если ответ на вопрос принимался голосованием, старшина указывает после ответа результат подсчета голосов.

Вопросный лист с ответами коллегии присяжных заседателей подписывается старшиной присяжных заседателей.

Если во время совещания у вас возникнет необходимость в дополнительном исследовании каких-либо обстоятельств, имеющих существенное значение для ответа на вопросы, вы можете вернуться в зал, и старшина тогда обратится ко мне с соответствующей просьбой. И, если это возможно, я возобновлю судебное следствие.

Если во время совещания у вас возникнет необходимость в уточнении формулировки поставленных перед вами вопросов, вы можете вернуться в зал, и старшина обратится ко мне с со-

ответствующей просьбой. Если я посчитаю это необходимым, то внесу в вопросный лист уточнения или сформулирую новые вопросы.

Вы также можете возвратиться в зал и через старшину обратиться ко мне с просьбой о получении от меня дополнительных разъяснений, если вам что-нибудь будет неясно.

После того как ответы на вопросы будут внесены в вопросный лист, и вопросный лист подписан старшиной, вы возвращаетесь в зал судебного заседания.

Завершая свое напутственное слово, напоминаю вам содержание данной вами присяги о том, что вы должны исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, доводы, обстоятельства дела и ничего, кроме них, разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку.

Желаю вам плодотворной работы!

7. Напутственное слово председателствующего по делу М.Н. Масарова*

Уважаемые присяжные заседатели!

Закончилось судебное следствие и судебные прения по рассматриваемому с Вашим участием уголовному делу по обвинению Масарова Максима Николаевича по ст. ст. 226 ч. 1, 162 ч. 4 п. «в», 105 ч. 2 п. «з» и 105 ч. 1 УК РФ.

Вам передан вопросный лист, и скоро вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вердикта, которым называется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам, включая вопрос о виновности подсудимого в совершении вмененных ему в вину деяний.

Прежде чем вы удалитесь в совещательную комнату, я, в соответствии с требованиями ст. 340 УПК РФ, обязан обратиться к вам с напутственным словом, в котором приведу содержание обвинения, предъявленного подсудимому; сообщу содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый; напомним исследованные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его; изложу позицию государственных обвинителей и защиты по делу; разъясню основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность принципа презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого с тем, чтобы помочь вам разобраться в этом деле.

Однако в своем напутственном слове я не в праве высказывать свое мнение по делу. Вам предстоит установить факты, изложенные в вопросном листе, а я буду в отношении этих фактов применять закон.

Если я не упомяну какое-то доказательство или факт, это не означает, что такого доказательства или факта не было, поскольку сказать по делу все в относительно кратком напутственном слове невозможно.

Ваш вердикт должен быть основан на вашей опытности и знании действительной жизни. Вердикт вы должны постановить по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем обсуждении дела. Ваше слово завершит это дело. Мы посвятили более недели рассмотрению доказательств, представленных

* Дело рассматривалось в Архангельском областном суде.

сторонами обвинения и защиты. Теперь наступил самый ответственный момент — вынесение вами вердикта. Я надеюсь, что наш труд не будет бесплодным, жду от вас вердикта обдуманного, взвешенного и объективного.

Содержание обвинения Масарова

Прокуратурой Архангельской области Масаров обвиняется в том, что

■ 4 января 2004 года, период времени с 3 часов ночи до 6 часов утра, из квартиры № 6 дома № 3 квартала Энергетиков г. Энска Архангельской области тайно похитил у Добрынина С.А. заряженный патрон 20-го калибра к охотничьему ружью, являющийся боеприпасом.

Эти действия Масарова квалифицированы по ст. 226 ч. 1 УК РФ как хищение боеприпасов.

■ 4 января 2004 года, в период времени с 3 часов ночи до 6 часов утра, на территории автозаправочной станции № 26 открытого акционерного общества «НК Роснефть-Архангельскнефтепродукт» (далее АЗС) в д. Бобыкинская Энского района Архангельской области с целью хищения денег напал на дежурную Анисимову Т.Л., при этом через окно умышленно с целью убийства выстрелил в нее из охотничьего ружья, причинил сквозное огнестрельное ранение грудной клетки с повреждениями внутренних органов, расценивавшееся как тяжкий вред здоровью, от которого женщина на месте скончалась.

Эти действия Масарова квалифицированы одновременно по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни, с применением оружия и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, и по ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, сопряженное с разбоем.

■ 9 января 2004 года, около 3 часов, у дома № 3 квартала Энергетиков г. Энска во время ссоры на почве личной неприязни умышленно с целью убийства нанес Журавлеву А.В. удар ножом в лицо, причинив сквозное ранение носа и ранение верхней губы, расценивающиеся как легкий вред здоровью; 10 ударов кулаками и ногами в обуви по голове, причинив множественные кровоподтеки и кровоизлияния, ушибленную рану лица и перелом костей спинки носа, как вред здоровью не расценивающиеся; сдавливал руками шею, отчего в результате развившейся механической асфиксии (удуше-

ния) вследствие перекрытия дыхательных путей тот умер на месте.

Эти действия Масарова квалифицированы по ст. 105 ч. 1 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку.

Содержание уголовного закона, по которому обвиняется Масаров

Статья 226 ч. 1 УК РФ предусматривает ответственность за хищение боеприпасов, которое наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Под боеприпасами понимаются, в том числе и патроны к охотничьему оружию, снаряженные пороховым зарядом и металлическим снарядом, к которым, в частности, относятся пули.

Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Совершение одними действиями совокупности разбоя и убийства, уголовным законом предусматривается.

Статья 162 ч. 4 п. «в» УК РФ предусматривает ответственность за разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет лишения свободы со штрафом в размере до одного миллиона рублей.

Под разбоем понимается нападение в целях хищения чужого имущества, в том числе совершенное с применением насилия, опасного для жизни.

Определение хищения вам уже давалось.

Разбой считается оконченным преступлением с момента нападения в целях хищения чужого имущества независимо от того, было ли чужое имущество изъято.

Под нападением понимается применение насилия, в том числе и производство в потерпевшего выстрела.

Применение при разбое оружия включается в конструкцию разбоя с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Статья 105 ч. 2 п. «з» УК РФ предусматривает ответственность за убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку (лишение его жизни), сопряженное с разбоем, и наказывается лишением свободы на срок от 8 до 20 лет либо (с учетом позиции Конституционного суда РФ) пожизненным лишением свободы.

Определение разбоя вам уже давалось.

Статья 105 ч. 1 УК РФ предусматривает ответственность за убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку (лишение его жизни), в том числе и из личной неприязни, и наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет.

Уважаемые присяжные заседатели! Информация о предусмотренных законом наказаниях не должна влиять на решение вами вопросов о виновности и доводится до вашего сведения лишь для обдуманного решения вопроса о снисхождении.

Закон требует, чтобы я напомнил вам доказательства, исследованные в суде.

Разъясняю вам, что не все услышанное в судебном заседании является доказательствами.

Показания подсудимого, потерпевших, свидетелей, заключения и показания экспертов, протоколы следственных действий, вещественные доказательства и различные документы, оглашенные в ходе судебного следствия, — это доказательства по делу, которые вам следует оценить, проанализировать в совещательной комнате, после чего ответить на поставленные перед вами вопросы.

Речи государственного обвинителя, защитника не являются доказательствами, ибо это только их мнение по данному делу, высказанное для судей по поводу исследованных доказательств. Мнение участников процесса не обязательно ни для вас, ни для меня. Вы можете согласиться с кем-то из них, а можете не согласиться. Это ваше право. У вас может быть и свое отличное от сторон мнение по делу, которое вы изложите при ответах на вопросы.

Обстоятельства получения всех представленных вам доказательств были мною тщательно проверены мною, как перед началом судебного разбирательства, так и во время рассмотрения дела. Все они являются законными, полученными без каких-либо нарушений норм УПК РФ, и должны приниматься Вами во внимание при обсуждении поставленных перед Вами вопросов и дачи ответов на них.

Как я уже сказал, показания подсудимого являются доказательством по делу, но оцениваться они должны в совокупности с другими добытыми по делу доказательствами. Подсудимый был вправе отказаться от дачи показаний. Он не предупреждался и не несет уголовной ответственности, в отличие от потерпевшего и свидетелей, за дачу заведомо ложных показаний. Он мог давать любые показания, в том числе обвиняя и

иных лиц в том преступлении, которое стало предметом рассмотрения в суде.

Доказательства, исследованные в судебном заседании

В судебном заседании Масаров по обвинению в хищении боеприпасов, разбойном нападении и убийстве Анисимовой вину не признал и показал следующее.

В квартиру Добрыниных он имел свободный доступ.

Перед новым 2004 годом искал в этой квартире аудиокассету и под кроватью в маленькой комнате случайно нашёл охотничье ружье, взял его в руки, а затем положил обратно. Собирать и заряжать ружье он не умеет.

О найденном ружье сообщил Орехве, чтобы тот убрал оружие.

В ночь на 4 января 2004 года в квартиру Добрыниных заходил, но ружье и патрон не брал.

Выйдя из квартиры Добрыниных, прогуливался в одиночестве по безлюдной дороге. Дойдя до АЗС, решил спросить, сколько времени, и увидел, что в окне оператора разбито стекло, испугался и убежал в лес. Затем вернулся в квартиру Добрыниных, застал там обоих супругов, после чего отправился к себе домой спать.

По ходатайству стороны обвинения в судебном заседании были оглашены иные показания Масарова, данные им на предварительном следствии.

Так, из протокола явки с повинной от 28 января 2004 года видно, что Масаров дословно собственноручно написал следующее: «В ночь с 3 на 4 января, в 4 часа утра, расставшись с Курбатовым Александром, направился к Орехве Руслану... Его там не застал (дома находился его отец Добрынин)... В связи с острой нехваткой денежных средств меня мучили мысли, где их взять, в памяти всплыли несколько историй, связанных с ограблением АЗС. Потом я пошел домой, где, сделав маску из женских чулков... я отправился к Добрынину домой и, воспользовавшись тем, что он спал, взял у них дома ружье, про которое я узнал в ходе одной из пьянок. Взяв ружье, я направился на АЗС. Пройдя за АЗС и надев маску, я зашел с другой стороны и подошел к окну, стволом ружья выбив стекло, я хотел потребовать деньги, но в этот момент женщина закричала и произошел выстрел. Убивать ее я не хотел и, испугавшись того, что произошло, убежал с места происшествия... Днем следующего дня я занес ружье Добрыниным, когда их не было дома».

28 января 2004 года, будучи допрошенным в качестве подозреваемого, Масаров показал дословно следующее: «...Хочу сказать, что последнее время я испытывал острую потребность в деньгах. В этот день особо был морально подавлен отсутствием денег и, придя домой, решил в эту ночь совершить ограбление. До нового года, когда точно не помню, со Спиридоновым В., Орехвой Р. и дочерью Орехвы Р. мы заезжали заправляться на АЗС-26. Преступление с самого начала хотел совершить один. Обдумав все, я направился в квартиру Добрынина С., и, взяв ружье и один патрон, я направился в сторону АЗС-26. ... Прибыв на территорию АЗС, я хотел внезапно появиться и с этой целью подходил с задней стороны операторской. Подойдя к окну операторской, я, направляя ружье в сторону оператора и хотел разбить стекло стволом ружья, произвел произвольный выстрел... Хочу добавить, что к окну АЗС я подходил, надев на голову... черный... чулок, который взял у себя дома и в последующем выкинул в мусорный пакет у себя дома. По поводу гильзы хочу добавить, что я выкинул ее, уходя от АЗС... зайдя домой, я оставил ружье и направился к Добрыниным...».

Описывая день 4 января 2004 года, Масаров показал: «Я оделся, взял ружье и с целью положить его обратно под кровать в квартире Добрынина С. направился туда. Зная о том, что в доме никого нет, я не переживал, что меня увидят, зашел и положил обратно ружье и ушел. О том, что брал я ружье или нет, из Добрыниных никто не заметил. Хочу добавить, что о ружье я узнал случайно в разговоре от Орехвы Р., когда мы распивали спиртное».

29 января 2004 года во время дополнительного допроса в качестве подозреваемого Масаров показал: «4 января 2004 года в момент нападения на АЗС-26 на мне была... куртка типа «пуховик»... сапоги черные замшевые на резиновой подошве... В тот момент, когда прозвучал выстрел, я обратил внимание на то, что оператор была женщина... Во время выстрела она сидела за столом...»

19 февраля 2004 года после предъявления обвинения Масаров показал: «О том, что на АЗС имеются деньги, я был уверен, так как там постоянно заправляются машины. Ружье я нес разобранным, собрал непосредственно у операторской АЗС, патрон вставил тоже при сборке. Когда я направлял ружье в сторону оператора, убивать я ее не хотел. Когда произвел выстрел, я сам сильно испугался, до момента выстрела, хочу дополнить, она закричала... До момента ограбления этого я решил, что если

я добуду деньги, то сразу уеду... Подтверждаю, что я при нападении одевал на голову чулок женский, который я после происшедшего на АЗС положил дома в пакет с мусором, который могу показать при выемке».

20 февраля 2004 года при дополнительном допросе в качестве обвиняемого Масаров показал: «Взяв ружье, я пошел к себе в соседний дом... чтобы сделать маску... отправился на АЗС».

На вопрос следователя: «Почему выбрали именно АЗС?» — ответил: «Находится на отшибе, деньги там водятся».

Далее пояснил, что рассчитывал на деньги в сумме не менее десяти тысяч, добирался пешком, зашел с тыльной стороны за АЗС, «стал выходить к окну, разбив окно, женщина закричала, произошел выстрел, не успел спросить про деньги и ушел оттуда...».

В судебном заседании был оглашен протокол выемки, в котором указано, что 24 февраля 2004 года обвиняемый Масаров добровольно выдал из своей квартиры обрезанный капроновый чулок.

26 февраля 2004 года обрезанный чулок был осмотрен и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

3 июня 2004 года на допросе после перепредъявления обвинения Масаров, уже отрицая тот факт, что в ночь на 4 января 2004 года он совершал какие-либо преступления, показал: «К... ружью я прикасался, держал его в руках и также к боеприпасам и патронам, а также нажимал на спусковой крючок... разбирал и собирал ружье...».

Стороной обвинения также были представлены следующие доказательства.

Свидетель Жгилев М.С. в суде показал, что около 3 часов ночи 4 января 2004 года вместе с друзьями подъезжал на АЗС, и их автомашина была заправлена дежурным.

В судебном заседании были оглашены показания свидетеля Кутышевой О.С. о том, что в ночь на 4 января 2004 года Масаров вместе с Курбатовым проводил ее до дома. Когда они расстались, времени было около 4 часов ночи.

Свидетель Курбатов А.В. в суде показал, что 4 января 2004 года Масаров расстался с ним около 3 час. 40 мин. и направился в сторону своего дома.

При оценке данного доказательства, уважаемые присяжные заседатели, прошу вас не принимать во внимание утверждение свидетеля Курбатова о негативном его отношении к Масарову в связи с обвинением, поскольку подсудимый считается неви-

новным, пока в отношении него не вступил в законную силу обвинительный приговор.

Свидетель Добрынин С.А. показал в судебном заседании, что в октябре 2003 года приобрел ружье и вместе с патронами хранил его под кроватью в маленькой комнате.

В ноябре 2003 года его приемный сын Орехва Р. сообщил ему, что знает о ружье.

В ночь на 4 января 2004 года он видел в своей квартире Масарова, который проживает в соседнем с ним доме. Никаких иных лиц в ту ночь в его квартире не было.

Впоследствии ружье и патроны были у него изъяты.

Свидетель Чудинов А.В. в судебном заседании показал, что 4 января 2004 года, около 5 час. 45 мин. утра, подъезжая со стороны Энска к АЗС, заметил на дороге, на свежевывавшем снегу, одну цепочку следов.

В операторской АЗС он увидел разбитое стекло и сообщил в милицию.

В соответствии с исследованной в судебном заседании справкой Энская метеостанции, с 00 часов до 9 часов 4 января 2004 года шел снег.

В соответствии с оглашенным в судебном заседании протоколом осмотра места происшествия и продемонстрированными вам схемой и фотографиями, окно оператора АЗС было разбито. На полу лежал труп Анисимовой с зажатой в правой руке шариковой ручкой и сквозным ранением правого плеча, грудной клетки и касательным ранением левого предплечья.

Внутри помещения обнаружены и изъяты войлочный пыж, пуля и бумажная прокладка.

Если кто-либо из вас, уважаемые присяжные заседатели, при демонстрации схемы и фотографий к этому протоколу увидел схемы не с изображением силуэта человека на стуле, прошу вас не принимать эти две схемы во внимание, поскольку они являются предположениями составившего их лица, а не доказательствами. На момент осмотра места происшествия труп Анисимовой лежал на полу.

В судебном заседании также исследовался протокол дополнительного осмотра места происшествия, в соответствии с которым, в районе АЗС была обнаружена цепочка следов обуви. Обувь, оставившая следы, имела каблучную часть и протектор на подошве. С гипсового оттиска наиболее выраженного следа был сделан чертеж-схема, который предъявлялся вам стороной обвинения.

В соответствии с заключениями экспертов, смерть Анисимовой наступила от сквозного пулевого ранения грудной клетки с повреждением обоих легких, аорты, пищевода и селезенки.

В момент выстрела Анисимова была обращена к стрелявшему правой боковой поверхностью тела. Выстрел в нее был произведен с близкой дистанции.

Входная огнестрельная рана расположена на наружной поверхности правого плеча. Раневой канал имеет направление справа налево и несколько сверху вниз.

Из раневого канала во время экспертизы был изъят войлочный пыж.

Согласно протоколу выемки, одежда Анисимовой и пыж из раны на ее труп были изъяты для дальнейших экспертиз.

В судебном заседании исследовался протокол обыска, в ходе которого из-под кровати в спальном комнате квартиры Добрынина были изъяты одноствольное охотничье ружье с патронами.

При обыске у Масарова, как это видно из оглашенного в судебном заседании протокола данного следственного действия, были изъяты куртка и сапоги.

В соответствии с заключением экспертов, изъятое у Добрынина ружье является огнестрельным оружием: гладкоствольным охотничьим ружьем 20 калибра заводского изготовления.

Ружье исправно. Без нажатия на спусковой крючок выстрел из него произойти не может.

Следов рук, пригодных для идентификации личности, на ружье не обнаружено.

На протирке канала ствола ружья обнаружены следы выстрела.

В качестве вещественного доказательства данное ружье было осмотрено в судебном заседании.

Изъятые при обыске у Добрынина патроны, согласно заключению эксперта, являются боеприпасами.

Изъятая в операторской АЗС пуля является деформированной охотничьей пулей, используемой при снаряжении патронов 20 калибра.

Вопрос о том, не из изъятого ли у Добрынина ружья выстрелена эта пуля, разрешить невозможно из-за того, что на гладком канале ствола отсутствует комплекс индивидуальных признаков.

Бумажная прокладка, изъятая из операторской АЗС, является бумажным пыжом-уплотнителем пули.

Из патронов, изъятых при обыске у Добрынина, также были извлечены бумажные пыжи-уплотнители пуль.

Один из этих пыжей-уплотнителей пули и пыж-уплотнитель

пули из операторской АЗС совпадают по форме, ширине, виду и цвету бумаги, а также имеют одинаковый волокнистый состав, толщину и вес в пересчете на 1 кв. м.

Оба этих бумажных пыжа-уплотнителя пуль были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств и осмотрены в суде.

Два войлочных пыжа, один из которых был изъят из операторской АЗС, а второй извлечен из трупа Анисимовой, и войлочные пыжи, которыми снаряжены патроны 20 калибра, изъятые в квартире Добрынина, совпадают по виду материала, цвету, форме и размерам.

Следов выстрела на куртке Масарова обнаружено не было.

Эксперт Артемьев Л.Д. пояснил, что попаданию следов выстрела на одежду стреляющего из охотничьего ружья, в отличие, например, от пистолетов, препятствуют плотно запирающийся зарядный механизм и длинный ствол оружия.

Трудностей сборка и зарядание охотничьего ружья не представляют. Для этого необходимо лишь время.

Согласно заключению эксперта, следы подошв обуви, с которых изготовлены гипсовые слепки, и след подошвы обуви, с которого изготовлен чертеж-схема, приложенная к протоколу дополнительного осмотра места происшествия, образованы обувью такой же формы, такого же размера и с таким же рельефным рисунком на подошве, что и у сапог Масарова.

Сапоги Масарова предъявлялись вам в качестве вещественных доказательств в сравнении с чертежом-схемой следа обуви, приложенной к протоколу дополнительного осмотра места происшествия.

Свидетель Орехва Р.В. показал, что о наличии у отца ружья узнал, когда случайно нашел его под кроватью.

С этим ружьем он один раз ходил на охоту, но выстрелов не производил.

На вопрос государственного обвинителя о том, говорил ли он о ружье Масарову, свидетель Орехва определенного ответа дать не смог.

Орехва также показал, что в декабре 2003 года Масаров предлагал ему и Спиридонову изымать деньги у «дальнобойщиков» и на АЗС, запугивая граждан ружьем. Для этого Масаров интересовался, где можно взять ружье.

Спиридонов говорил, что ружья имеется у него. Масаров вместе с ним ходил к Спиридонову за ружьем, но не застал последнего дома.

В то же время они подъезжали на АЗС-26, и Масаров расплачивался там за бензин.

6 января 2004 года Масаров говорил ему, что нашел ружье Добрынина.

Свидетель Черепкова Е.Н. показала, что в ночь на 4 января 2004 года домой в д. Наводово Орехва пришел с работы около 2-го часа ночи и до 9 часов утра из дома больше не выходил.

Около 2 час. 30 мин. они вместе легли спать. Около 4 часов и около 5 часов ночи просыпался их маленький ребенок, к которому она вставала. Орехва все это время спал.

Свидетель Спиридонов С.Н. в судебном заседании показал, что в декабре 2003 года он вместе с Масаровым и Орехвой подъезжал на автомашине своего брата на АЗС-26.

В тот же день они употребляли спиртное, и Масаров, желая разбогатеть, предлагал ему и Орехве совершать налеты на «коммерсантов» и на АЗС.

Масарову нужны были огнестрельное оружие и автомашина.

У него (Спиридонова) имелись самодельное ружье и сломанная автомашина. Он сказал об этом Масарову.

На следующий день Масаров собирался придти к нему за ружьем, но он из дома ушел.

В ночь на 4 января 2004 года он находился не в Энске, а в Шелашском лесопункте, у своих родственников.

Впоследствии сдал свое самодельное ружье в милицию.

В судебном заседании была исследована справка Энского РОВД о том, что Спиридонов сдал охотничье ружье 32-го калибра.

Эксперт Артемьев Л.Д. показал, что 32-й калибр охотничьего оружия меньше 20-го калибра охотничьего оружия.

Произвести выстрел из ружья 32-го калибра патроном 20-го калибра невозможно.

Свидетель Добрынина В.Ф. показала, что Масаров заходил к ним домой свободно и в любое время.

4 января 2004 года, около 5 час. 40 мин., она пришла домой с дежурства. Дома спал муж. После того, как муж встал, пришел Масаров и рассказал, что всю ночь находился у Кутышевых.

Ее сын Орехва в первых числах января 2004 года жил не у них дома, а у своей жены в д. Наводово.

В судебном заседании по обвинению в убийстве Журавлева Масаров вину признал частично и показал, что в ночь на 9 января 2004 года у дома № 3 квартала Энергетиков в г. Энске Журавлев сказал ему что-то грубое, догнал и схватил за плечо. Он

тоже ответил грубостью. Тогда Журавлев стал наносить ему удары руками. Часть ударов попали ему в голову, часть ударов он отбил. В ответ он тоже наносил Журавлеву удары руками. В процессе драки они упали на крыльцо. Постепенно Журавлев перестал сопротивляться. Он же продолжил избивание Журавлева. Во время избивания поднимал Журавлева сзади руками за ворот одежды, удерживал так и наносил при этом удары ногами, стараясь попасть в голову. После того, как Журавлев перестал подавать признаки жизни, вызвал скорую медицинскую помощь.

Ножа у него не было, удара ножом он Журавлеву не наносил. Во время избивания обронил ключи и искал их на крыльце и в снегу, подсвечивая себе спичками. Руками он Журавлева не душил.

В судебном заседании был исследован протокол осмотра места происшествия, из которого видно, что с 3 часов 40 минут ночи осматривалось крыльцо 3-го подъезда дома № 3 квартала Энергетиков.

На крыльце лежал труп мужчины, обильно испачканный веществом, похожим на кровь. Рядом обнаружены вязаные перчатки и шапочка.

В подъезде никаких следов не обнаружено.

В судебном заседании также оглашался протокол дополнительного осмотра места происшествия, в соответствии с которым, следы в виде дорожки капель, похожих на кровь, обнаружены и на снегу между 3-м и 2-м подъездами дома № 3 квартала Энергетиков.

К протоколу прилагается фототаблица, которая вам предъявлялась.

В соответствии с заключением судебно-медицинского эксперта, смерть Журавлева наступила от механической асфиксии в результате сдавления шеи руками, о чем свидетельствуют 2 кровоподтека овальной формы на передней поверхности шеи, переломы щитовидного и перстневидного хрящей, подъязычной кости с кровоизлиянием в окружающие ткани, одутловатость и синюшность кожи лица, единичные мелкопятнистые внутрикожные кровоизлияния, единичные мелкоочечные субконъюнктивальные и субплевральные кровоизлияния.

На трупе также имелись сквозная колото-резаная рана носа и колото-резаная рана верхней губы, расценивающиеся как легкий вред здоровью, а также множественные кровоподтеки и ушибленные раны лица, перелом костей спинки носа, как вред здоровью не расценивающиеся.

Эксперт Анфимов В.Г. пояснил, что смерть Журавлева наступила от того, что его шея сдавливалась руками с достаточной силой и достаточное время.

От ударов в шею смерть Журавлева наступить не могла, поскольку удары — это слишком кратковременные воздействия для того, чтобы проявились все признаки удушения.

Удушение Журавлева частями одежды при его поднимании за ворот также исключается, поскольку на шее нет борозды от воздействия одежды, а имеются лишь кровоподтеки овальной формы.

9 января у Масарова при обыске были изъяты сапоги и куртка. Сапоги предъявлялись вам в качестве вещественного доказательства.

В соответствии с заключением судебно-медицинского эксперта, на куртке и обуви Масарова обнаружена кровь человека одной с Журавлевым группы.

Происхождение крови от Масарова исключается.

Свидетель Добрынина В.Ф. в суде показала, что с вечера 8 января 2004 года в ее квартире мужчины распивали водку и пиво. В распитии спиртных напитков участвовал Журавлев. Масаров также заходил к ним поест.

На столе в кухне лежал кухонный нож.

Около 22 часов она ушла вместе с Нигматулиной, у которой и осталась ночевать. Перед ними уходил Масаров.

9 января 2004 года она вернулась домой и узнала об убийстве Журавлева. На полу кухни увидела окровавленный след сапога Масарова и обнаружила пропажу ножа.

10 января 2004 года у своего дома вместе с Нигматулиной нашла свой кухонный нож, пропавший в ночь на 9 января 2004 года. Нож был в крови.

Предположив, что нож связан с убийством Журавлева, убрала нож в морозильную камеру. Впоследствии, узнав, что Журавлев был задушен, нож вымыла и пользовалась им по хозяйству, а затем выдала следствию.

Свидетель Нигматулина И.Е. в судебном заседании показала, что вечером 8 января 2004 года в квартире Добрыниных мужчины распивали спиртное. В распитии спиртного принимал участие Журавлев. Туда же пришел и Масаров. В кухне на столе она видела нож.

Во время распития спиртного Масаров в нецензурной форме сказал, что ей лучше уйти, после чего сам вышел на улицу.

Она испугалась и позвала с собой Добрынину. Перед выхо-

дом решила спрятать нож, который видела на кухне, но не нашла его.

На ночь она ушла домой вместе с Добрыниной.

9 января 2004 года узнала об убийстве Журавлевой и видела на полу кухни в квартире Добрыниной окровавленный след сапога Масарова.

10 января 2004 года вместе с Добрыниной в снегу у ее дома нашла окровавленный нож, который вечером 8 января 2004 года лежал у Добрыниных на столе. Этот нож она отдала Добрыниной. Та завернула его и убрала.

В судебном заседании исследовался протокол выемки, из которого видно, что 20 мая 2004 года свидетель Добрынина выдала нож, который был осмотрен и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

В соответствии с заключениями экспертов, раны на носу и верхней губе трупа Журавлева были причинены клинком этого ножа либо другим клинком с аналогичными конструктивными особенностями, степенью остроты лезвия и острия, свойствами обуха.

Крови на ноже, согласно заключению эксперта, не обнаружено.

Свидетель Полюкова Е.В. в судебном заседании показала, что 9 января, около 00 часов, пьяный Журавлев спал в подъезде, облокотившись на дверь ее квартиры.

В 3-м часу ночи, уходя на работу, она встретила у их дома Масарова и видела, как из их подъезда вышел какой-то мужчина.

Свидетель Зотова С.В., чей протокол допроса был оглашен в судебном заседании с согласия сторон, показала, что в ночь на 9 января 2004 года в квартире их соседей Добрыниных происходила «пьянка».

Около 3 часов той ночи она слышала «бурный» мужской разговор, который происходил у подъезда.

Свидетель Красильникова В.С. в суде показала, что в ночь на 9 января 2004 года она проснулась от сильного шума на крыльце их дома.

После этого она встала на стул в кухне и наблюдала и слышала, что происходило на крыльце.

Ей было слышно, что на крыльце стонал мужчина. Над ним стоял второй мужчина и наносил сильные удары. Никого больше на крыльце не было.

Избиение, как ей показалось, длилось долго, около двух часов. Избивавший бил много и сильно, из-за чего даже отдыхал,

облокотившись на перила. Иногда он что-то искал, подсвечивая себе спичками. Роста он был такого же, как и Масаров. Одет был в вязаную шапку и темную куртку. Более она ничего не рассмотрела.

После нанесения ударов мужчина постучал к ней в квартиру и сказал, что необходимо вызвать «скорую помощь». Она отправила его к верхним соседям, у которых имеется телефон.

Свидетель Колосов В.В. в судебном заседании показал, что 9 января 2004 года, около 3 часов ночи, Масаров из его квартиры вызывал скорую медицинскую помощь. Коридор, в котором у него стоит телефонный аппарат, освещен. Телесных повреждений у Масарова он не видел.

Масаров сказал ему, что необходимо вызвать «скорую медицинскую помощь» избитому мужчине, который лежит на улице.

При телефонном разговоре со станцией скорой медицинской помощи Масаров о своей причастности к избитию мужчины ничего не говорил, а утверждал, что случайно нашел потерпевшего.

В соответствии с заключением комиссии экспертов-психиатров, Масаров не страдал и не страдает хроническими или временными психическими расстройствами, слабоумием или иным болезненным состоянием психики. Поэтому его следует считать вменяемым, способным отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Позиция сторон

Государственный обвинитель, считая доказанным тот факт, что Масаров взял из квартиры Добрынина ружье, от обвинения подсудимого в хищении ружья отказался со ссылкой на то, что ружье тот брал не для распоряжения им по своему усмотрению, а во временное пользование. В связи с позицией стороны обвинения в части изъятия ружья вопросы перед Вами не ставятся.

В остальном обвинение государственными обвинителями было поддержано.

По мнению стороны обвинения, вина Масарова в изъятии патрона для последующего им распоряжения и лишении жизни Анисимовой при нападении на нее с целью изъятия денег полностью доказана протоколом его явки с повинной, последовательными показаниями в качестве подозреваемого от 28 и 29 января и обвиняемого от 19 и 20 февраля 2004 года, которые по обстоятельствам изъятия патрона, времени, месту, способу и всем иным обстоятельствам лишения жизни потерпевшей согласуются с достоверными показаниями свидетелей, в том числе

Добрынина, Добрыниной, Орехвы и Спиридонова, заключениями и показаниями экспертов, вещественными доказательствами, протоколами следственных действий и документами.

Совокупность этих исследованных в суде доказательств, по мнению стороны обвинения, полностью опровергает утверждения Масарова о непричастности к преступлениям, в совершении которых он обвиняется.

Обвинение Масарова в лишении жизни Журавлева государственный обвинитель также считает полностью доказанным заключениями и показаниями экспертов, показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и протоколами следственных действий.

По мнению государственного обвинителя со ссылкой на заключения и показания экспертов Цугули и Анфимова, именно Масаров нанес потерпевшему удар в лицо ножом, приобщенным к делу в качестве вещественного доказательства, а после избития задушил Журавлева руками.

Государственные обвинители возражают против того, что подсудимый заслуживает снисхождения

Сторона защиты, не оспаривая фактических обстоятельств происшедшего в ночь на 4 января 2004 года с Анисимовой, утверждает, что ружья и патрона Масаров в ту ночь из квартиры Добрынина не брал, нападения на потерпевшую с целью изъятия денег не совершал, а на АЗС пришел уже после того, как Анисимова была лишена жизни.

Признательные показания Масарова на предварительном следствии сторона защиты считает непоследовательными и не соответствующими действительности. Соглашаясь с тем, что выстрел в Анисимову был произведен именно из ружья, которое хранилось в квартире Добрыниных, защита ставит под сомнение показания свидетелей Добрынина, Добрыниной, Орехвы и Спиридонова.

По обвинению Масарова в лишении жизни Журавлева защита соглашается с тем, что потерпевшему был нанесен удар в лицо именно тем ножом, который был вам предъявлен в качестве вещественного доказательства, но утверждает, что этот удар нанес не Масаров.

Не оспаривая того, что смерть Журавлева наступила от удушья, сторона защиты, не соглашаясь с заключением и показаниями эксперта Анфимова, утверждает, что Масаров лишил потерпевшего жизни не сдавливанием шеи руками, а тем, что поднимал того за ворот одежды и наносил удары ногами.

По обвинению Масарова в действиях против Журавлева защита просит о снисхождении.

Основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого

Никто из присутствующих здесь юристов, никто из вас, уважаемые присяжные заседатели, не были очевидцами событий, которые послужили поводом прокуратуре для уголовного преследования подсудимого. Поэтому вы должны восстановить прошлое по доказательствам, которые были представлены сторонами в судебном заседании.

В совещательной комнате вам предстоит решить вопрос, доказало ли государственное обвинение предъявленное Масарову обвинение, и в каком объеме, полностью или частично.

Любой находящийся под судом человек считается невиновным, пока в отношении него не вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

По законам РФ, и, прежде всего, по Конституции РФ, нельзя предполагать виновность подсудимого. Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность. Невиновность презюмируется, то есть предполагается заранее.

Если вы найдете, что обвинение несомненно доказало вину подсудимого, Ваш долг признать его виновным, а если обвинение не смогло с несомненностью доказать виновности, вы обязаны признать его невиновным.

Сомнения должны толковаться в пользу подсудимого, но не все, а только разумные и неустранимые.

Что такое разумные сомнения? Это такие сомнения, которые можно разумно объяснить, основанные на здравом смысле, а не на предвзятом мнении, предположениях, воображениях, чувстве симпатии или антипатии к подсудимому, желании угождать общественному мнению, оправдать чьи-то ожидания.

Неустранимые сомнения — это те, которые невозможно устранить путем тщательного и всестороннего анализа представленных вам доказательств, остающиеся после долгой и внимательной оценки каждого доказательства в отдельности и в совокупности.

Вердикт не может быть основан на предположениях и догадках, только на доказательствах. Но не все, что вы здесь увидели и услышали, является доказательством.

Не являются доказательствами заявления и аргументы противоположных сторон.

Речи сторон в прениях позволяют систематизировать доказательства, но сами по себе доказательствами не являются.

То, что подсудимый находится под стражей, не является доказательством его виновности.

Доказательствами являются любые сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (событие преступления, причастность к нему подсудимого, виновность), а также иных обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. В качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевших, свидетелей, заключения и показания экспертов, протоколы следственных действий, иные документы, а также вещественные доказательства.

Не существует формальных правил оценки доказательств, когда одни доказательства всегда считаются предпочтительнее других. Все доказательства равны между собой, каждое не лучшего и не худшего вида. Оценивать все доказательства вы должны по своему внутреннему убеждению, основанному на полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, и по совести.

Внутренне убеждение основано на здравом смысле и жизненном опыте. Здравый смысл предполагает способность логически рассуждать и делать логические выводы из рассуждений. В понятие жизненного опыта входят знания об окружающей действительности как научные, так и обыденные.

Я вам расскажу о некоторых правилах оценки доказательств.

Одни только вы решаете, каким доказательствам верить и до какой степени, а каким — нет.

При оценке показаний подсудимого и свидетелей вы можете иметь в виду: последовательны их показания или нет, имеется ли у них интерес в деле, и если имеется, то какой.

При противоречивых показаниях надо иметь в виду, идет ли речь о важных или маловажных деталях, и являются ли эти расхождения следствием ошибки, например, забывания, что является обычным делом, или умышленной ложью.

Кроме того, при оценке показаний свидетелей вы можете иметь в виду, что не каждый свидетель, давая, например, правдивые показания по делу, может в отношении своих действий, если они не соответствовали закону или определенным правилам поведения, дать неверные показания. И он имеет на то право, поскольку, в соответствии с Конституцией РФ, никто не обязан свидетельствовать против себя и своих близких родствен-

ников. То есть если вы считаете, что в какой-то части свидетель дал неверные показания, то это может не означать, что ко всем его показаниям следует относиться с недоверием.

Следует иметь в виду, что у подсудимого есть важнейший интерес в деле, но он имеет право выступать в защиту своих интересов. Его показания не должны восприниматься с недоверием лишь потому, что он является подсудимым.

Протоколы следственных действий могут являться доказательствами, если они составлены в соответствии с требованиями закона, по правилам. В судебном заседании вам были представлены протоколы, составленные по процессуальным правилам. Кроме двух схем к протоколу осмотра места происшествия, АЗС, о которых я говорил ранее.

Заключение эксперта и его показания — это заключение или показания специалиста в области каких-либо знаний, в том числе науки и техники. Они могут быть достоверными, если выводы эксперта сделаны на основе достаточного материала, в ходе надлежащего исследования и в рамках, имеющихся у эксперта специальных познаний, его выводы научно обоснованы.

Документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, изложенные предпрятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами, имеют значение для уголовного дела.

Вещественные доказательства — это орудия и следы преступлений.

Основное правило оценки доказательств — это оценка доказательств в их совокупности.

Перед Вами массив доказательного материала. Из каждого доказательства вы должны выделить существенные для данного обвинения факты, подтверждающие или опровергающие обвинение. Это будет фундамент вашего решения. Все несущественные факты и обстоятельства будут находиться за пределами решения. Вам не надо обращать особого внимания на противоречия и сомнения в этих несущественных фактах. Ваша задача — тщательная работа с существенными фактами. Выбрав доказательство, подтверждающее какой-то факт, вы должны проанализировать, имеются ли другие доказательства, которые дополняют его, согласуются с ним или обуславливают его. Когда это так, тогда доказательства становятся убедительными, не оставляющими сомнений. Это и есть оценка доказательств в их совокупности.

Вам предстоит оценить все доказательства в их совокупности и, основываясь на них, принять правильное решение по делу.

Порядок совещания, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосование по ответам и вынесение вердикта

Вы выносите вердикт в совещательной комнате. В совещательную комнату удаляется только коллегия присяжных заседателей. Запасные присяжные заседатели остаются в зале. Присутствие в совещательной комнате иных лиц, кроме коллегии присяжных заседателей, не допускается. С наступлением ночного времени, а, с моего разрешения, также по окончании рабочего времени, вы вправе прервать совещание для отдыха. Вы не можете разглашать суждения, имевшие место во время совещания. Тот, кто вел записи, может использовать их при обсуждении ответов. Предупреждаю вас, что эти записи могут использоваться только теми присяжными заседателями, кто их вел. Записи являются субъективными. Остальные должны полагаться только на свою память.

Вашим совещанием руководит старшина. Он последовательно ставит на обсуждение подлежащие разрешению вопросы, проводит голосование и ведет подсчет голосов. При обсуждении вопросов вы должны стремиться к принятию единодушных решений. Если в течение трех часов после удаления в совещательную комнату вы не пришли к единодушному решению по всем поставленным перед вами вопросам, то приступаете к формулированию ответов, принятых большинством голосов в результате проведенного голосования. Еще раз повторяю, что к голосованию по большинству вы можете перейти только по истечении трех часов, а до этого стремитесь к единодушным ответам по всем поставленным вопросам. Если вам все-таки придется голосовать, то голосование проводится открыто, никто из вас не вправе воздержаться при голосовании. Голосуете вы по списку. Старшина подает свой голос последним.

Обвинительный вердикт считается принятым, если за него проголосовало большинство присяжных заседателей, оправдательный — если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов голосовало не менее шести присяжных заседателей. Вы вправе при вынесении обвинительного вердикта изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого. Например, признать его виновным в части обвинения.

Ответ на каждый вопрос, поставленный в вопросном листе, должен представлять собой утвердительное «да» или отрицательное «нет» с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, раскрывающим сущность ответа: «да, виновен»;

«нет, не виновен»; «да, доказано»; «нет, не доказано»; «да, заслуживает снисхождения»; «нет, не заслуживает снисхождения». Ответы на вопросы вносит в вопросный лист старшина непосредственно после каждого голосования на все вопросы по порядку.

Если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, старшина с согласия большинства присяжных заседателей вписывает после него слова «без ответа».

Если ответ на вопрос принимается голосованием, старшина указывает после ответа результат подсчета голосов.

Вопросный лист с ответами коллегии присяжных заседателей подписывается старшиной.

Если во время совещания у вас возникнет необходимость в дополнительном исследовании каких-либо обстоятельств, имеющих существенное значение для ответа на вопросы, вы можете вернуться в зал, и старшина тогда обратиться ко мне с соответствующей просьбой. И если это возможно, я с учетом мнения сторон возобновлю судебное следствие.

Если во время совещания у вас возникнет необходимость получить от меня дополнительные разъяснения, вы можете вернуться в зал, и старшина обратиться ко мне с соответствующей просьбой. Я дам вам необходимые разъяснения и при необходимости с учетом мнения сторон внесу в вопросный лист уточнения или сформулирую новые вопросы.

Вы также можете возвратиться в зал и через старшину обратиться ко мне с просьбой о получении от меня дополнительных разъяснений, если вам что-то будет неясным.

После того, как ответы на вопросы будут внесены в вопросный лист, и вопросный лист подписан старшиной, вы возвращаетесь в зал судебного заседания.

В случае вынесения обвинительного вердикта вам предстоит ответить на вопрос, заслуживает ли подсудимый снисхождения или нет.

В соответствии с законом, срок или размер наказания лицу, признанному коллегией присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказания не применяются, а наказание назначается в пределах

санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Например, если максимальное наказание по статье УК РФ составляет семь лет лишения свободы, то при Вашем решении о том, что подсудимый заслуживает снисхождения, я не вправе назначить наказание больше четырех лет восьми месяцев лишения свободы.

Завершая свое напутственное слово, напоминаю содержание данной вами присяги о том, что вы должны исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, не осуждая невиновного и не оправдывая виновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку.

Желаю плодотворной работы!

8. Напутственное слово председательствующего по делу А.А. Сильвенко и М.О. Воронцова*

Уважаемые присяжные заседатели!

Я прошу вас внимательно выслушать мое напутственное слово, после которого вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вашего вердикта по делу. То, что я сейчас скажу, прошу принять как обращение лично к каждому из вас.

Перед вами поставлены вопросы, которые вы должны разрешить в совещательной комнате.

Теперь мы вправе ожидать от вас вынесения справедливого вердикта, основанного на всесторонней оценке представленных вам доказательств и обстоятельств дела.

В напутственном слове я попытаюсь помочь вам в разрешении поставленных перед вами вопросов, но ни в коем случае не подсказывая ответы на них.

Ответить на поставленные вопросы вам необходимо на основании своего внутреннего убеждения, которое сформировалось у вас в результате восприятия и оценки исследованных обстоятельств дела.

При вынесении вердикта вы должны полагаться на свою память, исходить только из того, что сами уяснили в ходе данного процесса и опираться на собственное убеждение.

Если кто — либо из участников судебного разбирательства изложил обстоятельства дела или доказательства иначе чем вы их запомнили, то необходимо положиться на свою память и свои записи.

Если вы посчитаете, что я каким — либо образом вольно или невольно выразил свое мнение о том, как необходимо разрешить настоящее дело, то вы должны это игнорировать и опираться на собственное убеждение.

А теперь, позвольте вам напомнить, в чем обвиняются подсудимые.

Государственный обвинитель поддержал обвинение в том, что в ночь с 6 на 7 июля 2004 года в кв. № 19, расположенной на 5 этаже д. № 8 микрорайона им. Урицкого в г. Энске Саратовской области, в связи со ссорой, Сильвенко и Воронцов договорились о лишении жизни Щербинина.

В соответствии с этой договоренностью Воронцов нанес ему несколько ударов табуретом по голове, а Сильвенко — несколько

ко ударов ногами по телу и несколько ударов кулаков в область грудной клетки. Затем Сильвенко и Воронцов вытащили Щербинина на балкон этой квартиры и сбросили его с балкона 5 этажа на землю.

В результате всех этих действий подсудимых Щербинину были причинены: кровоизлияние в мягкие ткани головы в левой затылочной области, кровоподтек и ссадина задней поверхности грудной клетки слева, полные косые разгибательные переломы 10, 11 ребер и полный поперечный разгибательный перелом 12 ребра слева соответственно лопаточной линии с кровоизлияниями в местах переломов под пристеночной плеврой, кровоизлияния в мягкие ткани и подкожную клетчатку задней поверхности грудной клетки слева, кровоизлияния в прикорневые отделы легких, множественные сквозные разрывы и кровоизлияния в брыжейку сигмовидной кишки, полное расхождение лонного и правого подвздошно-крестцового сочленений, кровоизлияния в параректальную и паравезикальную клетчатку, в стенку мочевого пузыря, в связки печени и желудка, в селезеночную ножку, околопочечную клетчатку справа, кровоподтеки задней поверхности левого и правого локтевых сгибов, от совокупности которых Щербинин скончался на месте, а также ушибленная рана правой лобной области и кровоизлияния, ссадины и ушибленные раны различной локализации.

Эти действия подсудимых по лишению жизни Щербинина квалифицированы как убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное группой лиц по предварительному сговору, за что предусмотрена уголовная ответственность по п. «ж» ч. 2 ст. 105 ч. 2 УК РФ и наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы.

Однако перед вами не стоит задача юридической квалификации действий подсудимых. Не должны вы гадать, и какое наказание может быть назначено подсудимым в случае признания их виновными, поскольку назначение наказания по совокупности преступлений является непростым вопросом, требующим специальных юридических познаний. Все это относится к правовой стороне дела, вы же являясь судьями факта, все юридические вопросы должны обходить стороной, не вдаваясь в их обсуждение и не пытаясь предрешить их своим вердиктом.

В тоже время я обязан сообщить вам содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяний, в которых обвиняются подсудимые.

* Дело рассматривалось в Саратовском областном суде.

Под убийством уголовный закон понимает неправомерное умышленное лишение жизни другого человека.

Прошу вас учесть, что понятие умысла является чисто юридическим и относится к достаточно сложным правовым категориям. Поэтому перед вами также не может быть поставлен и не поставлен вопрос, умышленно ли был лишен жизни Щербинин либо неумышленно.

В тоже время, я считаю необходимым дать вам общую характеристику этого понятия, так как оно сформулировано в уголовном законе, применительно к обстоятельствам данного дела.

Итак, убийство может быть совершено с прямым или косвенным умыслом. Убийство, совершенное с прямым умыслом характеризуется тем, что лицо, его совершающее предвидит возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желает ее наступления.

Особенность убийства, совершенного с косвенным умыслом, выражается в том, что человек, который его совершает, предвидя возможность наступления смерти другого человека, хотя и не желает, но сознательно допускает ее наступление либо относится к этому безразлично. И это тоже будет убийством.

О желании лица лишить жизни другого человека либо допущении причинения его смерти, также как и о безразличном отношении к ней могут свидетельствовать характеризующие это желание или отношение действия и конкретные обстоятельства их совершения. Например, используемое оружие, его параметры, характер примененного насилия, степень тяжести вреда здоровью, причиненного ранениями, способ лишения жизни, количество и место расположения на теле человека причиненных ему повреждений, последующие после лишения жизни действия и т.п.

Обсуждая вопрос о наличии предварительной договоренности перед совершением тех или иных действий подсудимых, вы можете учитывать не только сведения прямо на это указывающие, но и степень согласованности действий подсудимых, а также саму возможность совершения тех или иных действий без их предварительного согласования.

Прошу вас учесть, что для наступления уголовной ответственности за убийство, совершенное несколькими лицами, обязательно, чтобы каждый из соучастников причинил жертве смертельные повреждения. Роль других соучастников может выражаться в удержании потерпевшего, в применении к нему насилия не опасного для жизни, чтобы подавить его сопротивление и обеспечить лишение его жизни, а также в других актив-

ных действиях, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего.

Еще раз прошу вас учесть, что Закон строго разграничивает мою компетенцию как судьи профессионала и вашу компетенцию как судей факта. Я не могу вторгаться в разрешение вами вопросов о доказанности события преступления, участия в нем каждого подсудимого и его виновности в деянии, а вы не можете обсуждать юридические вопросы, к которым относится и вопрос квалификации преступления, а также назначения за него конкретного наказания.

Поэтому вам необходимо установить, доказаны ли те фактические обстоятельства и действия подсудимого, которые изложены в вопросном листе, не задумываясь о том, как эти действия могут быть квалифицированы и какое за них может быть назначено наказание.

А теперь, уважаемые присяжные заседатели, я обязан напомнить представленные вам в суде доказательства.

Те доказательства, которые были вам представлены, вы сами слышали и видели. Я не буду полностью приводить вам содержание этих доказательств, что вылилось бы в оглашение протокола судебного заседания, чего закон от меня не требует. Я лишь напомню вам их краткое содержание. Однако это не означает, что, вынося вердикт и оценивая то или иное доказательство, вы должны исходить только из тех фактических данных, о которых я упомяну в напутственном слове. Вы не должны опускать при оценке те сведения о фактах, о которых я не упомяну либо считать их менее важными и значимыми, чем те сведения, которые я напомню. Еще раз хочу вам сказать, что каждое доказательство в отдельности и всю совокупность исследованных вами доказательств вы оцениваете исключительно по своему внутреннему убеждению.

Подсудимый Сильвенко показал вам, что в ходе ссоры в зале квартиры он подрался с Щербининым. Их разнимал Воронцов. После этого они с Воронцовым ушли на кухню, куда через некоторое время зашла Аленкина и сказала, что Щербинин упал с балкона.

Подсудимый Воронцов показал вам, что он, разнимая дерущихся Сильвенко и Щербинина, нанес несколько ударов Щербинину кулаком в область груди. Табуретом его не бил. После этого он и Сильвенко вышли на кухню, куда через некоторое время зашла Аленкина и сказала, что Щербинин упал с балкона.

Вам были оглашены показания, данные подсудимыми в ходе предварительного расследования этого уголовного дела.

Так, из показаний Воронцова следует, что он вместе с Сильвенко избивал Щербинина, после чего Сильвенко вытащил потерпевшего на балкон и сбросил его с балкона.

Об этом же Воронцов сообщил в своем заявлении прокурору г. Энгельса.

Потерпевшая Трубицина сообщила, что погибший был ее отцом, которого она видела в последний раз 30 июня прошлого года. Ее мать видела отца, который должен был поехать на дачу, 6 июля 2004 года. 17 июля они начали разыскивать отца, которого на даче не оказалось, и в морге они опознали его.

Свидетель Пилияев показал, что, несмотря на свой плохой слух, около 2 часов ночи 7 июля прошлого года он проснулся от шума, доносившегося из соседней квартиры № 19. Утром от соседей узнал, что под балконами, в том числе и этой квартиры, лежит труп мужчины.

Свидетель Скоробогатов сообщил вам, что в ночь с 6 на 7 июля прошлого года примерно с 22 часов до 2 часов ночи, из расположенной над его квартирой квартиры № 19 доносились шум, стуки, пьяные крики. Было слышно, что что-то потащили на балкон, на балконе были слышны звуки касания об арматуру ограждения, после чего он услышал глухой удар о землю и стоны. Выглянув с балкона, он в темноте ничего не увидел, а когда рассвело, то увидел под балконом труп мужчины, лежащий на спине. Одежда на трупе была в крови, были видны телесные повреждения на лице. Также Скоробогатов показал, что, сидя на подоконнике кухни, можно наблюдать за тем, что делается на балконе.

Из показаний свидетеля Воронковой, матери подсудимого, вам стало известно, что вечером 6 июля она видела сына в квартире 19. Когда он пришел домой она не знает, но со слов мужа сын сказал, что там случился «криминал» и просил выбросить свою рубашку, прояснив, что у него какие-то криминальные проблемы. Наутро она постирала рубашку сына, груди которой были, как она поняла, длинные вытянутые пятна крови.

Свидетель Киртоха показал, что в его квартире подсудимые, Заитова, Аленкина, Конониренко и мужчина по имени Николай распивали спиртное, деньги на которое давал Николай. Выпив, он заснул в зале, и что там происходило, не слышал.

Свидетель Заитова сообщила, что вместе с подсудимыми, Аленкиной, Конониренко, Киртохой и мужчиной по имени Ни-

колай распивала спиртное и заснула на кухне. Что происходило в квартире, не слышала. Утром узнала, что под балконами лежит труп Николая. Аленкина и Конониренко ей сказали, что его скинули с балкона Сильвенко и Воронцов. Также свидетель Заитова пояснила, что с подоконника на кухне видно, что происходит на балконе.

Из показаний свидетеля Аленкиной, данных, в том числе и в ходе предварительного следствия вам стало известно, что подсудимые оба избивали Щербинина, а потом волоком потащили его к балкону. В это время она ушла на кухню, где услышала звук чего-то тяжелого, ударившегося о землю. Выглянув в окно, увидела лежащего на земле потерпевшего. При этом в суде вам она сообщила, что, сидя на подоконнике в кухне, видела, как подсудимые, положив Щербинина на ограждение, взяли его за ноги и перебросили через ограждение балкона, о чем не сообщила в ходе предварительного расследования.

Вам также были представлены показания Аленкиной, данные в ходе предыдущего судебного разбирательства, из которых следует, что она видела, что Сильвенко и Воронцов избивали Щербинина, и не видела, каким образом он попал на балкон, а затем оказался на земле. В то же время, Аленкина объяснила вам причину, по которой она была вынуждена дать такие показания, пояснив, что опасалась реализации неоднократно высказанных ей угроз.

При исследовании протокола проверки показаний на месте свидетеля Конониренко и видеозаписи этого следственного действия вы узнали, где и каким именно образом Воронцов наносил потерпевшему удары табуретом по голове, где и каким образом бил Щербинина Сильвенко, как подсудимые потащили Николая на балкон, когда Аленкина кричала им, что не надо его выкидывать, и как перекинули его с балкона. Также вы узнали об обстановке в комнате и на балконе, увидели его размеры.

Из протокола осмотра места происшествия и трупа вы узнали о месте расположения по отношению к ряду балконов и позе трупа Щербинина, об обнаруженных в квартире, в том числе и на перилах балкона, следах, похожих на кровь.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта смерть Щербинина наступила от тупой сочетанной травмы тела с множественными разрывами брыжейки сигмовидной кишки, которая повлекла за собой развитие внутрибрюшного кровотечения, гемоперитонеума, кровопотери, шока. На его трупе были обнаружены кровоизлияния в мягкие ткани головы

в левой затылочной области, кровоподтек и ссадина задней поверхности грудной клетки слева, полные косые разгибательные переломы 10, 11 ребер и полный поперечный разгибательный перелом 12 ребра слева соответственно лопаточной линии с кровоизлияниями в местах переломов под пристеночной плеврой, кровоизлияния в мягкие ткани и подкожную клетчатку задней поверхности грудной клетки слева, кровоизлияния в прикорневые отделы легких, множественные сквозные разрывы и кровоизлияния в брыжейку сигмовидной кишки, полное расхождение лонного и правого подвздошно-крестцового сочленений, кровоизлияния в параректальную и паравезикальную клетчатку, в стенку мочевого пузыря, в связки печени и желудка, в селезеночную ножку, окологочечную клетчатку справа, кровоподтеки задней поверхности левого и правого локтевых сгибов, от совокупности которых Щербинин скончался на месте, поскольку они составляют механизм единой травмы, относящейся к опасному для жизни тяжкому вреду здоровью.

Кроме этого на его труп были обнаружены: ушибленная рана правой лобной области, повлекшая кратковременное расстройство здоровья и кровоизлияния, ссадины и ушибленные раны, не причинившие вреда здоровью.

Вам были представлены заключения судебно-медицинского эксперта в отношении подсудимых, из которых вы узнали, что у Сильвенко были повреждения, возникшие, как он пояснил в драке со Щербининым, а у Воронцова какие-либо повреждения обнаружены не были.

Вам были оглашены: протоколы выемки одежды подсудимых, протокол осмотра этих и других вещей; заключение судебного эксперта — биолога о том, что на часах, вырезке ткани с пола, куске линолеума, веществе (в виде мазка и капель), изъятном с подоконника в зале, грунте с места происшествия обнаружена кровь человека, возможно, принадлежащая потерпевшему. При этом от подсудимых эта кровь произойти не могла. На брюках Воронцова также обнаружена кровь.

Государственный обвинитель считает, что подержанное им обвинение полностью доказано представленными вам доказательствами, о чем убеждал вас в своем выступлении в прениях.

Защитники Сурнин и Кузнецов считают виновность подсудимых в преступлении недоказанной и просили вас вынести справедливый вердикт.

Вам же придется оценить упомянутые мною доказательства и обстоятельства дела, чтобы решить вопрос о виновности ли-

бо невиновности подсудимых в совершении вмененного им преступления.

Чтобы вам наиболее объективно разрешить поставленные перед вами вопросы я, в соответствии с законом, разъясню вам основные правила оценки доказательств в их совокупности и положения о презумпции невиновности, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

При вынесении вердикта, которым именуется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ней вопросам, вы должны исходить из презумпции невиновности подсудимого.

Это значит, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена судом.

При этом лишь неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

А сомнения возникают практически по каждому уголовному делу, но они не должны стать для вас самоцелью. Сомнения могут быть только средством, способствующим вашей убежденности в доказанности или недоказанности события, деяния и виновности подсудимых. Не должно быть сомнений ради сомнений. Сомнения могут возникать только ради установления истины. И если они у вас возникнут, то вы должны стараться их разрешить, анализируя, оценивая, осмысливая и сопоставляя представленные вам доказательства, руководствуясь здравым смыслом, жизненным опытом и своей совестью.

Ведь можно, встав утром, сомневаться, идет снег или нет, сомневаться, какое сегодня число или день недели, и пребывать в этом сомнении, если не потрудиться выглянуть в окно или заглянуть в календарь.

Для любого человека естественно стремление опровергнуть предъявленные ему претензии. Тем более это естественно для человека, которому предъявлено обвинение в преступлении. Одним из способов защиты от обвинения в преступлении является дача показаний, как в ходе предварительного следствия, так и в суде. Однако позиция защиты обвиняемого при этом может быть различной. Обвиняемый в разные периоды производства по уголовному делу может сообщать полные сведения о фактах, которые имели место в действительности, может в целях уменьшения степени своей вины умалчивать или искажать одни фак-

ты и сообщать лишь о тех фактах, о которых стало известно от других лиц, может отрицать те факты, о которых говорят другие лица. Все это является лишь одним из способов реализации им своего права на защиту.

Поэтому вы должны на основании представленных вам доказательств, руководствуясь своей жизненной мудростью и исходя из своего жизненного опыта, представить действительную картину происшедшего и вынести свое суждение.

Вы не должны принимать во внимание при вынесении вердикта прозвучавшие от подсудимых выходящие за пределы судебного разбирательства предположения о виновности в смерти Щербинина Конониренко, поскольку это не является предметом судебного разбирательства и Конониренко не обвиняется в причастности к этому преступлению. Также вы не должны принимать во внимание фразу прокурора о том, что преступление подсудимые совершили на почве пьянства, поскольку вы не исследовали данные о личности Сильвенко и Воронцова. Не должны вы принимать во внимание безосновательное пояснение Воронцова о якобы психологическом воздействии на него перед допросом в качестве подозреваемого.

Особенностью суда присяжных является то, что только вы можете оценивать достоверность и достаточность доказательств и относить их к оправдывающим или обвиняющим.

Производя оценку достоверности представленных вам показаний, вы можете учитывать и принимать во внимание любые обстоятельства, которые могут помочь вам в установлении правдивости сообщенных сведений, в том числе манеры и поведения допрашиваемого лица.

Оценивая показания подсудимых в суде, вы должны решить, соответствуют ли их показания действительности, не противоречат ли они их же показаниям, данным ими же на предварительном следствии, показаниям свидетелей и другим исследованным вами доказательствам. При этом вы можете учесть любые нюансы и моменты, которые помогут вам произвести такую оценку.

Оценивая показания потерпевших и свидетелей, вы также можете учитывать любые факторы, заслуживающие внимания.

Между показаниями допрошенных лиц могут быть противоречия. Противоречия могут быть и в показаниях одного и того же лица, данных в разное время. Вы должны оценить, насколько существенны эти противоречия, касаются ли они существа обвинения или второстепенных фактов, возникли они в связи с особенностями восприятия и запоминания или состояния до-

рашиваемого лица или от желания заинтересованного лица исказить или утаить факты, имевшие место в действительности.

Основываясь на своем понимании жизни, своем жизненном опыте вы и решите, чьи и какие показания наиболее правдивы, убедительны и полны, какие именно показания или совокупность каких показаний рисуют вам наиболее полную картину происшедшего.

Оценивая достоверность доказательств, вы должны отделить зерна истины от похожих на них плевел заблуждения и лжи. Вам придется обработать представленное вам доказательственное поле в поисках правды, удаляя бурьян и сорняки. Только тогда эти драгоценные зерна истины смогут превратиться в торжественный красивый цветок вашего объективного и справедливого вердикта.

Оценивая представленную вам совокупность доказательств с точки зрения достаточности для признания обвинения доказанным прошу вас учесть, что достаточность доказательств оценивается не количеством представленных вам доказательств, а их информативностью.

Поэтому зачастую сведения, сообщенные одним лицом, могут дать вам намного больше, чем сообщения десятков свидетелей.

Оценивая доказательства, вы должны помнить, что ни одно из исследованных вами доказательств не имеет заранее установленной силы и не считается законом лучше любого другого доказательства. Вы свободны в оценке доказательств и каждое доказательство в отдельности вы оцениваете исключительно по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности представленных вам доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Таким образом, устанавливая фактические обстоятельства этого дела, вы также руководствуетесь только своим внутренним убеждением.

Поэтому придавайте доказательствам такое значение, какое они по справедливости заслуживают.

А сейчас, уважаемые присяжные заседатели, я расскажу вам о порядке совещания и голосования.

Для вынесения вердикта 12 присяжных заседателей, входящих в состав коллегии, должны удалиться в совещательную комнату, запасные присяжные остаются в зале суда. Ваше совещание должно происходить тайно. Присутствие в совещательной комнате посторонних лиц не допускается. Руководить совещанием будет старшина. Он должен последовательно ставить

на обсуждение подлежащие разрешению вопросы, проводить голосование по ответам и вести подсчет голосов. Вопросы должны ставиться в строгой последовательности, как они указаны в вопросном листе. Не разрешив предыдущий вопрос, вы не можете переходить к решению следующего.

Вы должны стремиться к принятию единодушного решения. Закон предусматривает, что если отсутствует единодушие, то обсуждение должно продолжаться не менее трех часов. Если в течение указанного времени вы не придете к единодушному мнению, то только тогда вы можете приступить к формированию ответов, принятых в результате голосования большинством голосов. То есть если вы, обсуждая последовательно каждый вопрос, дадите единодушные ответы на все поставленные вопросы, вы можете практически сразу выйти с вердиктом из совещательной комнаты. Но, если в процессе обсуждения у вас не будет единодушного решения по какому-либо из поставленных вопросов, вы можете приступить к голосованию лишь по истечении трех часов после удаления в совещательную комнату.

Голосование проводится открыто, и никто из вас не вправе воздержаться от голосования. Старшина подает свой голос последним, но его голос не имеет преимущества перед другими голосами.

Ответ на каждый подлежащий разрешению вопрос должен быть полным и развернутым, т. е. представлять собой утвердительное слово «да» или отрицательное слово «нет», с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, следующим из вопроса. Например, «Да, виновен» или «Нет, не доказано» либо «Нет, не заслуживает снисхождения» и т.п.

Уважаемые присяжные заседатели, я прошу учесть, что при утвердительном ответе на вопросы все то, что в них написано, считается доказанным. При отрицательном ответе, все то, что в них написано, считается недоказанным.

Если, вдруг, вы сочтете недоказанным какое-либо обстоятельство, указанное в том или ином вопросе, вы даете на него утвердительный ответ, а в пояснении к нему исключаете то обстоятельство, которое признали недоказанным.

В том случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, то старшина, с согласия большинства присяжных, указывает слова «без ответа».

Ответы на вопросы старшина присяжных должен вносить в вопросный лист непосредственно после разрешения каждого вопроса. В случае если ответ принимается голосованием, то пос-

ле ответа должны быть указаны результаты голосования, т.е. сколько голосов подано за утвердительный ответ и сколько голосов подано за отрицательный ответ на каждый поставленный вопрос. Если же вы придете к единодушному решению, то после того или иного ответа на каждый поставленный вопрос указывается, что он принят единодушно.

Обвинительный вердикт будет считаться принятым, если по вопросам: о доказанности деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, о совершении этого деяния подсудимым и о виновности подсудимого за утвердительные ответы проголосует более 6 присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт будет принят, если за отрицательные ответы на эти вопросы проголосует не менее 6 присяжных заседателей.

Ответы на прочие вопросы определяются простым большинством голосов, а если голоса разделились поровну, то принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ.

При вынесении обвинительного вердикта, вы можете признать подсудимых заслуживающими снисхождения.

В этом случае я буду обязан учесть ваше решение при назначении подсудимым наказания. При этом наказание в виде пожизненного лишения свободы назначено быть не может.

Ваше совещание должно продолжаться до вынесения вердикта по делу. С наступлением ночного времени, если вы не успеете закончить совещание, вы можете прервать совещание и удалиться на отдых. Кроме того, в процессе совещания с моего разрешения вы можете прерваться для отдыха по окончании рабочего времени. При этом вы должны соблюдать тайну совещательной комнаты и не разглашать ход обсуждения вердикта и суждения высказанные при этом. Если во время перерыва кто-либо попытается вступить с вами в контакт в связи с вынесением вами вердикта, вы должны уклониться от общения с этим лицом и обязательно сообщить мне об этом.

После разрешения всех вопросов и внесения ответов в вопросный лист, старшина должен подписать его. О возможности оглашения вердикта старшина присяжных заседателей сообщает об этом сотруднику суда, обеспечивающему ваше участие в правосудии, и вы будете приглашены в зал судебного заседания для провозглашения вердикта.

Если в процессе вашего совещания возникнут какие-либо неясности, или у вас возникнет необходимость в уточнении формулировки поставленных вопросов, а также в исследовании до-

полнительных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, либо вам будет необходимо получить дополнительные разъяснения по вопросному листу, вы можете возвратиться в зал судебного заседания, поставив предварительно меня в известность через сотрудника суда, обеспечивающего ваше участие в правосудии, где старшина изложит мне вашу просьбу.

В заключение считаю необходимым, как того требует закон, напомнить вам о том, что вы приняли присягу и, приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, поклялись исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешить уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку.

9. Напутственное слово председательствующего по делу С.Л. Цуханова*

Уважаемые присяжные заседатели! Я прошу вас внимательно выслушать мое напутственное слово, после которого вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вашего вердикта по делу. То, что я сейчас скажу, прошу принять как обращение лично к каждому из вас.

Перед вами поставлены вопросы, которые вы должны разрешить в совещательной комнате.

Теперь мы вправе ожидать от вас вынесения справедливого вердикта, основанного на всесторонней оценке представленных вам доказательств и обстоятельств дела.

В напутственном слове я попытаюсь помочь вам в разрешении поставленных перед вами вопросов, но ни в коем случае не подсказывая ответы на них.

Ответить на поставленные вопросы вам необходимо на основании своего внутреннего убеждения, которое сформировалось у вас в результате восприятия и оценки исследованных обстоятельств дела.

При вынесении вердикта вы должны полагаться на свою память, исходить только из того, что сами уяснили в ходе данного процесса, а не на мнения и суждения по данному вопросу других лиц, в том числе и участников процесса. Если стороны изложили обстоятельства дела или доказательства иначе чем вы их запомнили, то необходимо положиться на свою память и свои записи.

Если вы посчитаете, что я каким — либо образом вольно или невольно выразил свое мнение о том, как необходимо разрешить настоящее дело, то вы должны это игнорировать и опираться на собственное убеждение.

А теперь позвольте вам напомнить, в чем обвиняется подсудимый.

Государственный обвинитель поддержал обвинение в том, что в конце сентября 2000 года в кв. 39, д. 1 «А» по ул. Гвардейской в г. Энске Цуханов предложил Кузнецову совершить убийство человека. В связи с тем, что Кузнецов отказался от этого предложения, Цуханов ему же предложил найти лицо, способное за плату убить человека. Около 12 часов 6 октября 2000 года во дворе дома № 2 по ул. Уфимцева в г. Энске Цуханов

* Дело рассматривалось в Саратовском областном суде.

встретился с сотрудником милиции Текутовым, участвовавшим в оперативно-розыском мероприятии под видом лица, способного за плату убить человека, которому за денежное вознаграждение в сумме 15 тысяч рублей предложил лишить жизни женщину и скрыть ее труп. В этот же день около 16 часов Цуханов вновь во дворе дома этого же дома встретился с Текутовым и передал ему часть вознаграждения за лишение жизни женщины в сумме 8 тысяч рублей и 3 фотографии с изображением Деревенченко. На листке бумаге, который он также передал Текутову, записал фамилию Деревенченко, ее имя и отчество, после чего в микрорайоне СХИ г. Энска указал дом и сообщил место расположения в нем квартиры, которая являлась наиболее вероятным местом проживания Деревенченко, сообщил имена и сведения о месте работы некоторых друзей Деревенченко и при этом договорился с Текутовым, что остаток денежного вознаграждения за лишение жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей он передаст ему по представлении фотографии с изображением трупа Деревенченко в 12 часов 13 октября 2000 года у входа в гостиницу «Словакия». Около 12 часов 13 октября 2000 года у входа в гостиницу «Словакия», расположенную в д. 30 по ул. Лермонтова в г. Энске, Цуханов, после того как Текутов передал ему фотографию Деревенченко с внешними признаками насильственной смерти, передал Текутову оставшуюся часть денежного вознаграждения за убийство Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей.

Действия Цуханова квалифицированы как покушение на организацию убийства по найму, за что предусмотрена уголовная ответственность по статьям 30 ч. 3, 33 ч. 3 и 105 ч. 2 п. «з» УК РФ и наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

Однако перед вами не стоит задача юридической квалификации действий подсудимого. Это относится к правовой стороне дела, вы же являясь судьями факта, все юридические вопросы должны обходить стороной, не вдаваясь в их обсуждение и не пытаясь предписать их своим вердиктом.

В тоже время я обязан сообщить вам содержание уголовно-го закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый.

Под убийством уголовный закон понимает неправомерное умышленное лишение жизни другого человека.

Под соучастием в преступлении закон понимает совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. При этом закон, как вид соучастника, выделяет орга-

низатора, которым является лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением.

Не всегда преступление бывает оконченным и влечет за собой те общественно опасные последствия, например, смерть человека, на достижение которых оно было направлено. Бывает, что какие — либо умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, не приводят к наступлению преступного результата по независящим от этого лица обстоятельствам. В этом случае уголовная ответственность не исключается, а наступает за покушение на преступление.

А теперь, уважаемые присяжные заседатели, я обязан напомнить представленные вам в суде доказательства.

В связи с признанием подсудимым своей вины в судебном заседании был исследован минимальный доказательственный материал. Те доказательства, которые были вам представлены, вы сами слышали и видели. Я буду полностью приводить вам содержание этих доказательств, что вылилось бы в оглашение протокола судебного заседания, чего закон от меня не требует. Я лишь напомню вам их краткое содержание. Однако это не означает, что, вынося вердикт и оценивая то или иное доказательство, вы должны исходить только из тех фактических данных, о которых я упомяну в напутственном слове. Вы не должны опускать при оценке те сведения о фактах, о которых я не упомяну либо считать их менее важными и значимыми, чем те сведения, которые я напомню. Еще раз хочу вам сказать, что каждое доказательство в отдельности и всю совокупность исследованных вами доказательств вы оцениваете исключительно по своему внутреннему убеждению.

Подсудимый Цуханов показал вам, что он знаком с Деревенченко в течение 3 лет. У них имеется совместный ребенок, которого он, в силу сложившихся между ними взаимоотношений, был лишен возможности видеть и воспитывать. Из-за этого он, в конечном счете, решил лишить Деревенченко жизни. Для этого он обратился за помощью к Кузнецову, но Кузнецов отказался быть исполнителем исчезновения Деревенченко и сказал, что познакомит его с человеком, который может ему помочь. Этому человеку, по имени Михаил, он поручил сделать так, чтобы Деревенченко исчезла из жизни, с сокрытием ее трупа. С ним же он договорился об оплате лишения жизни Деревенченко в размере 15 тысяч рублей, из которых 8 тысяч он отдал предварительно. При этом он передал Михаилу фотографии

Деревенченко, а на листке бумаге, который он также передал Михаилу, записал фамилию Деревенченко, ее имя и отчество, после чего в микрорайоне СХИ г. Энске указал дом и сообщил место расположения в нем квартиры, которая являлась наиболее вероятным местом проживания Деревенченко, сообщил имена и сведения о месте работы некоторых друзей Деревенченко и при этом договорился с Михаилом, что остаток денежного вознаграждения за лишение жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей он передаст ему по представлении фотографии с изображением трупа Деревенченко. 13 октября 2000 года у входа в гостиницу «Словакия», после того как Михаил передал ему фотографию Деревенченко с внешними признаками насильственной смерти, он передал Михаилу оставшуюся часть денежного вознаграждения за исчезновение из жизни Деревенченко в сумме 7 тысяч рублей.

Потерпевшая Деревенченко показала, что во время совместного проживания с подсудимым у них периодически возникали конфликты. Она уходила от него, но потом возвращалась. Через некоторое время, после того как подсудимый выгнал ее с ребенком из дома, сотрудники милиции сказали, что ее хотят убить. Она сразу подумала на Цуханова, поскольку посчитала, что он понял об окончательном прекращении их общения. Ее загромировали и сфотографировали, чтобы показать Цуханову эту фотографию, как доказательство ее убийства.

Вы слышали протокол осмотра этой фотографии Деревенченко и видели ее фотокопию.

Также вам были оглашены заявление Деревенченко о помещении ее сына в «Дом ребенка» и сообщение директора «Дома ребенка» о том, что Деревенченко Артем находится в этом учреждении по достижении им двух лет в связи с тяжелым материальным положением его матери.

Из заключения комиссии экспертов — психиатров вы узнали, что подсудимый каким — либо психическим расстройством не страдает. Он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий.

Государственный обвинитель считает, что поддержанное им обвинение полностью доказано представленными вам доказательствами, о чем убеждал вас в своем выступлении в прениях.

Защитник Левина просила вас понять подсудимого и принять во внимание изложенный им мотив совершения деяния.

Вам же придется оценить упомянутые мною доказательства и обстоятельства дела, чтобы решить вопрос о виновности ли-

бо невиновности подсудимого в совершении вмененного ему преступления.

Чтобы вам наиболее объективно разрешить поставленные перед вами вопросы я, в соответствии с законом, разъясню вам основные правила оценки доказательств в их совокупности и положения о презумпции невиновности, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

При вынесении вердикта, которым именуется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ней вопросам, вы должны исходить из презумпции невиновности подсудимого.

Это значит, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена судом.

При этом не все, а лишь неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Для любого человека естественно стремление опровергнуть предъявленные ему претензии. Тем более это естественно для человека, которому предъявлено обвинение в преступлении. Одним из способов защиты от обвинения в преступлении является дача показаний, как в ходе предварительного следствия, так и в суде. Однако позиция защиты обвиняемого при этом может быть различной. Обвиняемый в разные периоды производства по уголовному делу может сообщать полные сведения о фактах, которые имели место в действительности, может в целях уменьшения степени своей вины умалчивать или искажать одни факты и сообщать лишь о тех фактах, о которых стало известно от других лиц, может отрицать те факты, о которых говорят другие лица. Все это является лишь одним из способов реализации им своего права на защиту.

Поэтому вы должны на основании представленных вам доказательств, руководствуясь своей жизненной мудростью и исходя из своего жизненного опыта, представить действительную картину происшедшего и вынести свое суждение.

При этом я еще раз прошу вас не принимать во внимание при вынесении вердикта услышанные вами сведения характеризующие личность как подсудимого, так и потерпевшей в той части, в которой это не относится к установлению вами мотива вмененного Цуханову деяния, поскольку сами по себе эти сведения не относятся к предмету нашего судебного разбирательства.

Особенностью суда присяжных является то, что только вы можете оценивать достоверность и достаточность доказательств и относить их к оправдывающим или обвиняющим.

При этом я прошу вас учесть, что достаточность доказательств оценивается не количеством представленных вам доказательств, а их информативностью.

Поэтому зачастую сведения, сообщенные одним лицом, могут дать вам намного больше, чем сообщения десятков свидетелей. Поэтому придавайте доказательствам такое значение, какое они по справедливости заслуживают.

Оценивая доказательства, вы должны помнить, что ни одно из исследованных вами доказательств не имеет заранее установленной силы и не считается законом лучше любого другого доказательства. Поэтому любые сведения об относящихся к делу фактах вы можете отвергнуть как недостоверные либо признать объективными, руководствуясь только своим внутренним убеждением.

А сейчас, уважаемые присяжные заседатели, я расскажу вам о порядке совещания и голосования.

Для вынесения вердикта 12 комплектных присяжных заседателей должны удалиться в совещательную комнату, запасной присяжный заседатель остаются в зале суда. Ваше совещание должно происходить тайно. Присутствие в совещательной комнате посторонних лиц не допускается. Руководить совещанием будет старшина. Она должен последовательно ставить на обсуждение подлежащие разрешению вопросы, проводить голосование по ответам и вести подсчет голосов. Вопросы должны ставиться в строгой последовательности, как они указаны в вопросном листе. Не разрешив предыдущий вопрос, вы не можете переходить к решению следующего.

Вы должны стремиться к принятию единодушного решения. Закон предусматривает, что если отсутствует единодушие, то обсуждение должно продолжаться не менее трех часов. Если в течение указанного времени вы не придете к единодушному мнению, то только тогда вы можете приступить к формированию ответов, принятых в результате голосования большинством голосов. То есть, если вы, обсуждая последовательно каждый вопрос, дадите единодушные ответы на все поставленные вопросы, вы можете практически сразу выйти с вердиктом из совещательной комнаты. Но если в процессе обсуждения у вас не будет единодушного решения по какому-либо из поставленных вопросов, вы можете приступить к голосованию лишь

по истечении трех часов после удаления в совещательную комнату.

Голосование проводится открыто, и никто из вас не вправе воздержаться от голосования. Старшина подает свой голос последней, но ее голос не имеет преимуществ перед другими голосами.

Ответ на каждый подлежащий разрешению вопрос должен быть полным и развернутым, т. е. представлять собой утвердительное слово «да» или отрицательное слово «нет», с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, следующим из вопроса. Например, «Да, виновен» или «Нет, не доказано» либо «Нет, не заслуживает снисхождения» и т.п.

Уважаемые присяжные заседатели, я прошу учесть, что при утвердительном ответе на вопросы все то, что в них написано, считается доказанным. При отрицательном ответе, все то, что в них написано, считается недоказанным.

В том случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, то старшина, с согласия большинства присяжных, указывает слова «без ответа».

Ответы на вопросы старшина присяжных должна вносить в вопросный лист непосредственно после разрешения каждого вопроса. В случае если ответ принимается голосованием, то после ответа должны быть указаны результаты голосования, т.е. сколько голосов подано за утвердительный ответ и сколько голосов подано за отрицательный ответ на каждый поставленный вопрос. Если же вы придете к единодушному решению, то после того или иного ответа на каждый поставленный вопрос указывается, что он принят единодушно.

Обвинительный вердикт будет считаться принятым, если по вопросам о том: имело ли место событие преступления, совершено ли оно подсудимым и по вопросу о виновности за утвердительные ответы проголосует более 6 присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт будет принят, если за отрицательные ответы на эти вопросы проголосует не менее 6 присяжных заседателей.

Ответы на прочие вопросы определяются простым большинством голосов, а если голоса разделились поровну, то принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ.

При вынесении обвинительного вердикта, вы можете признать подсудимого заслуживающими снисхождения или особого снисхождения.

Признание вами подсудимого заслуживающим особого снисхождения, в случае признания его виновными, обяжет меня назначить ему наказание за покушение на организацию убийство менее 8 лет лишения свободы.

Ваше совещание должно продолжаться до вынесения вердикта по делу. С наступлением ночного времени, если вы не успеете закончить совещание, вы можете прервать совещание и удалиться на отдых. Кроме того, в процессе совещания с моего разрешения вы можете прерваться для отдыха по окончании рабочего времени. При этом вы должны соблюдать тайну совещательной комнаты и не разглашать ход обсуждения вердикта и суждения высказанные при этом. Если во время перерыва кто-либо попытается вступить с вами в контакт в связи с вынесением вами вердикта, вы должны уклониться от общения с этим лицом и обязательно сообщить мне об этом.

После разрешения всех вопросов и внесения ответов в вопросный лист, старшина должна подписать его. О возможности оглашения вердикта старшина присяжных заседателей сообщает работнику канцелярии, и вы будете приглашены в зал судебного заседания для провозглашения вердикта.

Если в процессе вашего совещания возникнут какие-либо неясности, или у вас возникнет необходимость в уточнении формулировки поставленных вопросов, а также в исследовании дополнительных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, либо вам будет необходимо получить дополнительные разъяснения по вопросному листу, вы можете возвратиться в зал судебного заседания, поставив предварительно меня в известность через секретаря суда, где старшина изложит мне вашу просьбу.

В заключение считаю необходимым, как того требует закон, напомнить вам о том, что вы приняли присягу, поклялись исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, доводы, обстоятельства дела и ничего кроме них, разрешить дело по своему внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку

10. Напутственное слово председательствующего по делу П.В. Агеева*

Уважаемые присяжные заседатели! Я прошу вас внимательно выслушать мое напутственное слово, после которого вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения вашего вердикта по делу. То, что я сейчас скажу, прошу принять как обращение лично к каждому из вас.

Перед вами поставлены вопросы, которые вы должны разрешить в совещательной комнате.

Теперь мы вправе ожидать от вас вынесения справедливого вердикта, основанного на всесторонней оценке представленных вам доказательств и обстоятельств дела.

В напутственном слове я попытаюсь помочь вам в разрешении поставленных перед вами вопросов, но ни в коем случае не подсказывая ответы на них.

Ответить на поставленные вопросы вам необходимо на основании своего внутреннего убеждения, которое сформировалось у вас в результате восприятия и оценки исследованных доказательств.

При вынесении вердикта вы должны полагаться на свою память, исходить только из того, что сами уяснили в ходе данного процесса и опираться на собственное убеждение.

Если кто-либо из участников судебного разбирательства изложил обстоятельства дела или доказательства иначе чем вы их запомнили, то необходимо положиться на свою память и свои записи.

Если вы посчитаете, что я каким-либо образом вольно или невольно выразил свое мнение о том, как необходимо разрешить настоящее дело, то вы должны это игнорировать и опираться на собственное убеждение.

А теперь, позвольте вам напомнить, в чем обвиняется подсудимый.

Государственный обвинитель поддержал обвинение Агеева в следующем.

В неустановленное следствием время, в неустановленном месте и у неустановленного лица Агеев приобрел без соответствующего на то разрешения пистолет с глушителем № НТВ 8099, переделанный самодельным способом из газового пистолета «6П-42-7,6» калибра 9 мм, снаряженный шестью патронами

* Дело рассматривалось в Саратовском областном суде.

калибра 9 мм, который затем хранил, переносил и перевозил на своей автомашине ВАЗ-2109, номерной знак Н 672 РХ 64 РУС, а вечером 28 сентября 2003 года он же перевез на данной автомашине указанный пистолет с глушителем, снаряженный шестью патронами, а затем перенес его в подъезд № 3 дома № 20/22 по ул. Яблочкова г. Энска.

28 сентября 2003 года около 22 часов 40 минут во двор дома № 20/22, расположенного по ул. Яблочкова в г. Эрске, по распоряжению дежурного Отдела внутренних дел Фрунзенского района г. Эрска для проверки поступившей информации на специально оборудованном, с опознавательными знаками автомобиле УАЗ прибыли одетые в форменную одежду сотрудники патрульно-постовой службы Отдела внутренних дел Фрунзенского района г. Эрска Мусатов В.Е. и Шапкарин А.П., которые прошли в подъезд № 3 этого дома. На лестничной площадке третьего этажа они представились Асееву и, предъявив свои служебные удостоверения, попросили Агеева предъявить документы, удостоверяющие его личность, и пояснить цель его нахождения в указанном месте. На данное требование сотрудников милиции Мусатова и Шапкарина Агеев, имеющий при себе указанный пистолет с глушителем, ответил отказом, стал вести себя вызывающе, грубо выражаться в адрес сотрудников милиции и, препятствуя своему задержанию, отталкивал Мусатова и Шапкарина от себя. Тогда для задержания Агеева сотрудники милиции Мусатов и Шапкарин применили к Асееву боевые приемы борьбы и специальные средства и повалили Агеева на пол лестничной площадки между вторым и третьим этажами указанного подъезда. При этом Агеев, препятствуя своему задержанию, нанес сотрудникам милиции Мусатову и Шапкарину по различным частям тела удары руками и ногами, чем причинил Мусатову и Шапкарину физическую боль. Затем Агеев извлек упомянутый пистолет с глушителем и с близкого расстояния произвел два выстрела в область груди Шапкарина в тот момент, когда Шапкарин находился в непосредственной близости к лежавшему на полу лестничной площадке стрелявшему Асееву, сверху, лицом к нему, и пытался надеть на Агеева наручники, а Мусатов находился за спиной Шапкарина лицом к Асееву, оказывая Шапкарину помощь в задержании стрелявшего Агеева. Однако в результате борьбы и действий, совершаемых стрелявшим Агеевым по воспрепятствованию своего задержания, а также действий, совершаемых Шапкариным и Мусатовым по обезвреживанию стрелявшего Агеева, произведенными

выстрелами Агеев смог лишь повредить левый рукав форменной одежды Шапкарина, а произвести дальнейшие выстрелы Агеев не смог в связи с обезвреживанием и задержанием его Шапкариным и Мусатовым.

Действия подсудимого Агеева, связанные с незаконным владением пистолета с глушителем и боеприпасами к нему, органами предварительного следствия квалифицированы как незаконные приобретение, хранение, перевозка и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов, за что предусмотрена ответственность по ст. 222 ч. 1 УК РФ и наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет со штрафом или без такового.

Действия подсудимого Агеева, связанные с производством выстрелов в сотрудников милиции, органами предварительного следствия квалифицированы по ст. 317 УК РФ как посягательство на жизнь сотрудников правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, за что предусмотрена ответственность в виде лишения свободы от 12 до 20 лет или пожизненное лишение свободы.

В тоже время по данному делу, в случае признания Агеева виновным по ст. 317 УК РФ, ему, по этому уголовному закону, не может быть назначено наказание более 12 лет лишения свободы.

Однако перед вами не стоит задача юридической квалификации действий подсудимых. Не должны вы гадать, какое наказание может быть назначено подсудимому в случае признания его виновным, поскольку назначение наказания по совокупности преступлений является непростым вопросом, требующим специальных юридических познаний. Все это относится к правовой стороне дела, вы же являясь судьями факта, все юридические вопросы должны обходить стороной, не вдаваясь в их обсуждение и не пытаясь предрешиить их своим вердиктом.

В тоже время я обязан сообщить вам содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершенные деяния, в которых обвиняется подсудимый.

Под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа уголовный закон понимает, как умышленное лишение жизни, так и покушение на умышленное лишение жизни лица, заведомо для виновного являющегося сотрудником правоохранительного органа.

Прошу вас учесть, что понятие умысла является чисто юридическим и относится к достаточно сложным правовым катего-

риям. Поэтому перед вами не поставлен и не может быть поставлен вопрос о наличии либо отсутствии умысла в действиях подсудимого.

В тоже время, я обязан дать вам общую характеристику этого понятия, как оно сформулировано в законе, применительно к обстоятельствам данного дела.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа может быть совершено только с прямым умыслом. То есть, при производстве выстрелов в одного или нескольких потерпевших стреляющий осознает неправомерность своих действий и не просто допускает, а предвидит возможность наступления в результате его выстрелов смерти человека и желает именно этого — лишить жизни сотрудника милиции.

О намерении лица лишить жизни другого человека могут свидетельствовать его объективные действия, а именно: используемое орудие, характер и условия применения этого орудия (направление выстрела и расстояние, с которого производится выстрел в потерпевшего, количество таких выстрелов, осознание факта вооруженности потерпевшего таким же видом оружия и возможной реакции потерпевшего на действия стреляющего, в том числе реальной возможности ответного применения потерпевшим имеющегося у него оружия, осознание стреляющим степени опасности для него такой реакции потерпевшего в случае применения последним оружия), количество и локализация на потерпевшем следов пуль от выстрелов стрелявшего и т.п.

Кроме того, я хотел бы довести до вас следующие положения уголовного закона.

Не всегда посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов влечет за собой те общественно опасные последствия, то есть смерть потерпевшего, на достижение которых оно было направлено. Бывает, что какие-либо умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, не приводят к наступлению желаемого им преступного результата по независящим от этого лица обстоятельствам, например, осечка при выстреле, ловкость потерпевшего, сумевшего уклониться от выстрела, отсутствие у стрелявшего возможности в момент выстрела произвести прицельный выстрел, производство выстрелов в движении как самого стрелявшего, так и потерпевшего, отсутствие у стреляющего реальной возможности продолжить производство выстрелов в потерпевшего, и т.п.

Таким образом, ответственность за посягательство на жизнь сотрудников милиции наступает в том случае, если виновный,

производя выстрелы в сотрудника милиции, желал при этом лишить его жизни.

Под незаконным приобретением, хранением, ношением и перевозкой огнестрельного оружия и боеприпасов уголовный закон понимает действия, произведенные без соответствующего разрешения, выдаваемого в порядке, предусмотренном Законом РФ «Об оружии».

Непосредственным объектом незаконных приобретения, передачи, хранения, перевозки и ношения огнестрельного оружия и боеприпасов является общественная безопасность в сфере обращения огнестрельным оружием, его основными частями, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, обеспечиваемая установлением специальных правил обращения с ним.

Под огнестрельным оружием следует понимать все виды пригодного к стрельбе боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленного самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, за исключением гражданского гладкоствольного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему.

К огнестрельному оружию относятся, в частности, винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

Данное преступление характеризуется только прямым умыслом.

Незаконное приобретение — это получение предметов преступления в постоянное или временное пользование любым способом: покупка, получение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, а также присвоение найденного и т.п.

Под незаконной передачей предметов преступления следует понимать их незаконное предоставление лицами, у которых они находятся, посторонним лицам для временного использования или хранения.

Незаконное хранение — это сокрытие предметов преступления в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность.

Под незаконной перевозкой предметов преступления следует понимать их перемещение любым видом транспорта (но непосредственно при обвиняемом).

Под незаконное ношение оружия и других предметов подпадает нахождение их в одежде или непосредственно на теле обвиняемого, а равно переноска в сумке, портфеле и т.п.

Еще раз прошу вас учесть, что закон строго разграничивает мою компетенцию как судьи профессионала и вашу компетенцию как судей факта. Я не могу вторгаться в разрешение вами вопросов о доказанности события преступления, участия в нем каждого подсудимого и его виновности в деянии, а вы не можете обсуждать юридические вопросы, к которым относится и вопрос квалификации преступления, а также назначения за него конкретного наказания.

Поэтому вам необходимо установить, доказаны ли те фактические обстоятельства и действия подсудимого, которые изложены в вопросном листе, не задумываясь о том, как эти действия могут быть квалифицированы и какое за них может быть назначено наказание.

А теперь, уважаемые присяжные заседатели, я обязан напомнить представленные вам в суде доказательства.

Те доказательства, которые были вам представлены, вы сами слышали и видели. Я не буду полностью приводить вам содержание этих доказательств, что вылилось бы в оглашение протокола судебного заседания, чего закон от меня не требует. Я лишь напомню вам их краткое содержание. Однако это не означает, что, вынося вердикт и оценивая то или иное доказательство, вы должны исходить только из тех фактических данных, о которых я упомяну в напутственном слове. Вы не должны опускать при оценке те сведения о фактах, о которых я не упомяну либо считать их менее важными и значимыми, чем те сведения, которые я напомню. Еще раз хочу вам сказать, что каждое доказательство в отдельности и всю совокупность исследованных вами доказательств вы оцениваете исключительно по своему внутреннему убеждению.

Вы выслушали показания потерпевших Шапкарина А.П. и Мусатова В.Е., которые рассказали вам, когда и с какой задачей, поставленной им дежурным по Фрунзенскому РОВД г. Энска, они, будучи на дежурстве по охране общественного порядка, прибыли во двор дома № 20/22 по ул. Яблочкова г. Энска. Что по прибытии их на место пояснил им гражданин Бирюков и почему они пошли именно в последний подъезд дома. Какое было освещение во дворе и в этом подъезде дома. Кто дал им фонарик и пошел вместе с ним в подъезд. В какой последовательности они поднимались по лестнице подъезда, кто из них светил

фонариком и куда. На каком месте лестницы они встретили Агеева и Букаева, как при этом действовали и какой разговор состоялся между ними. Как реагировали Агеев и Букаев на их законное требование предъявить документы и объяснить цель своего нахождения в данном подъезде дома. Какие после этого действия предприняли Букаев и Агеев, и в связи с чем Шапкарин и Мусатов вынуждены были применить физическую силу для задержания Агеева. Как вел себя Агеев при его задержании и каким образом они оказались на лестничной площадке между 2 и 3 этажами подъезда дома. Какие действия совершал Агеев, а какие действия совершали Шапкарин и Мусатов во время происходившей между ними борьбы на указанной лестничной площадке. В какой момент борьбы с Агеевым последний произвел два выстрела в направлении Шапкарина и где в этот момент находился и что делал Мусатов. Как среагировал Шапкарин на выстрелы Агеева, и куда угодили выстрелянные Агеевым пули. В каком положении в момент выстрелов были застегнутый на пуговицу рукав форменной милицейской куртки и расстегнутый рукав форменной рубашки под курткой Шапкарина. Почему Агеев не смог произвести последующие выстрелы, и каким образом им удалось обезоружить Агеева и надеть на него наручники. Как реагировали на происходящее жители дома и кто и как им при этом помогал. Что осталось на месте происшествия после задержания Агеева и Букаева.

Оглашался протокол выемки в дежурной части Фрунзенского РОВД г. Энска журнала учета информации, поступившей по телефону «02» за 2003 год и протокол осмотра этого журнала. До вашего сведения была доведена соответствующая запись.

Также вам были оглашены протоколы проверки показаний потерпевших Шапкарина и Мусатова на месте происшествия. Была воспроизведена видеозапись проверки показаний как Шапкарина, так и Мусатова, и вы имели возможность увидеть место происшествия и все, что они там показывали и рассказывали о произошедшем 28 сентября 2003 года.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы в отношении Агеева П.В. вам стало известно, что у последнего имелись ушибы, ссадины мягких тканей головы, лица. Указанные повреждения возникли от действия тупых твердых предметов, возможно 28 сентября 2003 года, не расцениваются как вред здоровью и тяжесть их не определяется. Указанные повреждения возникли от действия тупых твердых предметов, какими могут быть руки, ноги и т.д., высказаться конкретно, каким именно

предметом нанесены телесные повреждения, в настоящее время не представляется возможным. В настоящее время у Агеева П.В. имеются 3 рубца в затылочной области слева, рубец в скуловой области слева, рубец у наружного края левой брови. Выше описанные рубцы явились следствием заживления бывших ран. Высказаться о механизме и давности образования данных повреждений не представляется возможным.

Вам оглашалось заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении Мусатова В.Е., из которого вы узнали, что него имеются рубцы в области правой и левой кистей, правого и левого предплечий, которые могут являться следствием заживления ран.

При этом потерпевший Мусатов пояснил вам, когда, где и при каких обстоятельствах ему были причинены указанные телесные повреждения, кто кусал его за руку.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы в отношении Шапкарина А.П. вам стало известно, что у последнего каких-либо телесных повреждений не обнаружено.

В вашем присутствии были исследованы протокол выемки у сотрудника милиции Шапкарина А.П. форменной рубашки и форменной куртки, в которых он находился 28 сентября 2003 года, протокол осмотра этих предметов, и вам демонстрировались сами эти предметы одежды и имеющиеся повреждения: одно на левом рукаве рубашки, и четыре — на левом рукаве куртки.

Из заключения баллистической экспертизы, произведенной в отношении одежды Шапкарина А.П., вы узнали, что:

- на левом рукаве форменной куртки и на левом рукаве форменной рубашки имеются: три (№1, 2, 3) сквозные огнестрельные и одно сквозное, не являющееся огнестрельным, повреждения на куртке, а также — одно сквозное огнестрельное повреждение на рубашке;

- все данные огнестрельные повреждения рукава куртки (№ 1, 2, 3) и огнестрельное повреждение рукава рубашки были образованы одновременно одним выстрелом с дистанции не менее 500 мм, под острым углом (около 10°) относительно поверхности рукавов, пулей калибра 9 мм, пробившей складку ткани и ткань на рукаве куртки, а затем ткань на рукаве рубашки в следующей очередности: «входное» № 1 на куртке — «выходное» № 2 на куртке — «входное» № 3 на куртке — «входное» на рубашке. Эти вещи вы сами видели в судебном заседании.

Вам оглашался протокол осмотра места происшествия, из которого вы узнали, что в подъезде № 3 дома № 20/22 по ул. Яб-

лочкова в г. Энеске, были обнаружены и изъяты две гильзы и две пули калибра 9 мм, капроновый чулок, пистолет с прибором бесшумной стрельбы (глушителем), магазин от него, четыре патрона калибра 9 мм, шнурок, платок, полиэтиленовый пакет, две цепочки и крестик из белого металла.

При этом вам на обозрение предъявлялись фототаблицы, являющиеся приложением к протоколу осмотра места происшествия, и оглашался протокол осмотра вышеуказанных предметов изъятых с места происшествия.

В судебном заседании вы обозревали изъятый на месте происшествия пистолет с глушителем.

Вам оглашались заключения баллистических экспертиз, из которых вам стало известно, что:

Четыре патрона, представленные на исследование, являются штатными патронами к пистолетам конструкции Масарова (ПМ) и автоматическим пистолетам Стечкина (АПС) калибра 9 мм, т.е. являются боевыми припасами к нарезному огнестрельному оружию калибра 9 мм. Данные патроны для стрельбы пригодны.

Две гильзы и 2 пули, представленные на исследование, являются частями патронов калибра 9 мм, штатных к пистолетам конструкции Масарова (ПМ) и Стечкина (АПС) калибра 9 мм. Данные гильзы и пули изготовлены заводским способом.

Данные гильзы и одна пуля стреляны в пистолете № НТВ 8099 калибра 9 мм, представленном на исследование.

В виду сильной деформации одной пули, представленной на исследование, следы на ней для идентификации оружия, из которого она была выстрелена, не пригодны.

Пистолет № НТВ 8099, представленный на исследование, переделан самодельным способом из газового пистолета «БП-42-7,6» путем установки ствола под пистолетный патрон калибра 9 мм и является нарезным огнестрельным оружием калибра 9 мм.

Данный пистолет изготовлен заводским способом, за исключением ствола, изготовленного самодельным способом.

Выстрелы из данного пистолета после последней чистки канала ствола производились.

Данный пистолет для стрельбы пригоден.

Предмет, представленный на исследование, является глушителем (прибором для бесшумной стрельбы). Данный глушитель изготовлен самодельным способом.

Из протокола личного досмотра Агеева П.В., вам стало известно, что у последнего были изъяты перчатки и ключи от автомашины, и вам оглашался протокол осмотра указанных перчаток.

Из заключения биологической экспертизы вам стало известно, что на шнурке, платке, ватном тампоне найдена кровь человека без примеси пота, происхождение которой возможно от Агеева. На перчатках найдены следы крови без примеси пота. Видовая принадлежность следов крови не установлена. На чулке кровь и пот не найдены.

Свидетель Бирюков И.Е. рассказал вам, когда, в связи с чем по телефону «02» он вызвал сотрудников милиции и что при этом говорил, чтобы обеспечить быстрый приезд сотрудников. Что пояснил им при их прибытии во двор дома № 20/22 по ул. Яблочкова г. Энска, в котором он (Бирюков) проживал. Во что были одеты и на каком автомобиле прибыли по его вызову два сотрудника милиции. Куда именно и почему именно туда направились прибывшие сотрудники милиции. Что происходило в подъезде дома, в который ни вошли, и сколько выстрелов он слышал. Кто был задержан, и как реагировали на происходящее вышедшие во двор жители дома.

Вы слышали показания свидетеля Букаев В.Б. о том, что 28 сентября 2003 года около 22 часов он шел по ул. Яблочкова, провожая с набережной г. Энска девушку по имени Алла, с которой познакомился в этот же вечер, и не знает, где она живет и как ее найти. Около дома № 20/22 по ул. Яблочкова он увидел своего знакомого Агеева, который пожаловался на боли в животе. Дальше девушка пошла одна, а он остался с Агеевым, и они проследовали во двор дома. Они решили пройти в подъезд и спросить лекарство у кого-нибудь из жильцов дома. В подъезде он стал звонить в различные квартиры, но двери никто не открыл, так они поднялись до 3-го этажа. Когда стали спускаться вниз, то он увидел идущих навстречу двух сотрудников милиции в форменной одежде. Сотрудники милиции попросили их предъявить документы и стали сразу крутить им руки. Завязалась «потасовка». Он толкнул одного сотрудника милиции и выскочил на улицу, где было много народа. Через некоторое время из подъезда прозвучали выстрелы. Вскоре приехали другие сотрудники милиции. Его и Агеева задержали и доставили во Фрунзенский РОВД.

Свидетель, допрошенный под псевдонимом «Иванов И.И.», показал, что когда 28 сентября 2003 года примерно в 22.30 — 22.50 час, он на своем автомобиле стал выезжать со двора дома № 20/22 по ул. Яблочкова, то во двор указанного дома заехал автомобиль, из которого вышли сотрудники милиции. В это время к ним подошел незнакомый молодой человек, который сказал, что двое парней, которые подозрительно крутились около автомоби-

лей, могли зайти в дальний подъезд дома. В этом подъезде, который освещался только светом, падающим через окна подъезда от фонарей во дворе дома, было довольно темно, и он дал свой фонарик сотрудникам милиции и пошел следом за ними. Сотрудники милиции зашли в подъезд и стали, идя друг за другом, подниматься по лестнице. Он шел за ними. Первым шел сотрудник милиции, в руках у которого был фонарик. Сотрудники милиции находились в форменной одежде, которую хорошо было видно. Увидев спускающихся им навстречу двух незнакомых парней, сотрудники милиции попросили их предъявить документы. Парни не стали показывать документы, сказав, что зашли в подъезд за лекарствами, стали сразу нецензурно выражаться в адрес сотрудников, и один из этих парней ударил сотрудника милиции в грудь и побегал вниз по лестнице. Он (Иванов) задержал этого парня и вывел на улицу, где собрались граждане. Сотрудники милиции в это время остались задерживать второго парня. Находясь на улице, он услышал два выстрела. После этого он передал задержанного им парня жителям дома, а сам снова поднялся на лестничную площадку, где увидел, что второй задержанный лежит на животе и в вытянутой руке держит пистолет. Сотрудники милиции находились сверху и пытались отобрать у него пистолет. Он помог им, выхватил пистолет и передал его сотрудникам милиции. После этого на руки задержанному были надеты наручники.

Допрошенная в качестве свидетеля Агеева О.В., мать подсудимого, пояснила, что в сентябре 2003 года пистолета у своего сына, Агеева П.В., не видела.

Вам оглашался протокол осмотра автомашины ВА3-2109, н/знак Н 672 РХ 64 РУС, из которого вы узнали, что указанная автомашина в момент осмотра находилась на углу улиц Кисилева и Вольской в г. Энске и была открыта с помощью ключей, изъятых у Агеева. В ходе осмотра из салона автомашины была изъята деревянная дубинка с железными вставками.

Из содержания справки, представленной ИЦ ГУВД Саратовской области вы узнали, что вышеуказанный автомобиль принадлежит Агееву П.В.

Государственный обвинитель считает, что поддержанное им обвинение полностью доказано представленными вам доказательствами, о чем убеждал вас в своем выступлении в прениях.

Защитник Бутримов считает недоказанным, что Агеев стрелял в Шапкарина, и просил вас вынести справедливый вердикт.

Вам же придется оценить упомянутые мною доказательства и обстоятельства дела, чтобы решить вопрос о виновности ли-

бо невиновности подсудимых в совершении вмененного им преступления.

Чтобы вам наиболее объективно разрешить поставленные перед вами вопросы я, в соответствии с законом, разъясню вам основные правила оценки доказательств в их совокупности и положения о презумпции невиновности, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

При вынесении вердикта, которым именуется решение коллегии присяжных заседателей по поставленным перед ней вопросам, вы должны исходить из презумпции невиновности подсудимого.

Это значит, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена судом.

При этом лишь неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

А сомнения возникают практически по каждому уголовному делу, но они не должны стать для вас самоцелью. Сомнения могут быть только средством, способствующим вашей убежденности в доказанности или недоказанности события, деяния и виновности подсудимых. Не должно быть сомнений ради сомнений. Сомнения могут возникать только ради установления истины. И если они у вас возникнут, то вы должны стараться их разрешить, анализируя, оценивая, осмысливая и сопоставляя представленные вам доказательства, руководствуясь здравым смыслом, жизненным опытом и своей совестью.

Ведь можно, встав утром, сомневаться, идет снег или нет, сомневаться какое сегодня число или день недели, и пребывать в этом сомнении, если не потрудиться выглянуть в окно или заглянуть в календарь.

Для любого человека естественно стремление опровергнуть предъявленные ему претензии. Тем более это естественно для человека, которому предъявлено обвинение в преступлении. Одним из способов защиты от обвинения в преступлении является как дача показаний в ходе предварительного следствия и в суде, так и отказ от дачи показаний. Подсудимый Агеев в судебном заседании, воспользовавшись своим правом, от дачи показаний отказался. Данное обстоятельство не должно создавать у вас предвзятого отношения к подсудимому. Все это является лишь одним из способов реализации им своего права на защиту.

Поэтому вы должны на основании представленных вам доказательств, руководствуясь своей жизненной мудростью и исхо-

дя из своего жизненного опыта, представить действительную картину происшедшего и вынести свое суждение.

Вы не должны принимать во внимание при вынесении вердикта прозвучавшие от государственного обвинителя доводы о том, что Агеев готовился к совершению другого особо тяжкого преступления, поскольку это утверждение не является предметом нашего судебного разбирательства. Также вы не должны принимать во внимание данные рапорта о результатах поиска девушки, о которой свидетель Букаев сообщил, что он ее провозжал 28 сентября 2003 года.

Особенностью суда присяжных является то, что только вы можете оценивать достоверность и достаточность доказательств и относить их к оправдывающим или обвиняющим.

Производя оценку достоверности представленных вам показаний, вы можете учитывать и принимать во внимание любые обстоятельства, которые могут помочь вам в установлении правдивости сообщенных сведений, в том числе манеры и поведение допрашиваемого лица.

Оценивая показания потерпевших и свидетелей, вы также можете учитывать любые факторы, заслуживающие внимания.

Между показаниями допрошенных лиц могут быть противоречия. Противоречия могут быть и в показаниях одного и того же лица, данных в разное время. Вы должны оценить, насколько существенны эти противоречия, касаются ли они существа обвинения или второстепенных фактов, возникли они в связи с особенностями восприятия и запоминания или состояния допрашиваемого лица или от желания заинтересованного лица исказить или утаить факты, имевшие место в действительности.

Основываясь на своем понимании жизни, своем жизненном опыте вы и решите, чьи и какие показания наиболее правдивы, убедительны и полны, какие именно показания или совокупность каких показаний рисуют вам наиболее полную картину происшедшего.

Оценивая достоверность доказательств, вы должны отделить зерна истины от похожих на них плевел заблуждения и лжи. Вам придется обработать представленное вам доказательственное поле в поисках правды, удаляя бурьян и сорняки. Только тогда эти драгоценные зерна истины смогут превратиться в торжественный красивый цветок вашего объективного и справедливого вердикта.

Оценивая представленную вам совокупность доказательств с точки зрения достаточности для признания обвинения дока-

занным прошу вас учесть, что достаточность доказательств оценивается не количеством представленных вам доказательств, а их информативностью.

Поэтому зачастую сведения, сообщенные одним лицом, могут дать вам намного больше, чем сообщения десятков свидетелей.

Оценивая доказательства, вы должны помнить, что ни одно из исследованных вами доказательств не имеет заранее установленной силы и не считается законом лучше любого другого доказательства. Вы свободны в оценке доказательств и каждое доказательство в отдельности вы оцениваете исключительно по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности представленных вам доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Не всегда удается собрать все, что имеет отношение к делу. Ряд моментов остается неясным, хотелось бы знать больше, располагать полной картиной происшествия, но не всегда это возможно по объективным причинам. Поэтому вы в данном случае должны исходить из того, что было представлено вам, поскольку только на основании представленных доказательств и исходя из своего жизненного опыта вы можете представить картину происшедшего и вынести свое суждение.

Таким образом, устанавливая фактические обстоятельства этого дела, вы также руководствуетесь только своим внутренним убеждением.

Поэтому придавайте доказательствам такое значение, какое они по справедливости заслуживают.

А сейчас, уважаемые присяжные заседатели, я расскажу вам о порядке совещания и голосования.

Для вынесения вердикта 12 присяжных заседателей, входящих в состав коллегии, должны удалиться в совещательную комнату, запасные присяжные остаются в зале суда. Ваше совещание должно происходить тайно. Присутствие в совещательной комнате посторонних лиц не допускается. Руководить совещанием будет старшина. Она должна последовательно ставить на обсуждение подлежащие разрешению вопросы, проводить голосование по ответам и вести подсчет голосов. Вопросы должны ставиться в строгой последовательности, как они указаны в вопросном листе. Не разрешив предыдущий вопрос, вы не можете переходить к решению следующего.

Вы должны стремиться к принятию единодушного решения. Закон предусматривает, что если отсутствует единодушие, то об-

суждение должно продолжаться не менее трех часов. Если в течение указанного времени вы не придете к единодушному мнению, то только тогда вы можете приступить к формированию ответов, принятых в результате голосования большинством голосов. То есть, если вы, обсуждая последовательно каждый вопрос, дадите единодушные ответы на все поставленные вопросы, вы можете практически сразу выйти с вердиктом из совещательной комнаты. Но если в процессе обсуждения у вас не будет единодушного решения по какому-либо из поставленных вопросов, вы можете приступить к голосованию лишь по истечении трех часов после удаления в совещательную комнату.

Голосование проводится открыто, и никто из вас не вправе воздержаться от голосования. Старшина подает свой голос последней, но ее голос не имеет преимуществ перед другими голосами.

Ответ на каждый подлежащий разрешению вопрос должен быть полным и развернутым, т. е. представлять собой утвердительное слово «да» или отрицательное слово «нет», с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, следующим из вопроса. Например, «Да, виновен», или «Нет, не доказано», либо «Нет, не заслуживает снисхождения» и т.п.

Уважаемые присяжные заседатели, я прошу учесть, что при утвердительном ответе на вопросы все то, что в них написано, считается доказанным. При отрицательном ответе, все то, что в них написано, считается недоказанным.

Если, вдруг, вы сочтете недоказанным какое — либо обстоятельство, указанное в том или ином вопросе, вы даете на него утвердительный ответ, а в пояснении к нему исключаете то обстоятельство, которое признали недоказанным.

Обратите внимание, спорные позиции сторон, которые прозвучали в ходе судебного разбирательства, отражены мною в поставленных перед вами вопросах. Так, сторона защиты не отрицала, что Агеев произвел выстрелы, но оспаривала доказанность производства этих выстрелов в Шапкарина, в область его груди, считая, что Агеев стрелял в стену и потолок подъезда.

Поэтому, если вами будет признано недоказанным утверждение обвинения о том, что Агеев произвел выстрелы в Шапкарина, вы должны будете ответить на 4-й вопрос.

В том случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, то старшина, с согласия большинства присяжных, указывает слова «без ответа».

Ответы на вопросы старшина присяжных должна вносить в вопросный лист непосредственно после разрешения каждого вопроса. В случае если ответ принимается голосованием, то после ответа должны быть указаны результаты голосования, т.е. сколько голосов подано за утвердительный ответ и сколько голосов подано за отрицательный ответ на каждый поставленный вопрос. Если же вы придете к единодушному решению, то после того или иного ответа на каждый поставленный вопрос указывается, что он принят единодушно.

Обвинительный вердикт будет считаться принятым, если по вопросам: о доказанности деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, о совершении этого деяния подсудимым и о виновности подсудимого за утвердительные ответы проголосует более 6 присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт будет принят, если за отрицательные ответы на эти вопросы проголосует не менее 6 присяжных заседателей.

Ответы на прочие вопросы определяются простым большинством голосов, а если голоса разделились поровну, то принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ.

При вынесении обвинительного вердикта вы можете признать подсудимого заслуживающим снисхождения.

В этом случае я буду обязан учесть ваше решение при назначении подсудимому наказания, назначив ему менее строгое наказание.

Ваше совещание должно продолжаться до вынесения вердикта по делу. С наступлением ночного времени, если вы не успеете закончить совещание, вы можете прервать совещание и удалиться на отдых. Кроме того, в процессе совещания с моего разрешения вы можете прерваться для отдыха по окончании рабочего времени. При этом вы должны соблюдать тайну совещательной комнаты и не разглашать ход обсуждения вердикта и суждения высказанные при этом. Если во время перерыва кто-либо попытается вступить с вами в контакт в связи с вынесением вами вердикта, вы должны уклониться от общения с этим лицом и обязательно сообщить мне об этом.

После разрешения всех вопросов и внесения ответов в вопросный лист, старшина должна подписать его. О возможности оглашения вердикта старшина присяжных заседателей сообщает об этом сотруднику суда, обеспечивающему ваше участие в правосудии, и вы будете приглашены в зал судебного заседания для провозглашения вердикта.

Если в процессе вашего совещания возникнут какие-либо неясности, или у вас возникнет необходимость в уточнении формулировки поставленных вопросов, а также в исследовании дополнительных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, либо вам будет необходимо получить дополнительные разъяснения по вопросному листу, вы можете возвратиться в зал судебного заседания, поставив предварительно меня в известность через сотрудника суда, обеспечивающего ваше участие в правосудии, где старшина изложит мне вашу просьбу.

В заключении считаю необходимым, как того требует закон, напомнить вам о том, что вы приняли присягу и, приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, поклялись исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающего его, разрешить уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку. Желаю вам успешной работы.

11. Инструкции присяжным заседателям в штате Аляска (США)*

Инструкция № 4

[Эта и последующие инструкции используются после выступления сторон в прениях]

Доказательства были вам представлены, и вы выслушали выступления представителей сторон в прениях. Сейчас я дам вам инструкции относительно законов, которые должны быть применены по этому делу.

Инструкция № 5

Отличительными чертами судебного процесса по уголовному делу являются, что называется, говоря юридическим языком, презумпцией невиновности и бременем доказывания помимо обоснованных сомнений. Закон презюмирует, что обвиняемый невиновен в совершении преступления. Таким образом, подсудимый, хотя и обвинен, начинает судебный процесс с чистым листом — без доказательств в пользу осуждения. Презумпции невиновности самой по себе достаточно, чтобы оправдать обвиняемого, если только вы, внимательно и беспристрастно рассмотрев все доказательства по делу, не придете к выводу о вине обвиняемого помимо всех обоснованных сомнений.

Вышеупомянутое требование о том, чтобы вы были убеждены в вине обвиняемого помимо всех обоснованных сомнений, называется бременем доказывания. Не требуется, чтобы обвинение доказало вину помимо всех возможных сомнений, поскольку очень редко, когда возможно доказать что-либо с абсолютной уверенностью. Нет, тест состоит именно в обоснованных сомнениях. Обоснованное сомнение — это сомнение, базирующееся на рассудке и здравом смысле. Доказательство помимо обоснованных сомнений должно быть такой убедительной силы, что, после рассмотрения вы согласились бы полагаться на него и действовать без сомнений в ваших собственных важных делах. Обвиняемый ни за что не должен быть осужден, основываясь только на простых подозрениях или домыслах.

*См. Материалы интегрированного семинара для федеральных судей, прокуроров и адвокатов «Уголовно-процессуальный кодекс и суд присяжных» ABA CEELI, Будапешт, 2004 г. Более полный текст см. на сайте: <http://www.state.ak.us/courts>. См. также другие инструкции присяжным заседателям на сайте: <http://www.netlizard.com/yourlaw/juryinstructions.htm>.

Бремя доказывания вины обвиняемого помимо обоснованных сомнений всегда лежит на стороне обвинения. Это бремя никогда не перемещается во время процесса, поскольку законом на обвиняемого в уголовном деле не возлагается бремя или обязанность вызова свидетелей или представления каких-то доказательств. У обвиняемого есть абсолютное право не давать показания, и вы не можете делать никаких заключений против обвиняемого в случае отказа от дачи показаний. Таким образом, обоснованные сомнения могут появиться не только из представленных доказательств, но и из недостатка доказательств. Поскольку на обвинении лежит обязанность доказать помимо обоснованных сомнений каждый существенный элемент вменяемого преступления, обвиняемый имеет право использовать неспособность обвинения представить такие доказательства. Обвиняемый может также полагаться на доказательства, полученные в процессе перекрестного допроса свидетелей обвинения.

Инструкции относительно конкретных, имеющих отношение к делу законов, даются в данном месте. В общем, инструкции в данной стадии объясняют присяжным, каково обвинение, элементы состава преступления, которые гособвинение должно доказать, значение важных юридических терминов и любые специфические правила оценки доказательств, представленных во время процесса. Например, если обвиняемый был обвинен в совершении (умышленного) убийства, эти инструкции будут, как правило, иметь следующую форму: 1) в них будет содержаться заявление о том, что обвиняемый обвиняется в совершении (умышленного) убийства, и о предполагаемом потерпевшем; 2) они бы содержали перечисление каждого элемента состава преступления, (умышленного) убийства и указывали бы, что должно доказать обвинение; 3) они бы содержали объяснение любых обстоятельств, освобождающих от ответственности (теорий защиты), которые могли бы быть у обвиняемого, как, например, самооборона; и 4) они бы объясняли значение важных юридических терминов, как, например, «умышленное».

После того, как специфические для данного дела инструкции зачитаны, переходят к следующим инструкциям, объясняющим, как оценивать доказательства, и как должно происходить обсуждение в совещательной комнате.

Инструкция № 6

Факт может быть доказан прямыми доказательствами, косвенными уликами, или обоими.

Прямое доказательство имеет место, когда свидетель свидетельствует о событии, которое свидетель лично видел или слышал.

Косвенные улики имеют место, когда, свидетель не слышал или не видел событие лично, но видел или слышал что-то, что само по себе или вкупе с другими доказательствами, может привести присяжного к выводу, что событие произошло.

Оба вида доказательств допустимы и могут рассматриваться вами. Никакому из видов не должно придаваться больше веса, чем другому.

Инструкция № 7

Каждое лицо, дающее показания под присягой, является свидетелем. Вы, как присяжные, являетесь единственными судьями достоверности свидетелей, под которой я имею в виду, насколько свидетели заслуживают доверия. Вы также единственные судья того, насколько вески их показания.

Вы можете поверить всем, части, или ничему в показаниях любого свидетеля. Вы не обязаны верить свидетелю, даже если ничто не противоречит его показаниям. Вы должны действовать разумным образом при решении вопросов о доверии свидетелю и вескости его показаний.

Решая, верить ли свидетелю, или как вески показания свидетеля, вы должны принимать во внимание все обстоятельства, которые могут помочь вам вынести суждение в отношении показаний. Среди того, что вам следует принять во внимание, следующие факторы:

- 1) отношение, поведение и внешний вид свидетеля во время дачи показаний;
- 2) уровень интеллекта свидетеля;
- 3) возможность и способность свидетеля видеть или слышать то о чем свидетель дает показания;
- 4) точность памяти свидетеля;
- 5) любой мотив у свидетеля не говорить правду;
- 6) любую заинтересованность свидетеля в исходе дела;
- 7) любое предубеждение у свидетеля;
- 8) все мнения или доказательства в отношении репутации свидетеля;
- 9) любые прежние судимости свидетеля, связанные с честностью или правдивостью;
- 10) соответствие или не соответствие здравому смыслу показаний свидетеля;

11) согласованность в показаниях свидетеля, и подкрепляются ли они или противоречат ли другим доказательствам.

Инструкция № 8

Свидетель, который имеет научные, технические или другие специализированные знания или опыт может быть признан в качестве эксперта (специалиста) и может выразить его или ее мнение в дополнение к показаниям о фактах.

При решении вопроса о доверии свидетелю-эксперту и вескости его (ее) мнения в дополнение к факторам, данным вам для того, чтобы оценивать показания любого другого свидетеля, вы можете рассмотреть квалификацию и знания специалиста, доводы, изложенные во мнении, то, как эксперт получил информацию, о которой он или она давали показания.

Как и с другими свидетелями, вы должны решить, верить или нет эксперту, и как много веса придать его или ее показаниям. Вы можете поверить всему, части или ничему в показаниях эксперта.

Инструкция № 9

Свидетель-неэксперт (неспециалист) может давать показания об его или ее мнении, если оно разумно базируется на восприятии свидетеля и помогает прояснить понимание показаний или определение рассматриваемого факта.

Определяя, каков вес должен быть придан мнению, высказанному свидетелем-неспециалистом, вам следует принять во внимание, насколько свидетель заслуживает доверия, насколько у свидетеля была возможность воспринимать то, на чем основывается высказанное мнение и доводы, приведенные в обоснование, если были. Вы не обязаны принимать такое мнение, но должны придать ему определенный вес, на который, по вашему мнению, оно имеет право

Инструкция № 10

Психическое состояние может быть доказано косвенными уликами. Редко, когда это можно доказать другими способами. В то время как свидетели могут увидеть или услышать и, таким образом, способны дать прямые доказательства того, что сделало или не сделало другое лицо, никто не в состоянии увидеть или услышать, каково психическое состояние, с которым совершается действие или бездействие другим человеком. Но действия или бездействие лица, могут свидетельствовать о его психическом состоянии.

При определении вопросов психического состояния присяжные могут рассматривать любые сделанные заявления и акты или бездействие лица, также как и все факты и обстоятельства, которые могут помочь в определении психического состояния.

Инструкция № 11*

А. Обвиняемый дал показания по данному делу. Вы должны оценивать показания обвиняемого, так же как вы оценивали показания любого другого свидетеля.

Б. Обвиняемый имеет абсолютное право не давать показаний. Тот факт, что обвиняемый не давал показаний, не может быть никоим образом рассмотрен вами. Не думайте о том, почему обвиняемый не давал показаний. Даже не затрагивайте эту тему в ваших обсуждениях в совещательной комнате.

Это на стороне обвинения лежит обязанность доказать виновность обвиняемого помимо всех обоснованных сомнений. Обвиняемый не обязан доказывать, что он [она] невиновен(а).

Инструкция № 12

В конце судебного разбирательства, представители сторон выступили перед вами в прениях с доводами по делу. Доводы юристов, основанные на изучении и размышлениях, могут быть и обычно полезны. Однако надо помнить, что аргументы юристов не являются доказательствами и не могут считаться таковыми. Это ваша обязанность уделить серьезное внимание аргументам представителей сторон, если они основываются на доказательствах и на законе, как он объяснен вам мною в этих инструкциях. Но доводы представителей сторон, если они отклоняются от фактов или от закона, не должны приниматься во внимание. Юрист, хотя и действуя добросовестно, может ошибиться в своем припоминании доказательств, представленных во время процесса. Это на вас возложено определение того, какие доказательства были представлены по делу, и какие выводы о фактах должны быть извлечены из них.

Инструкция № 13

Отношение и поведение присяжных в начале обсуждения дела (в совещательной комнате) исключительно важны. Для присяж-

* Примечание: эта инструкция касается показаний обвиняемого. Если обвиняемый дает показания, используется инструкция А. Если обвиняемый не дает показаний, используется инструкция Б.

ного редко является плодотворным с самого начала громко заявлять о своем мнении по делу или о том, как он (она) намеревается проголосовать. Когда это делается в самом начале, может быть задето чувство гордости, и присяжный может постесняться изменить свою позицию, даже если будет показано, что он (она) не прав. Помните, что вы являетесь не приверженцем или заступником какой-либо стороны по данному делу, а судьями.

Инструкция № 14

На вас как на присяжных лежит обязанность консультироваться друг с другом, обсуждать дело с целью достижения соглашения, если таковое возможно без насилия над суждением лица.

Каждый присяжный должен решать дело независимо, но только после беспристрастного рассмотрения доказательств вместе с другими присяжными.

В процессе обсуждения присяжный не должен стесняться пересматривать его или ее точку зрения и изменять свое мнение, если оно было ошибочно.

Но никто из присяжных не может отказываться от честной убежденности в вескости или эффекте доказательства исключительно из-за мнения других присяжных, или с единственной целью вынесения вердикта.

Инструкция № 15

В совещательной комнате не обсуждайте или не рассматривайте вопрос о возможном наказании. Данный вопрос не должен ни в коей мере влиять на ваш вердикт.

Инструкция № 16

На время нахождения в совещательной комнате, для того чтобы держать вас вместе и для предотвращения бесед между вами и любыми другими лицами, будет назначен пристав. Пристав будет обеспечивать ваше питание, и производить за вас, в случае необходимости, телефонные звонки. Пристав не может отвечать на вопросы об этом деле или предоставлять вам какую-либо информацию, книги или материалы. Приставу, а также всем другим лицам, запрещено сноситься любым способом или образом с любым членом коллегии присяжных о любом предмете, имеющем отношение к данному делу.

Имейте также в виду, что вы не можете сообщать ни одному лицу — даже приставу или мне — о том, какова позиция коллегии присяжных в численном или любом другом отношении

по вопросу о виновности-невиновности обвиняемого до тех пор, пока это не будет разрешено судьей.

О любом нарушении любого пункта, о которых я предупредил вас, должно быть сообщено судье.

Инструкция № 17

Если во время нахождения в совещательной комнате у вас возникнет необходимость связаться со мной, вы можете послать через пристава записку, подписанную старшиной или одним или несколькими членами коллегии присяжных. Ни один из членов коллегии не должен, ни при каких обстоятельствах, вступать в контакт со мною посредством иного, чем передача записки, способа. Записка должна содержать дату и время вступления в контакт. Я ни при каких обстоятельствах не буду общаться ни с кем из присяжных иначе как в письменном виде или устно здесь, в открытом суде.

Судьи часто получают письменные вопросы от присяжных в совещательной комнате. Хотя я не всегда могу ответить на эти вопросы, я имею право сказать вам, что, если вы хотите быть проинформированными в отношении юридических вопросов, появляющихся по делу, вы можете написать, о каком именно положении закона вы бы хотели получить разъяснения, передать записку приставу, и я созову судебное заседание для рассмотрения вопроса. Суд осуществил звукозапись судебных слушаний по данному делу. Если вам необходимо прослушать какие-то показания определенного свидетеля, вы можете написать, показания какого именно свидетеля вы хотели бы прослушать, и мы организуем прослушивание. Никаких новых доказательств представляться не будет.

Пройдет какое-то время, прежде чем на ваш вопрос или запрос будет дан ответ, поскольку я должен буду собрать вместе обвиняемого, представителей сторон, клерка, присяжных для рассмотрения вопроса. Я говорю вам об этом не для того, чтобы отбить охоту писать вопросы, но только для того, чтобы вы понимали о возможной задержке.

Инструкция № 18

Каждый пункт обвинения обвиняет каждого обвиняемого, поименованного в этом пункте, в совершении отдельного преступления. В отношении каждого обвиняемого и каждого пункта обвинения, вы должны решить отдельно, представило ли обвинение доказательства, доказавшие, что конкретный обвиняемый

виновен вне обоснованных сомнений во вменяемом ему данным пунктом преступлении. Ваш вердикт в отношении обвиняемого по одному пункту не должен контролировать ваш вердикт в отношении виновности этого обвиняемого по другому пункту. Равным образом этот вердикт не должен влиять на ваш вердикт в отношении любого другого обвиняемого по этому же или иному пункту обвинения.

По мере обсуждения каждого пункта обвинения в отношении каждого из обвиняемых, если вы придете к выводу, что обвинение доказало каждый из элементов этого состава помимо всех обоснованных сомнений, вы должны признать обвиняемого виновным по данному пункту обвинения. Если же вы придете к выводу, что обвинение не доказало каждый элемент состава помимо всех обоснованных сомнений, то вы обязаны признать обвиняемого невиновным по данному пункту.

Для вынесения обвинительного или оправдательного вердикта по каждому пункту каждый из вас должен согласиться с таким вердиктом.

Инструкция № 19

Вы были одобрены в качестве присяжных по данному делу, основываясь на ваших ответах на вопросы, заданные вам в отношении вашей пригодности. Вы остаетесь в той же мере связанными данными ответами в настоящее время и до тех пор, пока вы не будете освобождены от участия по данному делу, как и тогда. Ваша присяга обязывает вас сознательно оценивать и взвешивать доказательства и вынести вердикт, основываясь на законе и доказательствах.

Удалившись в совещательную комнату, изберите старшину для руководства обсуждением.

Когда вы придете к соглашению о вердикте по решениям, представленным вам, ваш старшина должен заполнить, подписать и датировать бланк вердикта. После этого пристав должен быть уведомлен о том, что присяжные вынесли вердикт. Пристав, в свою очередь, проинформирует судью, а судья созовет стороны. Как только все соберутся, вы будете приведены в открытое судебное заседание для оглашения вердикта. До оглашения в открытом судебном заседании вердикт остается секретом, и вам не положено сообщать о том, каков он, никому, включая судью, секретаря судебного заседания и пристава.

Если к окончанию рабочего дня суда сегодня вы не вынесете вердикта, вам будет разрешено вернуться домой, вы долж-

ны вернуться в совещательную комнату завтра в 8:30 утра. Вы проинструктированы о вашей обязанности — обсуждать дело только в совещательной комнате в присутствии всех членов коллегии присяжных. В связи с этим, когда вы выходите из комнаты заседания присяжных, вы не имеете права беседовать ни с одним лицом о любом предмете, связанном с данным судебным процессом. Подобным же образом вы не должны видеть, читать или слушать любые репортажи или комментарии кого-либо по делу. Вы имеете право обсуждать дело и продолжать совещание, когда завтра все присяжные соберутся в совещательной комнате.

Теперь вы можете удалиться в совещательную комнату.

12. Заключение специалиста в области лингвистики о содержании вопросного листа и напутственного слова председательствующего (извлечение)*

Нам, доктору филологических наук, профессору кафедры современного русского языка Алтайского госуниверситета, заведующему лабораторией юрислингвистики и развития речи Голеву Николаю Даниловичу и кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка и литературы Барнаульского государственного педагогического университета Морозову Александру Владимировичу, имеющим опыт теоретических и практических исследований в области лингвистической экспертизы текстов по определению судов, поступила заявка от Л. дать заключение специалиста по предоставленным им материалам уголовного дела.

По просьбе Л. нам были переданы ксерокопии документов уголовного дела (напутственное слово судьи присяжным заседателям на листах дела 134-227 тома 17, вопросный лист по обвинению Косюка Андрея Викторовича и др. на стр. 18-23 (6 эпизод), показания подсудимых Кахцрикяна, Смагина, Колесникова, Гайдарова, Л. и свидетелей Н. и А. Доренских, Стехина, Дымова в суде на листах дела 141-178, 201-204, 262-266 тома 16, 65-66 тома 17) для заключения специалиста по следующим вопросам:

1. Имеется ли в тексте вопроса № 2.1 (20 стр. вопросного листа, 6 эпизод) информация о точном времени совершения Л. указанных в нем действий?
2. Содержится ли в показаниях Косюка, Кахцрикяна, Смагина, Гайдарова, Колесникова информация о том, что Л. был осведомлен о дальнейших планах вышеуказанных лиц в отношении имущества дома в с. Гоньба после поездки туда с Косюком, Кахцрикяном и Смагиным?
3. Имеется ли в показаниях Кахцрикяна, Смагина, Колесникова, Гайдарова, Л. информация о том, что Л. предложил вышеупомянутым лицам причинить кому-либо и какой-либо вред здоровью или угрожать причинением такого вреда?
4. Сколько действий перечисляется в тексте вопроса № 2.1 (20 стр. вопросного листа, 6 эпизод) и можно ли считать эти действия взаимосвязанными с лингвистической точки зрения?

* См. текст заключения на сайте Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис»: <http://lexis-asu.narod.ru>.

5. Насколько четко, определено и понятно для присяжных заседателей сформулированы вопросы № 1 и 2.1 (18–20 стр. вопросного листа, 6 эпизод)?

6. Какая информация о похищенных вещах в тексте вопроса № 1 (18 стр. вопросного листа, 6 эпизод) может быть наиболее актуальной при восприятии данного вопроса присяжными заседателями?

7. Соотносится ли информация, содержащаяся в тексте вопроса № 2.1 (20 стр. вопросного листа, 6 эпизод), с какими-либо фрагментами текстов (показаний), изученных в суде (показаний Косюка, Кахцрикяна, Смагина, Колесникова, Гайдарова, Н. и А. Доренских, Стехина, Л.)?

8. В каком количественном соотношении между собой находятся в напутственном слове судьи языковые единицы с обвиняющей и оправдывающей подсудимого Л. семантикой?

Вопрос 1. В тексте вопроса № 2.1 не содержится информации о точном времени совершения Л. вменяемых ему в вину действий. Формулировка «перед совершением действий, указанных в 1-м вопросе» неопределенна и может быть отнесена к любому моменту времени, предшествовавшему указанной в вопросе № 1 дате — 29 января 2001 года, что ставит под сомнение причинно-следственную связь между действиями, перечисленными в тексте вопроса № 1, и действиями, перечисленными в тексте вопроса № 2.1. Можно добавить, что значимость точного указания времени совершения Л. действий, перечисляемых в тексте вопроса № 2.1, определяется отсутствием единства в показаниях свидетелей и подсудимых именно в отношении данного обстоятельства, так и не устраненным в ходе судебного разбирательства.

Вопрос 2. В показаниях Косюка, Кахцрикяна, Смагина, Гайдарова, Колесникова не содержится информации, точно указывающей на то, что Л. был осведомлен о дальнейших планах вышеуказанных лиц в отношении имущества дома в с. Гоньба после поездки туда с Косюком, Кахцрикяном и Смагиным.

Вопрос 3. В показаниях Кахцрикяна, Смагина, Колесникова, Гайдарова, Лобаса не содержится информации о том, что Л. предложил вышеуказанным лицам причинить кому-либо и каким-либо образом вред здоровью или угрожать причинением такого вреда.

Вопрос 4. В тексте вопроса № 2.1 (20 лист вопросного листа, 6 эпизод) содержится информация о трех действиях: 1) Л. предложил своим знакомым забрать имущество и 2-х ствольное (Прим.: орфография оригинала) ружье из дома № 8 по ул. Нагорной; 2) Беляеву и Кириллову был причинен вред здоровью; 3) Л. предоставил им (?) информацию о них (?) и месте расположения дома. Заметим сразу, что при формулировании данного вопроса проявлена очевидная лингвистическая некомпетентность: в заключительной части предложения употреблены два местоимения третьего лица множественного числа — «им» и «них», притом что перед этим в тексте фигурировали две группы лиц — знакомые Л. (попутно заметим, что подобное обозначение действующих лиц без конкретных фамилий в тексте судебного документа явно недопустимо) и потерпевшие Беляев и Кириллов, следовательно, присяжные заседатели могли только догадываться, к какой из них относится каждое из местоимений. Что касается взаимосвязи между вышеперечисленными действиями, то два из них (первое и третье) приписываются Л., причинение же вреда Беляеву и Кириллову (если таковое вообще имело место) было совершено, как явствует из документов, другими лицами, и никакой сколько-нибудь очевидной взаимосвязи между этим действием и действиями Л., учитывая ответы на п. 2 и 3 запроса, нами не усматривается. Это дает основания предположить, что введение в текст формулировки вопроса, касающегося Л., явно постороннего с содержательной точки зрения обстоятельственного оборота, могло оказать эмоциональное воздействие на реципиентов (присяжных заседателей), создать у них впечатление более тяжкой вины подсудимого. При этом вменить в вину Л. причинение вреда здоровью потерпевших при данных обстоятельствах дела могло означать для присяжных заседателей имплицитное требование установить причинно-следственную связь между действиями Л. и причинением этого вреда (не очевидную с точки зрения простого здравого смысла и не содержащуюся ни в одном из показаний, изученных в ходе судебного разбирательства), что подразумевает юридическую квалификацию и в силу этого может нарушать условия, диктуемые п. 5 ст. 339 УПК РФ. Упоминание в тексте данного вопроса о причинении вреда здоровью нарушает также и логику смысловых связей в последовательности вопросов вопросного листа, поскольку в тексте вопроса № 1, на который ссылается вопрос № 1.2, не содержится никакой информации о причинении вреда здоровью

потерпевших: «...угрожая применением обреза одноствольного охотничьего ружья, связали...» (нет никаких указаний на причинение вреда здоровью и в показаниях обвиняемых по данному эпизоду; показания же с потерпевших вообще не снимались, что само по себе странно). Таким образом, присутствие одного из перечисленных в вопросе № 1.2 действий по меньшей мере сомнительно с точки зрения здравого смысла (а вопросы, обращенные к присяжным заседателям, должны быть по определению ориентированы прежде всего на здравый смысл), эмоциональное же его воздействие могло быть достаточно сильным: любая языковая единица, семантика которой связана с физическим насилием над личностью, неизбежно привлекает к себе основное внимание читающего, вне зависимости от ее объективной значимости и смысловых связей с другими элементами текста.

Вопрос 5. П. 8 ст. 339 УПК РФ гласит, что вопросы должны ставиться в понятных присяжным заседателям формулировках. Это означает, что юридические познания представителей обвинения, защиты и суда должны быть облечены в столь доступную для рядового гражданина форму, которая могла бы обеспечить адекватное восприятие и осмысление присяжными заседателями всего того, что происходит в судебном заседании и относится к деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый. В отношении вопроса № 1 можно сказать, что его текст чересчур объемён (60 строк) и, будучи при этом одним предложением, может быть воспринят только с приложением значительных умственных усилий. Текст перегружен перечислениями похищенных вещей с указаниями марок изделий и стоимости каждой из них. Возможно, это необходимо с юридической точки зрения, об этом мы не имеем возможности судить, но рядовому носителю русского языка, каковым является присяжный заседатель, трудно понять суть рассматриваемого дела, выделить для себя главное, понять вопрос, на который ему предстоит ответить: сказуемые, отражающие суть совершенных деяний, с трудом обнаруживаются среди многочисленных рядов однородных дополнений. Вопрос 2.1 вопросного листа, как уже отмечается при ответе на предыдущий пункт запроса, в целом сформулирован с нарушением как языковых норм, так и логических отношений между компонентами содержания, следовательно, не может удовлетворять требованию точности и понятности для читающего. Ответить адекватно на столь неудовлет-

ворительно сформулированный вопрос мог не каждый из присяжных заседателей, различающихся по психологическим установкам и уровню языковой компетенции, к тому же вопрос объединяет в себе несколько фактов, и у кого-то из присяжных могли быть в отношении них разные ответы. Обращает на себя внимание в тексте вопроса № 2.1 и слово «забрать», отвечающее на первый взгляд требованию представить юридическое содержание в языковой форме, понятной присяжным заседателям. Однако с точки зрения значения данного слова в общенародном языке, оно не даёт присяжным четкого представления о сути совершенного действия: «забрать» определяется толковым словарем как «взять кого-либо, что-либо откуда-либо с собой, к себе» или «присвоить, отнять у кого-либо что-либо против желания» (Словарь русского языка в 4 томах), причем контекстное окружение в данном случае работает на актуализацию первого из указанных значений, а не второго, возможно, подразумевавшегося составителями вопросного листа, поскольку глагол «забрать» управляет здесь существительным с предлогом «из» (забрать из дома), в то время как второе значение требует предлога «у» (забрать у кого-либо). Поскольку подсудимый Л. к тому же не «забрал» сам, а лишь «предложил забрать» что-то, суть совершенных им действий становится для присяжных заседателей еще более расплывчатой. По сути, формулировка вопроса не противоречит показаниям самого Л. на слушаниях в суде, в соответствии с которыми он собирался попросить сварочный аппарат в доме № 8 на время, а к Косюку и Кахцрикану обратился, чтобы они помогли ему «забрать» из указанного дома эту тяжелую вещь. Получается, что первая часть предложенного присяжным вопроса не вменяет однозначно подсудимому Л. ничего противозаконного. То же самое можно сказать и о третьей части вопроса (предоставил информацию о них и месте расположения дома). В контексте показаний Л. предоставление данной информации его знакомым, которое он сам и не отрицает, ничего однозначно криминального не содержит: показал дом, в котором есть сварочный аппарат людям, которых намеревался попросить помочь в доставке этого аппарата к месту ремонта его автомобиля. Таким образом, единственным однозначно противоправным действием, упомянутым в тексте вопроса № 2.1, оказывается причинение вреда здоровью потерпевших, которое, как показано в ответе на п. 2 запроса, не связано с двумя другими действиями и не относится к подсудимому Л., но без упоминания об этом присяжные могли не понять, по-

чему они вообще должны рассматривать вопрос о виновности Л. Можно прийти к выводу, что формулировка вопроса № 2.1 могла воспрепятствовать пониманию присяжными заседателями точного смысла совершенных подсудимым действий (то есть факта, судьями которого они призваны быть, согласно Комментарию к УПК РФ) и одновременно на эмоциональном уровне сформировать у них впечатление его виновности.

Вопрос 6. Как уже сказано в ответе на предыдущий пункт запроса, текст вопроса № 1 (18 стр. вопросного листа, 6 эпизод) чрезвычайно насыщен информацией о марках похищенных изделий и стоимости каждого из них, поэтому можно лишь предполагать, что было воспринято тем или иным из присяжных заседателей в качестве наиболее актуальной информации. Определенно можно сказать лишь то, что ни одна из похищенных вещей не выделена в тексте особо, в том числе вещи, факт похищения которых не был достоверно установлен в ходе судебного разбирательства, и вещи, имеющие особое значение для установления вины конкретного подсудимого. Так, в ходе судебного разбирательства выявились противоречия в показаниях относительно марки карбюратора, получение которого от лиц, участвовавших в разбое, вменялось в вину Л., однако в формулировке вопроса это никак не отражено, и присяжным заседателям могло составить затруднение из огромного потока информации выделить ту, которая действительно актуальна и должна по идее оказать влияние на решение ими дальнейших вопросов по каждому из конкретных подсудимых, в данном случае решение вопроса о виновности Л.

Нагромождение языковых единиц со стоимостной семантикой при отсутствии обобщающего члена, указывающего общую сумму, могло при восприятии присяжными заседателями сформировать неадекватное представление о тяжести совершенного деяния.

Вопрос 7. Информация, содержащаяся в тексте вопроса № 2.1, слабо соотносится по смыслу с какими-либо текстами, изученными в ходе судебного разбирательства. В отношении информации о причинении вреда здоровью Беляеву и Кириллову можно еще раз сказать, что она не опирается ни на какой из фрагментов оглашенных в суде показаний. То же самое можно констатировать и относительно информации о том, что Л. предложил забрать из дома № 8 двуствольное ружье, в матери-

алах дела содержится лишь информация о том, что он знал о существовании этого ружья. Формулировка «предложил забрать имущество» также не соотносится прямо по смыслу ни с каким из рассмотренных в суде текстов (показаний), так как не уточняет, какое именно имущество предложил забрать Л.

Информация о том, что Л. предоставил своим знакомым сведения о месте расположения дома № 8 по ул. Нагорной в с. Гоньба, опирается на фрагменты изученных в ходе судебного разбирательства показаний. Таким образом, это единственная информация из всей содержащейся в тексте вопроса № 2.1, которая непосредственно соотносится по содержанию и форме языковых единиц с конкретными фрагментами текстов, изученных в суде.

Вопрос 8. Ст. 340 УПК РФ определяет, что в своем напутственном слове председательствующий напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, разъясняет присяжным сущность принципа презумпции невиновности и положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого. Кроме того, п. 6 данной статьи косвенно обязывает председательствующего судью в своем напутственном слове соблюдать принцип объективности и беспристрастности. Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 20 декабря 1994 года разъясняет в п. 21, что под нарушением председательствующим принципа объективности при произнесении напутственного слова следует понимать, в частности, напоминание присяжным заседателям только уличающих подсудимого доказательств, исследованных в суде (Сборник постановлений пленумов по уголовным делам. М.: Спарк, 1994. С. 445). Лингвистический анализ напутственного слова судьи в тех его фрагментах, которые касаются действий подсудимого Л., показывает, что оно с точки зрения семантики и коннотации языковых единиц не нарушает требований данного принципа. В то же время с точки зрения соотношения в ней смысловых фрагментов противоположного содержания (обвиняющих и оправдывающих подсудимого Л.) обнаруживается заметное преобладание элементов текста с обвинительной семантикой. Судьей приведены полностью все фрагменты показаний других подсудимых, уличающие Л., а также тех свидетелей, которые данным показаниям не противоречат. Однако показания свидетелей, которые подтверждают версию Л. и могли бы способствовать его оправданию, судьей не были приведены. Не было обращено внимание

присяжных заседателей и на неустранимые сомнения, как предписывает закон (противоречия в показаниях относительно времени совершения Л. вменяемых ему в вину действий, марки карбюратора, полученного им от Косюка, которая не совпадает с похищенными, и т.п.). Разъясняя присяжным суть презумпции невиновности, судья мог бы обратить их внимание на то, что обвинение против Л. основывается только на показаниях других подсудимых, и напомнить при этом, как рекомендует комментарий к п. 6 ст. 340, что сами доводы, изложенные в чьих-либо показаниях, не являются доказательствами и должны оцениваться присяжными заседателями по их внутреннему убеждению и с учетом презумпции невиновности. Он мог бы также, в соответствии с п. 4 ст. 340, напомнить присяжным, что в случае вынесения обвинительного вердикта они могут признать подсудимого заслуживающим снисхождения. Однако фрагменты с таким содержанием в напутственном слове судьи отсутствуют. Таким образом, можно сделать вывод, что в напутственном слове судьи преобладают элементы текста с обвинительной семантикой.

8 января 2003 года

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий лабораторией
юрислингвистики и развития речи АГУ
Н.Д. Голев

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и литературы БГПУ, член лаборатории
юрислингвистики и развития речи АГУ
А.В. Морозов

13. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (извлечение)

«Конституцией Российской Федерации закреплено право обвиняемого в совершении особо тяжкого преступления против жизни на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. С начала возрождения в Российской Федерации этой формы судопроизводства около 20% обвиняемых ежегодно заявляют ходатайства о рассмотрении их дел с участием присяжных заседателей.

Указанная процедура рассмотрения уголовных дел, кроме того, гарантирует и конституционное право граждан на участие в осуществлении правосудия.

Обсудив практику рассмотрения дел судами с участием присяжных заседателей, Пленум Верховного суда Российской Федерации отмечает, что суды в основном правильно применяют уголовно-процессуальные нормы, регулирующие производство в суде с участием присяжных заседателей. Вместе с тем допускаются случаи ошибочного применения отдельных положений закона. С целью обеспечения единообразного и правильного применения указанных уголовно-процессуальных норм Пленум Верховного суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения...

21. В соответствии с требованиями закона о сохранении судом объективности и беспристрастности в ходе судебного разбирательства протоколы следственных действий, заключения экспертов, протоколы показаний потерпевших, свидетелей и другие приобщенные к делу документы оглашаются, как правило, стороной, заявившей ходатайство об этом, либо судом. В присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию процессуальные решения — постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а также не подлежат обсуждению и разрешению вопросы и ходатайства, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства, такие, как принудительный привод потерпевших, свидетелей, отводы участникам процесса, вопросы, касающиеся меры пресечения, и другие вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных заседателей и способные вызвать их предубеждение в отношении подсудимого и других участников процесса.

Не допускается оглашение приговора по другому делу в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников). Согласно ст. 74 УПК РФ такой приговор не является доказательством по рассматриваемому делу и в соответствии со ст. 90 УПК РФ не может предрешать виновность подсудимого. Оглашение такого приговора следует расценивать как незаконное воздействие на присяжных заседателей, которое может повлиять на их ответы на поставленные вопросы и соответственно повлечь за собой отмену приговора.

22. В силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. С участием присяжных заседателей не исследуются факты прежней судимости, характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и другие данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Вопрос о вменяемости подсудимого относится к компетенции председательствующего судьи и разрешается им в соответствии с требованиями ст. 352 УПК РФ без участия присяжных заседателей.

23. В соответствии со ст. 235 и ч. 5 ст. 335 УПК РФ судья по ходатайству сторон либо по собственной инициативе, как на предварительном слушании, так и в судебном разбирательстве исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе указанных стадий судебного процесса.

Одним из оснований отмены приговора суда с участием присяжных заседателей является ошибочное исключение из разбирательства допустимых доказательств, поскольку такое нарушение ограничивает гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства на предоставление доказательств и может повлиять на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них, а в дальнейшем — на постановление законного и справедливого приговора. Исключение из разбирательства дела доказательств должно производиться по постановлению председательствующего судьи с обязательным указанием мотивов принятого решения.

В соответствии с ч. 7 ст. 235 УПК РФ суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного ранее доказательства допустимым.

24. Согласно ч. 6 ст. 335 УПК РФ при судебном разбирательстве вопрос о допустимости доказательств разрешается в отсутствие присяжных заседателей. По смыслу этой нормы стороны сооб-

щают председательствующему о наличии у них ходатайств юридического характера, не раскрывая их содержания в присутствии присяжных заседателей.

При рассмотрении дела с участием присяжных заседателей стороны не вправе сообщать присяжным заседателям о наличии в деле доказательства, исключенного ранее по решению суда.

Председательствующий судья, руководствуясь ст. 243 и 258 УПК РФ, обязан принимать необходимые меры, исключающие возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами, а также возможность исследования вопросов, не входящих в их компетенцию.

Если исследование недопустимых доказательств состоялось, то обсуждение вопроса о признании их не имеющими юридической силы производится в отсутствие присяжных заседателей с последующим разъяснением им существа принятого решения.

Кроме того, при произнесении напутственного слова судья должен обратить внимание присяжных заседателей на то, что их выводы о виновности подсудимого не могут основываться на доказательствах, признанных недопустимыми.

Аналогичным образом председательствующий судья должен поступить и в случае, когда до присяжных заседателей доведена информация, не относящаяся к фактическим обстоятельствам дела, например сведения о судимости подсудимого, о применении незаконных методов следствия и т.д.

25. Прения сторон в суде с участием присяжных заседателей проводятся в соответствии со ст. 292 и 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела по данной форме судопроизводства, полномочий присяжных заседателей, содержания вопросов, которые ставятся перед ними.

Поскольку обеспечение соблюдения процедуры прений сторон возложено на председательствующего судью, он должен руководствоваться требованиями закона о проведении прений лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

В случае, когда сторона в обоснование своей позиции ссылается на обстоятельства, которые подлежат разрешению после провозглашения вердикта, либо на доказательства, признанные недопустимыми или не исследованные в судебном заседании, судья в соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ вправе остановить такого участника процесса и разъяснить присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Такое же разъяснение председательствующий судья должен сделать и при произнесении напутственного слова, излагая позиции сторон.

32. Судам следует иметь в виду, что при обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 344 и ч. 2 ст. 345 УПК РФ, когда председательствующий придет к выводу о необходимости уточнить вопросы либо дополнить их, он заслушивает мнение сторон, уточняет либо дополняет вопросный лист, произносит краткое напутственное слово и возвращает присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Если председательствующий с учетом мнения сторон возобновляет судебное следствие, им могут быть внесены уточнения в поставленные вопросы, а также сформулированы новые (ч. 6 ст. 344 УПК РФ), после чего вновь заслушиваются прения сторон и реплики по вновь исследованным обстоятельствам, а также последнее слово подсудимого, произносится напутственное слово, и лишь после этого присяжные заседатели возвращаются в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Если после возобновления судебного следствия в соответствии с ч. 6 ст. 344 УПК РФ вопросы лишь уточнялись, такие уточнения вносятся в составленный ранее вопросный лист. Когда по техническим причинам это не представляется возможным сделать в вопросном листе, все уточнения, новые вопросы и другие необходимые изменения излагаются на отдельном листе, являющемся продолжением ранее составленного вопросного листа.

В случае, когда по окончании возобновленного судебного следствия председательствующий придет к выводу о необходимости сформулировать новые вопросы и составить новый вопросный лист, ранее составленный вопросный лист признается недействительным и приобщается к делу.

33. Содержание напутственного слова, с которым председательствующий обращается к присяжным заседателям перед удалением их в совещательную комнату для вынесения вердикта, должно соответствовать требованиям ст. 340 УПК РФ.

При постановке в вопросном листе вопросов о фактических обстоятельствах, позволяющих исключить ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление, председательствующий наряду с содержанием уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, должен сообщить присяжным заседателям содержание и этого закона.

Согласно ч. 3 ст. 340 УПК РФ в напутственном слове председательствующий лишь напоминает присяжным заседателям исследованные в суде как уличающие, так и оправдывающие подсудимого доказательства, не выражая при этом своего отношения к ним и не делая из них никаких выводов, разъясняет правила оценки доказательств и другие принципы правосудия, изложенные в этой статье. Полное содержание доказательств перед присяжными заседателями излагается сторонами.

В соответствии с ч. 4 ст. 340 УПК РФ в своем напутственном слове председательствующий обязан не только обращать внимание присяжных заседателей на то, что в случае вынесения обвинительного вердикта они могут признать подсудимого заслуживающим снисхождения, но и разъяснить им порядок назначения наказания в таком случае.

34. Учитывая, что согласно ч. 6 ст. 340 УПК РФ стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности, содержание напутственного слова должно быть подробно изложено в протоколе судебного заседания.

Если напутственное слово изложено в письменном виде, то оно в полном объеме должно быть приобщено к делу. При этом в протоколе судебного заседания делается запись о произнесении председательствующим напутственного слова и о приобщении напутственного слова в письменном виде к делу.

Под нарушением председательствующим принципа объективности и беспристрастности при произнесении напутственного слова следует понимать, в частности, напоминание присяжным заседателям только уличающих или только оправдывающих подсудимого доказательств, исследованных в суде, их оценку, выражение в какой-либо форме своего мнения по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей, и т.п.

По смыслу ст. 340 УПК РФ возражения сторон заявляются в присутствии присяжных заседателей. В их же присутствии председательствующий излагает свое решение по заявленным сторонами возражениям. При отсутствии возражений сторон об этом делается отметка в протоколе судебного заседания...

Боботов С.В. Откуда пришел к нам суд присяжных? (англосаксонская модель). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995.

Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

Брауер Э. Суд присяжных по законодательствам Германии: Общий обзор и положение немецких законодательств по этому предмету, с кратким указанием на законодательства других государств, преимущественно на французское, шотландское и северо-американское / Пер., прим. В. Бартенев. СПб.: Журн. М-ва юст., 1865.

Владимиров Л.Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков: Унив. тип., 1873.

Галкин А.И. Напутственное слово председательствующего // Вестник Саратовской государственной академии права. Научно-популярный журнал. 1996. № 3 (спецвыпуск). С. 235.

Гейнце Р. Очерк английского судоустройства в связи с судом присяжных. СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1896.

Григорьева Н.В. Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1. Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. С. 161-182.

Гришин С. Напутственное слово председательствующего к присяжным заседателям — новый источник права // Уголовное право. № 4. 2005. С. 65-67.

Гулевич О.А. Психология в суде присяжных (аналит. обзор): Учеб. пособие для вузов // Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т психол. им. Л.С. Выготского. М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. (Психология и право).

Зажицкий В. Напутственное слово председательствующего // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1994. № 3. С. 5-6.

Закревский И. По поводу «резюме» председателя суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. 5 кн. С. 44-54.

Зивс С.А. Современный уголовный суд присяжных в Англии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: NOTA BENE, 2000.

Кириллова Н.П. Суд присяжных в России и мировой опыт. СПб., 1998.

Кони А.Ф. Присяжные заседатели. Собр. соч. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1966. С. 331-391.

Кудрявцева Е. П. Напутственное слово (содержание уголовного закона, предусмотренного ст. 105-109 УК РФ) // Рассмотрение

дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрид. лит., 1998. С. 181-238.

Ляхов Ю.А. Судебное следствие в суде присяжных // Составительное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1. Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996.

Магун А.В., Краснопольский И.А. Судья-профессионал в суде присяжных (социально-психологическая характеристика) // Составительное правосудие. Вып. 1. Ч. 2. М., 1996. С. 393-419.

Мельник В. Здравый смысл — основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 9.

Мельник В. Здравый смысл в напутственном слове // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1995. № 9. С. 7-8.

Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р.Валент, 2003.

Объективность напутственного слова в изложении Кассационной палаты, судей и ученых // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 1996. № 1. С. 6-9.

Петрухин И.Л. Производство в суде с участием присяжных заседателей. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2001.

Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.

Судариков В.А. Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве. Дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук М., 2004.

Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России: Судебные очерки. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1881.

Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула, 1901.

Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 8: Судебная реформа / Под ред. проф. Б.В. Виленского. М.: Юрид. лит., 1991.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб.: Альфа, 1996.

Шурыгин А.П. Защита в судопроизводстве с участием коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 1997. № 8, 9.

Шурыгин А.П. Правоприменительная практика рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 2.

Шурыгин А.П. Рассмотрение дел с участием коллегии присяжных заседателей // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрид. лит., 1998. С. 281-282.

Handbook for Trial Jurors. Serving in the United States district courts. Washington. D.S. 20544.

Heiklen, Julian. Jury nullification // URL:<http://www.personal.psu.edu/faculty/j/p/jph13/JuryNullification.html>; Bentley, Richard. A Review of the History of Jury Nullification // URL: www.mfsacalpac.net/Nullification.html.

Независимый экспертно-правовой совет

Насонов С.А.

**Напутственное слово председательствующего
в суде присяжных**

Подписано в печать

с готового оригинал-макета 12.01.2006

Формат 60х90/60. Бумага офсетная. Гарнитура «Univers»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19. Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно.

Редактор серии Парамонов А.А.

Редактор Сокольская К.О.

Компьютерная верстка Мичуриной В.П.

«Р. Валент»

(Издательская лицензия РЛ № 066590 от 18.05.1999. Госкомитет РФ по печати)

103062 Москва, ул. Покровка, д. 38а.